

Деятели книги

Л. М. Равич

Г. Н. ГЕННАДИ

(1826-1880)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

Пожалуйста когда выйдетъ въ Москвѣ 1-й томъ и моя книжечка къ нему, которая будетъ продаваться особо — то объясните несвѣдущей братьѣ что эта книжечка нужна, что безъ нее у нихъ (т. е. покупающихъ изданіе) Пушкинъ будетъ не полный. Не для барышей же желаю чтобы ее покупали (не я ее издаю) а потому что безъ нѣкот. объясненій въ ней заключающихся, могутъ меня во многомъ обвинить, въ чемъ я неповиненъ, напр. перемѣна на запятыя, опечатокъ и т. п. — Кромѣ того въ книжкѣ будетъ много дополненій къ тексту, между прочими къ Онѣгину и къ Прол.

Письмо Г. Н. Геннади С. Д. Полторацкому

Деятели книги

Л. М. Равич

Г. Н. ГЕННАДИ

(1826-1880)

Москва «Книга» 1981

ББК 78.5
Р13

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
Везирова Л. А., кандидат педагогических наук,
Фрадкина З. Л., кандидат педагогических наук

Р $\frac{61005-050}{002(01)-81}$ 62-81 4503010000

ВВЕДЕНИЕ

Григорий Николаевич Геннади относится к числу наиболее известных русских библиографов прошлого века. Его перу принадлежит около 160 работ по библиографии, библиотековедению, истории литературы и книжному делу. Интересы Геннади отличались большой широтой: он был автором ряда работ по краеведческой и отраслевой библиографии (история, география, этнография, статистика, история театра, археология), первым библиографом Пушкина и Гоголя, его перу принадлежит первый в России и в мире национальный ретроспективный указатель библиографических пособий —«Литература русской библиографии» и один из лучших русских биобиблиографических трудов —«Справочный словарь о русских писателях и ученых». Геннади был одним из зачинателей рекомендательной библиографии для народного чтения. Ему принадлежит и инициатива в создании библиографии библиотековедения — его «Указатель библиотек в России» сохраняет доныне большой интерес. Заслуживают внимания деятельность Геннади по созданию репертуара русской книги и его попытки организации научного коллектива для выполнения этой грандиозной задачи.

Между тем, несмотря на столь богатое наследие, деятельность Г. Н. Геннади изучена весьма слабо. До сих пор не существует сколько-нибудь обстоятельной работы, посвященной этому выдающемуся деятелю отечественного книговедения. Изданная в 1913 г. брошюра У. Г. Иваска «Григорий Николаевич Геннади. Обзор жизни и трудов» является лишь аннотированным перечнем работ Геннади, правда, чрезвычайно добросовестно выполненным, однако ни в коей мере не возмещающим отсутствие обобщающего труда.

В советское время были опубликованы три работы, посвященные Геннади: Ю. И. Масанова «Григорий Книжник» (в книге того же автора «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок». М., 1963), С. М. Бабинцева «Архив Г. Н. Геннади» (Сов. библиогр., 1955, вып. 39) и статья автора настоящей книги «Г. Н. Геннади и проблема репертуара русской книги» (Труды ЛГИК, 1970, т. 21). Первая из них является популярным очерком, построенным на общеизвестных данных, вторая представляет собой описание архивных материалов, хранящихся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; третья касает-

ся лишь одного из аспектов деятельности Г. Н. Геннади. К этой литературе можно добавить материал из соответствующих разделов «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнова и многочисленные беглые упоминания о Геннади в различных работах историко-литературного и книговедческого характера*.

Неизученным остается и богатейший архив Г. Н. Геннади, содержащий, кроме его личных дневниковых записей и обширного эпистолярного материала, черновые тексты двух неопубликованных крупных трудов — четвертого тома словаря писателей и «Библиографии русских альманахов и литературных сборников». Не проведено обследование личных архивов тех русских книговедов, с которыми Геннади состоял в дружеской или деловой переписке. Между тем эти фонды (в особенности архивы С. Д. Полторацкого, С. А. Соболевского, М. Н. Лонгинова) дают богатый материал для исследователя жизни и творчества Геннади.

Неразработанность биографического материала и отсутствие глубокого анализа всей совокупности трудов Г. Н. Геннади привело к односторонней и противоречивой характеристике его деятельности. К Геннади принято относиться как к барину-дилетанту, не умевшему или не желавшему серьезно трудиться, как к случайному человеку в науке, несмотря на то, что подавляющее большинство его работ со всей очевидностью опровергает это мнение. Бросается в глаза и явная противоречивость в оценке Геннади: с одной стороны, основные его труды признаны классическими, а сам он постоянно именуется выдающимся русским библиографом, с другой — едва заходит речь о его теоретических взглядах, как он безоговорочно причисляется к представителям реакционного формализма в библиографии — явления заведомо бесплодного, в русле которого едва ли было возможным создание столь значительных трудов. Следует отметить, что тезис о формалистичности позиции Геннади базируется не на анализе его трудов, а на вырванных из контекста цитатах. Кроме того, ему инкриминируются и такие обстоятельства его биографии, как большое богатство, унаследованное от отца, благодаря чему он мог заниматься библиографией не для заработка, а просто «из любви к искусству», как действи-

---

* Сохранилось письмо У. Г. Иваска к директору Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко, из которого явствует, что он собирался писать большую работу о Геннади и обращался за материалами ко всем, близко знавшим библиографа (письмо хранится в архиве Кобеко.— ГПБ, ф. 354, № 61).

тельно несколько комическое стремление быть во что бы то ни стало «с веком наравне», приводившее к некоторой разбросанности интересов и незавершенности ряда трудов. Неудачными были и попытки Геннади выступить в роли издателя и редактора. Его стремление прославиться, его странная женитьба на немолодой и некрасивой княжне Куракиной давали богатую пищу для современников-юмористов. Очевидно, в человеческом облике Геннади действительно было что-то нелепое, несмотря на его трудолюбие и безусловно высокую образованность. Но можно ли на этом основании строить характеристику Геннади как библиографа, книговеда? Вряд ли. Если между личными качествами того или иного деятеля культуры и его творческим наследием не может быть установлена прямая связь, то эти качества не подлежат исследованию историка и не могут быть приняты во внимание при характеристике данного лица. Книговед может быть правильно понят только через его труды; человеческие достоинства и недостатки измеряются не сами по себе, а ценностью его наследия. В противном случае перед нами встает неразрешимая загадка: каким образом этот барин, дилетант, от нечего делать забавлявшийся библиографией, мог создать труды, вошедшие в золотой фонд отечественного книговедения?

Пока над Геннади тяготеют обличительные ярлыки, не может быть и речи о подлинной оценке его деятельности. Это наносит ущерб нашим представлениям не только о нем самом, но и о библиографии 1850—1870-х гг., активным участником и полноправным представителем которой он являлся. Обвинения, направленные против Геннади, не могут быть ни объяснены, ни опровергнуты вне исторического «контекста». Ведь прежде чем оценивать его деятельность, следует выяснить, насколько она соответствовала уровню и требованиям библиографии того времени. Безотносительно к этому вообще не может быть объективных критериев для оценки.

В начале 50-х гг. XIX в. в России формируется новый тип работника книжного и литературного дела; наступил период в отечественном литературоведении и книговедении, который принято называть «библиографическим». На страницах многих периодических изданий стали появляться сообщения и публикации отдельных фактов, касавшихся малоизвестных или забытых явлений истории книги, литературы, общественной мысли. Такие работы именовались в то время «библиографическими исследова-

ниями», а их авторы считались библиографами. Как правило, подобные работы принадлежали перу библиофилов, владельцев крупных книжных собраний, не только усердно собиравших, но и изучавших русскую книжную старину.

Библиографическое движение представляло собой чрезвычайно сложное и внутренне противоречивое явление общественной и научной жизни того времени. Зародившись еще в конце николаевского царствования, оно достигло окончательной зрелости в условиях общественного подъема, наступившего во второй половине 50-х гг. Библиографы, сформировавшиеся в 50-х гг., были книговедами в самом широком смысле этого слова: историками книги и литературы, текстологами и публикаторами, библиофилами и библиотековедами. Этого требовало тогдашнее состояние книговедческих знаний: отсутствие, как правило, готового материала для библиографирования, необходимость сложных разысканий, знания книги по существу, а не только по заглавиям, недифференцированность гуманитарных наук. Круг интересов и занятий библиографов 50—70-х гг. был чрезвычайно широк — от составления регистрационных списков до глубоких самостоятельных книговедческих исследований. Естественно, что при таком положении вещей от библиографа требовалась большая историко-литературная и книговедческая эрудиция.

Библиография в те времена почиталась некоей синтетической наукой о книге, вмещавшей в себя целый комплекс наук. Подобное — чрезвычайно расширительное — понимание объема и общественных функций библиографии было не просто следствием слабой развитости ее теории (хотя этот момент нельзя полностью исключить), оно явилось результатом недифференцированности гуманитарных знаний вообще. Кроме того, на известной стадии развития библиографии такое толкование отражало сложившееся на практике положение вещей. Нам представляется, что в данном случае мы имеем дело с неким отголоском энциклопедизма XVIII столетия, который в гуманитарных науках был преодолен значительно позднее, чем в точных и естественных,— возможно, отчасти и в силу кажущейся доступности исторических и литературоведческих занятий. Теоретики же библиографии склонны были приписывать своей области знания столь грандиозные цели и задачи, что она представлялась некоей всеобщей и всеобъемлющей наукой о книге, литературе, культуре.

Следует, однако, отметить, что отдельные области столь широко понимаемой библиографии в различные годы развивались по-разному. Так, например, вопросы библиотековедения и библиотечной библиографии в первой четверти XIX в. развивались весьма слабо, зато собственно библиография сделала в это время большие успехи. К концу 40-х и особенно в 50-е гг. доминирующее место в общем книговедческом комплексе заняли работы, стоящие на стыке истории книги и литературоведения. Это объяснялось насущными нуждами развивавшейся историко-литературной науки, которая в те годы практически была неотделима от библиографии. Такой историко-литературный уклон, естественно, привлек к библиографии молодые научные силы. Началась, как это обычно называют, «мода» на библиографию, увлечение ею, необычайное возвышение ее престижа.

На страницах периодических изданий конца 50-х — начала 60-х гг. возникла дискуссия по вопросам библиографии, в которой активное участие принял «Современник» Некрасова и Чернышевского. Понимая необходимость библиографии для любого научного исследования, критики революционно-демократического лагеря боролись против засилия мелочей, протестовали против публикации малозначительного материала и выражали опасение, что к новому течению, благодаря его популярности, примкнут неквалифицированные работники, которые могут дискредитировать эту область деятельности. Полемический задор (в особенности свойственный Добролюбову) приводил иной раз и к незаслуженным насмешкам, которым подвергались и вполне уважаемые библиографы. Однако наиболее значительные библиографические работы неизменно встречали сочувственное отношение критиков «Современника».

Следует подчеркнуть, что внутри библиографической школы не было единства. В ней отчетливо различаются два направления: либеральное (Геннади, Лонгинов, Соболевский, Полторацкий) и демократическое (Афанасьев, Михайлов, Якушкин, Касаткин, Ефремов). Разделяя общие методические установки библиографизма, обе эти группы значительно отличались друг от друга тематикой своих работ, которая у представителей левого крыла была куда более политически острой и злободневной. Поэтому исследователю следует воздерживаться от суммарных характеристик «библиографизма» как научного и общественного явления и не представлять его как нечто монолитное и

гармонически единое. Желая во что бы то ни стало найти объединяющую идею библиографической школы, исследователи с неизбежностью выдают за таковую лежащие на поверхности, наиболее часто цитируемые высказывания. При таком абстрактном подходе ускользает живое содержание данного явления, оно превращается в мертвую схему, а деятели его нивелируются.

Во взглядах на общественные функции библиографии внутри библиографической школы также не было единства. И это вполне понятно: библиографов объединяла не политическая платформа, а лишь новая методика работы. Поэтому говорить о «библиографизме» как определенном идеологическом течении, с которым сражалась передовая критика, нет никаких оснований. Один лишь факт принадлежности к этой школе таких радикально настроенных людей, как В. И. Касаткин, Е. И. Якушкин, А. Н. Афанасьев, П. А. Ефремов и М. Л. Михайлов, основательно опровергает подобное мнение.

«Библиографизм» как научная школа выставил весьма отчетливые требования к работнику книжно-литературного дела. Среди установок этой школы первое место занимало сознание того, что критической оценке деятельности и творчества писателя должны предшествовать исчерпывающие указатели литературы о нем и полное издание его сочинений. Отсюда и внимание к «мелочам», т.е. к любым материалам, вышедшим из-под пера данного писателя. Вторым требованием была установка на изучение не только корифеев литературы, но и второстепенных писателей, без знания творчества которых невозможно построение полноценной истории литературы.

Ныне оба эти соображения представляются вполне элементарными, давно принятыми историко-литературной наукой, однако не так было сто лет тому назад. Библиографам пришлось выдержать немало сражений, выслушать немало упреков в мелочности, крохоборчестве и т.п., пока само развитие историко-литературной науки не доказало их правоту. Разумеется, среди работ представителей библиографической школы встречались и неудачные и действительно мелочные (на это им было указано передовой критикой), однако в целом эта школа стояла на правильном пути и очень много сделала для установления многочисленных фактов историко-литературного процесса.

Г. Н. Геннади полностью разделял установки библиографической школы. И достижения и промахи его явились отражением определенного уровня развития библиогра-

фии того времени. Об этом следует помнить, анализируя труды Геннади, определяя его место в истории библиографии.

В этой книге сделана попытка воссоздания жизненного и творческого пути Григория Николаевича Геннади. Для ее написания использованы богатые неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах Москвы и Ленинграда, воспоминания современников, периодические издания, в которых сотрудничал Геннади, его дневники и письма и, разумеется, труды, в том числе и неопубликованные.

Геннади показан в окружении других книговедов эпохи. Для характеристики его взаимоотношений с деятелями книги середины прошлого века использована богатейшая, превосходно сохранившаяся переписка этих лиц, впервые вводимая в научный оборот.

Глава I
ГОДЫ УЧЕНЬЯ. УЧИТЕЛЯ. СОРАТНИКИ. ДРУЗЬЯ

Предки Григория Николаевича Геннади по отцовской линии — южного происхождения. Дед его, Александр Геннади, был то ли «грек с острова Корфу», то ли «из молдавских уроженцев». В 80-х гг. XVIII в. он переселился в Россию, вступил фурьером в лейб-гвардии Преображенский полк; в 1796 г. принял русское подданство, а в 1810 г. получил «дворянское достоинство и герб». Сын его, Николай Александрович, родившийся в 1796 г., получил уже обычное для русского молодого дворянина воспитание. Большой книголюб, обладавший значительными средствами, он собрал хорошую библиотеку, которой с детства пользовался его сын — будущий библиограф. Сын «грека-молдаванина» женился на немке («саксонке») Мари фон Плоетц*. Супруги вскоре разошлись, и сын их Григорий, по-видимому, жил с отцом. Во всяком случае, ни в письмах, ни в дневниках молодого Геннади нет даже упоминаний о матери, в то время как с отцом он был очень дружен.

Детство Григория Геннади прошло в отцовском имении, селе Юшине Сычевского уезда Смоленской губернии. В доме имелась превосходная библиотека; мальчик был приучен любить и ценить книги. Начальное образование он получил, однако, не дома, а в Сычевском уездном училище, к которому на всю жизнь сохранил признательность. Впоследствии, будучи почетным смотрителем училища, он подарил этому учебному заведению отличную им самим подобранную библиотеку, к которой сам составил и каталог.

Когда мальчик немного подрос, его отдали в знаменитый московский пансион Леопольда Чермака. Здесь преподавали известные московские педагоги и ученые: крупный русский математик Д. М. Перевощиков (впоследствии ректор Московского университета и академик); магистр латинской словесности А. М. Кубарев, автор «Теории русского стихосложения»; классик Тайдер и другие.

---

* Во внешности их сына причудливо смешались черты столь далеких народов. Вот как описывает его библиофил Я. Ф. Березин-Ширяев: «Он среднего роста с продлинноватым, несколько худощавым лицом, с светло-русыми на голове волосами, с небольшою бородкой и бакенами. В манерах его видна облагороженность, свойственная человеку высшего круга. Он говорит правильно и отчетисто, но несколько гнусавым тоном, вероятно, по привычке к французскому разговору» (Рус. библиофил, 1912, т. 3, с. 31—32).

Как в царскосельском лицее, здесь придавали учению литературный уклон. «Мне не раз случалось встречаться с лицами, вышедшими из пансиона Чермака,— писал в своих воспоминаниях Д. В. Григорович.— <...> Все они отличались замечательною литературною подготовкой и начитанностью»[1]. Несколькими годами раньше Геннади в этом пансионе учились братья Достоевские, и их сестра В. М. Иванова также отмечала, что воспитанники Чермака выносили из пансиона большие литературные познания. Для мальчика, уже принесшего из родительского дома любовь и уважение к книге, годы, проведенные у Чермака, конечно, не прошли даром. Книга стала его спутницей на всю жизнь. Воспитание у Чермака — это также немаловажно — было лишено какого бы то ни было политического консерватизма. Дух Московского университета, атмосфера серьезных и свободных дискуссий, прививавшийся воспитанникам интерес не только к классической, но и к современной литературе — все это выгодно отличало пансион Чермака от других привилегированных частных учебных заведений.

Григорий Николаевич Геннади принадлежал к поколению, сформировавшемуся в николаевскую эпоху. Отец его был богат и ни в каких политических делах не замешан. Перед сыном была открыта любая служебная карьера, тем более, что служба весьма поощрялась, а на праздных людей, пусть даже богатых, правительство смотрело подозрительно. В таких условиях первоначальное воспитание, усвоенные в молодые годы взгляды и принципы имели огромное значение. Зачастую они определяли весь дальнейший жизненный путь. То, что юный Геннади попал именно к Чермаку, было для него большой удачей. Он не стал ни генералом, ни сановником, не стал потому, что не стремился к этому.

Осенью 1843 г. Геннади поступил на юридический факультет Московского университета. Завязывается ряд приятельских связей с однокашниками и студентами старших курсов. Среди последних — Я. П. Полонский, дружбу с которым Геннади сохранил на всю жизнь. «Тогдашний Московский университет,— пишет биограф поэта Б. М. Эйхенбаум,— был не только университетом «таинственного гегелизма» (по выражению Аполлона Григорьева), но и университетом либерализма — в лице таких профессоров, как П. Г. Редкин (энциклопедия права), Д. Л. Крюков (древняя история) и особенно Т. Н. Грановский (история средних веков), лекциями которых увлекался и Полонский.

«Мы все были идеалистами, т. е. мечтали об освобождении крестьян»,— говорит он в воспоминаниях о студенческих годах[2].

Геннади проучился в Московском университете всего один год; на втором курсе он уже в Петербурге. Но восприимчивость к «идеализму», уважение к науке, стремление к справедливости были уже прочно заложены в душе молодого человека.

19-летний студент Петербургского университета записывает в дневнике наивные вирши собственного сочинения:

Дай же мне войти в твое святилище,
Ты, Наука, будь спаситель мой,
Ты мой храм, ты чистое хранилище
Истины всевечной и святой[3].

«Постоянно хожу в Университет, записываю все лекции, обедаю обыкновенно дома, один, по вечерам у Демидовых или в театре, или в Café читаю газеты. Ни одной минуты не ленюсь, много читаю, пишу часто письма отцу в Париж, в Москву и проч. А между тем как-то пусто. Может быть, оттого, что не влюблен. Что же делать, насильно нельзя»[4]. Это — самая первая молодость, самая ранняя весна, тут все еще зыбко, все подернуто розовым флером, но уже здесь угадываются черты будущего труженика.

Он очень много и серьезно читает. Сохранилась его тетрадь с записями о прочитанном. В ней — 1365 номеров; масса истории — Гизо, Соловьев, мемуары; биографические очерки; вся современная беллетристика и поэзия, все важнейшие русские журналы. Тетрадь испещрена заметками, размышлениями, выписками из прочитанного.

«Читал роман Искандера (Герцена) Кто виноват? в приложении к Современнику. Чýдно написано. Во второй раз перечел вслух Филимонову, и ему очень понравился. Но ему внешне, ход рассказа, а мне внутренно, связь происшествий; виден глубокий ум писавшего и именно закрыв книгу спросишь Кто виноват? сказать судьба — смешно. Кажется, Русь святая виновата, что этим людям не живется, среда, действительность их убила»[5]. Ему в это время 21 год, он студент последнего курса, и у него уже распланирована вся будущая жизнь.

«Что можно сделать для русской литературы»,— записывает он еще двумя годами раньше. Оказывается, вот что:

«1) издать для детей описание путешествий;

2) историю Петра I для детей или, по крайней мере,

юности его, до самодержавного воцарения;

3) издать сказочный сборник русских и иностранных сказок;

4) биографии государственных мужей России;

5) книжку для чтения в народных училищах;

6) издать **дельно** сочинения русских классиков; <...>

17) биографии Пушкина, Ломоносова; <...>

25) биография и заслуги Новикова (его издания);

26) библиографический список всех издававшихся в России журналов и газет; <...>

28) составить библиографическую систему для размещения и распределения библиотеки. Разобрать при этом более известные библ<иографические> системы и исчислить главные библ<иографические> руководства на иностранных языках; <...>

37) составлять ежегодно некрологи замечательных людей русских и издавать ежегодно книгами»[6].

Всего таких пунктов 44, после многих из них рукой автора впоследствии приписано: «сделано».

Обращает на себя внимание то, что уже здесь, наряду с общелитературными интересами, отчетливо проявляются интересы библиографические. Из тех же записных книжек мы узнаем, что 19-летний Геннади читает «Библиографические листы» Кеппена, ставшие уже в то время большой редкостью и мало кого интересовавшие. Тогда же он читает и перечитывает Сопикова[7]. А через два года он уже отчетливо видит главную цель современной библиографии: создание словаря русских писателей и репертуара отечественной книги[8].

«Задумал я подражать Quérard,— записывает он накануне выпуска из университета.— Хочу заняться разоблачением наших литературных псевдонимов и анонимов и впоследствии издать что-нибудь целое об этом. Это полезно для истории литературы»[9].

Из дневниковых записей этих лет видно, что молодому студенту хорошо известны все основные библиографические труды эпохи: работы Кеппена, Сопикова, Керара, Эберта, Петцхольдта являются его повседневным чтением.

Откуда этот интерес? Почему 20-летний богатый юноша обращает свое внимание на такую отнюдь не блестящую область, как библиография?

«Буду работать как умею и могу и если не буду ничего в этой жизни, pas même academicien*, то буду по

* Даже академиком (фр.).

крайней мере Русский Библиограф!»[10] — записывает он в дневнике.

Весьма начитанный в русской и европейской библиографической литературе, молодой Геннади не мог не усвоить то высокое представление о библиографе, которое бытовало в то время. «Библиография является самой обширной и всеобщей отраслью человеческих знаний, а потому все должно входить в компетенцию библиографа: языкознание, логика, критика, философия, красноречие, математика, география, хронология, история и дипломатика ему не чужды; история книгопечатания и знаменитых типографов ему хорошо знакома, так же как вся техника типографского искусства»[11],— так писал Пеньо в своем «Толковом словаре по книговедению», широко известном в России.

«Век наш — по преимуществу **исторический** век,— писал в 1842 г. В. Г. Белинский.— **Историческое созерцание** могущественно и неотразимо проникло собой все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания; без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии»[12]. Увлечение историей — одна из характерных черт общественных настроений России 40-х гг., особенно резко выразившаяся в последующее десятилетие. Позднее Чернышевский скажет, что не любить историю может только человек, совершенно неразвитый умственно, что она — самая популярная из всех наук.

Библиография мыслилась тогда как наука историческая, как часть истории культуры, просвещения. История литературы, книги, письменности входила в библиографию. Библиограф должен был быть историком литературы и книговедом в самом обширном смысле слова. Естественно, что такое поприще привлекало молодого человека, воспитанного в уважении к книге как высшему достижению цивилизации.

Русская библиография в начале XIX в. переживала бурный расцвет. За короткое время были созданы почти все основные элементы библиографической системы: выдающийся труд Шторха и Аделунга дал обозрение русской книги за пятилетие; каталоги Плавильщикова и Смирдина представили ассортимент почти всей читаемой литературы; Кеппен в своих «Библиографических листах» явился регистратором текущей печатной продукции; аннотированные списки новых книг помещались на страницах вид-

нейших журналов эпохи; наконец, Сопиков выступил с «Опытом российской библиографии»— первым сводом отечественной книги. Первая четверть века продемонстрировала столь блистательное начало русской библиографии, что, казалось, вскоре она должна была далеко превзойти зарубежные. Однако с воцарением Николая I библиография, как и все книжное дело, переживает эпоху застоя и упадка. Из всех возникших ранее видов библиографии по-настоящему продолжает жить только журнальная. Между тем русское общество уже имело возможность оценить пользу и даже необходимость библиографии. И если в начале века Шторху еще приходилось ссылаться на авторитет «всех просвещенных народов» для того, чтобы привлечь внимание к своему «Обозрению», то уже в 40-х гг. это было бы излишним — любой толковый библиографический труд был бы встречен с полным одобрением и сочувствием. Но библиография как бы дожидалась лучших времен. Деятели старой школы еще не перевелись, они сидели в тиши своих библиотек, копили сокровища, в их кабинетах громоздились ящики, картоны, папки с карточками, выписками — результаты кропотливых, усердных разысканий. Библиография ушла в библиофильство, стала его ветвью. Ей служили Полторацкий, Соболевский и, вероятно, многие другие, не известные нам труженики, продолжатели дела Сопикова. Это они подготовили расцвет библиографии, наступивший после падения николаевского режима.

Но наряду со «стариками» к делу библиографии начала примыкать и молодежь, в 40-е гг. еще робко, а в 50-е — уже целыми десятками. Геннади был, как справедливо полагал Н. В. Здобнов, одним из первых, если не первым человеком своего поколения, так рано понявшим значение библиографии для дела культуры и возжаждавшим быть не кем другим, как Русским Библиографом.

В ноябре 1847 г. Г. Н. Геннади окончил юридический факультет Петербургского университета. На службу он не торопился. Хозяйственных обязанностей у него не было. Он продолжал собирать и пополнять свою библиотеку, в особенности ее библиографический отдел. Несколько позднее, в 1852 г., он с удовлетворением констатирует: «В последнее время отдел библиографии в моей библиотеке обогатился, и я не могу не выразить здесь моего удовольствия». Он перечисляет труды Пеньо, Нодье, каталоги Демидова, Разумовского и мн. др. «Руководство уже достаточно: надо учиться, а потом за работу!»[13]. Но одних

руководств для успешного ученья было недостаточно. Надо было искать живых учителей.

Геннади в это время завязывает множество знакомств в библиотечно-библиографическом и литературном мире. В первую очередь он налаживает тесный контакт с руководством Публичной библиотеки. По-видимому, это происходит в самом начале 50-х гг. Начиная с 1852 г. Геннади публикует множество заметок о деятельности этого крупнейшего книгохранилища на страницах различных периодических изданий: «Русского художественного листка» (1852), «Санктпетербургских ведомостей» (1852, 1853), «Москвитянина» (1854), «Книжного вестника» (1860), «Библиографических записок» (1861) и др. Кроме этих — опубликованных — заметок Геннади принадлежит и оставшийся в рукописи список литературы по истории Публичной библиотеки. Вот как рассказывает он об этом в своих записных книжках: «Был у Корфа и передал ему составленный мною список всего, что печатано от и о Публичной библиотеке. Он нашел. недосмотры. Ему это дало мысль образовать в библиотеке особое собрание книг, печатанных о Публичной библиотеке и библиотеке Залусских, и поставить в особый шкафчик»[14].

Геннади принес в дар библиотеке немало ценных изданий из своего уникального книжного собрания. Директор библиотеки М. А. Корф также оказал Геннади немаловажную услугу: он ввел его в круг своих сверстников, признанных «мэтров» русской библиографии. Весной 1852 г. молодой Геннади с интересом выслушивает рассказ Корфа о Полторацком и Соболевском, а 22 ноября того же года он записывает: «Сегодня день щастливый: я познакомился с Сергеем Дмитриевичем Полторацким. Этого знакомства давно желал, потому что оно мне нужно и полезно; оказалось, что оно приятно, потому что он славный, приветливый человек, страстно любит книги и книжное дело, занимается ревностно, но жаль мало оканчивает и печатает. Он мне показывал свои портфели, ящики и тетрадки, все полные материалов для истории литературы, био- и библиографии, словаря писателей. Мы дали друг другу руку и будем, кажется, работать вместе. По крайней мере, я без него во многом не обойдусь»[15].

Через неделю Полторацкий наносит ему ответный визит. «Сегодня утром просидел у меня Полторацкий. Старик, сухой, худенький, видно много переживший, глухой, но чрезвычайно быстрый и живой, впечатлительный, суетливый, совершенный живчик <...> Мы сговорились рабо-

тать **над словарем русских писателей вместе:** он берет А и Б, я В и Г и потом напечатаем. Что-то будет? Дело не шуточное! У него материалов бездна, у меня — ничего или почти ничего. Но мы уже ударили по рукам: я же его подстрекнул работать и издавать, а то у него все копится и лежит. Надо хоть по частям издавать; пусть дополняют другие»[16].

«Старику» в это время — 49 лет, молодому — 26. «Старик»— сверстник и приятель Пушкина, Кюхельбекера, братьев Бестужевых, пропагандист их творчества во Франции, друг Николая и Ксенофонта Полевых, «кум, отец и единоверец» «Московского телеграфа», сотрудник Керара, друг Чаадаева. Для молодого он — живая легенда. Его авторитет в библиографическом деле — непререкаем. В его картонах — золотые россыпи. Но он безмерно требователен к себе, не решается опубликовать свои материалы, пока не уверен в абсолютной достоверности каждой записи. Письма друзей Полторацкого полны нареканий на эту его чрезмерную осторожность. Так, Соболевский в письмах к Лонгинову жалуется, что Полторацкого невозможно «подвигнуть» на публикацию собранных им материалов. Эту же черту сразу подмечает и Геннади. Все же он вначале рассчитывает на сотрудничество Полторацкого, тем более, что у него самого нет почти ничего, кроме молодости и энтузиазма.

В ответ на согласие старшего товарища работать вместе с ним он разражается стихотворным посланием:

Благодарю, сто крат благодарю.
За ласку, за совет, за все благословляю.
Как книголюба Вас давно боготворю,
Как человека Вас теперь я обожаю.
Не нужно Вам признаний и похвал.
Скажу я только: слава Богу!
Руководителя — сопутника мне дал
Он в дальнюю, тяжелую дорогу.
Да, мы идем по трудному пути
Глухою, не проторенной дорогой,
И нелегко по ней без устали итти
И цели ждать с сердечною тревогой!
Но веселей вдвоем; итак, дружней вперед
И в путь отправимся мы смело.
Работа нас займет и завлечет
И наконец Добром* мы кончим наше дело[17].

Однако этим надеждам не суждено было осуществиться. Геннади пришлось работать самостоятельно. С 1858 г.

---

* «Добро»— буква «Д» славянского алфавита. Полторацкий взялся составлять словарь на буквы «А» и «Б», а Геннади — на «В» и «Г».

в целом ряде изданий появляются составленные им списки русских писателей и ученых, умерших в истекшем году, и только в 1876 г. выходит в свет первый том его знаменитого «Справочного словаря о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях».

Столь же безуспешными были попытки Геннади склонить Полторацкого к совместной работе над библиографическим указателем русских журналов. «Не привезете ли Ваши списки журналов?— спрашивает он Полторацкого в письме от 2 марта 1853 г.— Надо же соорудить полный список»[18]. Сотрудничества не получилось, но С. Д. Полторацкий навсегда остался для Геннади учителем и критиком его работ. «Я занялся обзором переводов иностранцев из Пушкина, который посвящаю Вам и печатаю в Библиографических записках,— пишет Геннади в 1858 г.— Ожидаю от Вас со временем пополнений. Авось Вас хоть этим подстрекнешь. Поправки и пополнения — это мое дело, скажете Вы, и, вооружаясь картонами и выкройками, выступите за мною в Библиографических Записках»[19].

Полторацкий с ревнивым интересом следил за успехами своего молодого приятеля. Ему нравилась его энергия и предприимчивость, но он строго осуждал Геннади за каждую допущенную им неточность. «Иногда я осмеливался советовать Вам — не торопиться,— пишет он.— Скорость хороша только блох ловить. В библиографии она не годится»[20]. Это предупреждение было далеко не лишним. Стремление Геннади (особенно в молодые годы) во что бы то ни стало сразу выступать в печати со своими трудами сыграло с ним немало злых шуток, «венцом» которых явился скандальный пропуск «Мертвых душ» в «Списке сочинений Гоголя». Впоследствии Геннади стал гораздо осмотрительнее и уже не вызывал нареканий со стороны старшего товарища.

Полторацкого и Геннади связывали и общие библиофильские интересы. Они постоянно обменивались редкими изданиями*.

Из переписки Геннади мы узнаем, что Полторацкий был его советчиком и по историко-литературным вопросам, которыми оба они живо интересовались. По предложению Полторацкого Геннади был избран в действительные члены Общества любителей Российской словесности, возро-

* Сохранилась любопытная «расписка», написанная Полторацким: «Печатный экземпляр речи Герцена в Вятке, подаренный мне Григорием Николаевичем Геннади в 1852 г., отнят им у меня насильно в присутствии Михаила Петровича Полуденского в пятницу 4 октября 1857 г.».

дившегося в 1859 г. Вероятно, Полторацкий же познакомил Геннади с С. А. Соболевским и М. Н. Лонгиновым.

Личность С. А. Соболевского хорошо известна историкам русской культуры, однако его роль в развитии отечественной библиографии, в сущности, совершенно не изучена. Оно и понятно: кроме нескольких статей обзорного характера, Соболевский ничего не печатал по вопросам библиографии, а переписка его с книговедами до сих пор не опубликована. Между тем именно она объясняет нам особого свойства авторитет Соболевского в развитии русской библиографии: он был вдохновителем множества трудов, источником оригинальных идей, наконец, строгим и знающим судьею. Крупнейший знаток книги, европейски образованный человек, корреспондент Брюне и Паницци, Соболевский пользовался высоким авторитетом не только среди русских, но и среди европейских библиографов. Обширные знакомства в библиографическом мире позволяли ему постоянно быть в курсе всех новейших книговедческих идей и начинаний.

Для того чтобы дать представление о роли Соболевского в русской библиографии 50-х гг., мы позволим себе процитировать отрывки из одного его письма к Полторацкому, датированного 1853 г., т.е. написанного в самом начале так называемого библиографического периода.

«Вот тебе проект и пища для твоей деятельности,— пишет Соболевский другу.— Брось несбыточные предположения и займись этим. Дело сподручное тебе по многим причинам. 1. Ты обладаешь лучшим собранием повременных наших изданий, обладая им и собирая его, ты лучше всякого знаешь, что существует еще вне оного: это твоя desiderata. 2. Наша умственная деятельность, юношеская в Европе, настала тогда, когда уже журналистика считалась везде зеркалом авторства; от этого случилось то, что почти ничего не печаталось и не писалось в России, о чем бы не сообщалось или отрывками или известиями в наших журналах. Нигде журналистика не была таким полным реперториумом попыток на просвещение и ученость, как у нас. 3. Из этого следует, что у нас-то полный, точный и верный обзор журналов и газет составит сам собою полную историю **русской** литературы; о словенской же пусть хлопочут словенофил**ы** и словенофил**и**. Проект мой состоит в следующем: **составь погодную библиографию газет и журналов с 1703 года**... (далее следует подробный план.— **Л. Р.**). Выгоды сей формы следующие: 1. Допускается **неполнота сведений**, ибо при позднейших открытиях

оные сообщаются впоследствии. Желание же вдруг, с первого удара полноты тебя губит и тебя останавливает на каждом шагу. 2. Делается разделение работы. Ты можешь поручить Петру один журнал, Сидору другой, указать им, по какой **форме** они должны работать, а эту форму принять для себя и для сотрудников на один покрой, что весьма важно, когда дело пойдет о приведении под один уровень разноручных работ. <...> 3. Сама собою образуется рамка для включения всех возможных библиографических, биографических и литературно-исторических твоих и. чужих заметок, записок, изысканий, анекдотов, припоминаний и проч. <...> Указатели: 1. Содержание (уже есть в описании), 2. Авторов, 3. Переводчиков, а несколько таких указателей потом сольются вместе и составят твой лексикон с 1703 по 18** год»[21].

Этот план Соболевского поражает своей зрелостью, стройностью и законченностью предложенной им системы. Только два десятилетия спустя он был реализован А. Н. Неустроевым, и то лишь для журналов XVIII в. Подобных проектов в письмах Соболевского к Полторацкому, Лонгинову, Геннади рассыпано великое множество. Это была действительно сокровищница библиографических идей. Кроме того, как мы уже упоминали, Соболевский был негласным редактором многих библиографических трудов. Когда Геннади начал печатать «Литературу русской библиографии», он не решился выпустить ее в свет без «благословения» Соболевского.

Высоко оценивая этот труд и принимая активное участие в его создании, Соболевский тем не менее сочинил по этому поводу злую эпиграмму. Однако на него как-то не принято было обижаться. Он и сам хорошо понимал, что Геннади не принимает всерьез его выходки.

«Я на-днях писал к Геннади,— сообщает он Лонгинову,— назвал его **библио-рыло** и сделал заметку, что иных так называю от глагола **рыться**, а других (Тихонравова) от **рыло** <...> Вот его ответ:

Забавно мне было
О: **библиорыло**
Заметку прочесть;
Меня насмешило,
Как вздумал ты мило
Его произвесть
От рыло и рыться!
Да, точно годится
Меня так прозвать!
Сотруднику тоже
По случаю рожи

Названье под стать!
Удачно и славно!
Отменно забавно!
Но можно б сказать
И: **книжное рыло.**
Вот это бы было
На русскую стать»[22].

В октябре 1854 г. Г. Н. Геннади записывает в своем дневнике: «Познакомился с М. Н. Лонгиновым. У него славная русская библиотека»[23]. Лонгинов в это время жил в Москве, и Геннади познакомился с ним в один из своих приездов туда. Вскоре между ними завязывается деловая и приятельская переписка. М. Н. Лонгинов в это время был уже известным историком литературы и библиографом. В течение многих лет он был активным сотрудником «Современника», опубликовавшим в журнале ряд историко-литературных разысканий под рубрикой «Библиографические записки». Эти «Записки» пользовались популярностью у читателей. Сохранились письма И. И. Панаева к Лонгинову (с приписками Н. А. Некрасова), содержащие настоятельные просьбы о присылке библиографических материалов. В отличие от библиографов старшего поколения, Лонгинов печатался много и охотно. Список его трудов составляет более трехсот названий. Лонгинов считался знатоком русской литературы XVIII в. И действительно, его исследования о Новикове, Радищеве, старинных русских журналах явились ценным вкладом в историю литературы.

Но тематика работ Лонгинова не ограничивалась только XVIII в. Он писал и о Пушкине, и о Чаадаеве (имя которого он первый упомянул на страницах русских журналов 50-х гг.), и о Лермонтове, и о многих других русских писателях и поэтах. Имя Лонгинова впоследствии стало одиозным, но в 40—50-х гг. он пользовался авторитетом в литературных и библиографических кругах. Геннади пытался привлечь Лонгинова к сотрудничеству в задуманном им грандиозном деле — создании репертуара русской книги (об этом будет подробно рассказано ниже), но тот уклонился, не располагая для этого достаточным досугом. Тем не менее он охотно помогал Геннади советами и материалами. Между ними происходил постоянный обмен сведениями, в особенности касающимися редких и запрещенных изданий, которыми была богата библиотека Лонгинова*.

---

* Книжное собрание М. Н. Лонгинова было принесено его дочерью в дар библиотеке Пушкинского Дома и ныне хранится там. Это — ред-

В 1852 г. Геннади познакомился и близко сошелся с Михаилом Ларионовичем Михайловым, крупнейшим знатоком зарубежной литературы, поэтом и переводчиком. М. Л. Михайлов был также страстным библиофилом, увлекавшимся старой книгой[24]. Он обладал обширными познаниями в русской библиографии, ни одно крупное начинание в этой области не обходилось без него. В 1854 г. Н. С. Тихонравов сообщает С. И. Пономареву, что будет издавать библиографический сборник. «Михайлов, тоже очень хороший человек, для сборника дает две статьи»[25],— пишет он. Когда подобный же сборник задумал издать Пономарев, В. П. Гаевский, вербовавший для него петербургских авторов, с удовлетворением отмечает: «Геннади и Михайлов очень рады вам содействовать»[26]. Михайлов был назван в числе постоянных сотрудников «Библиографических записок». В 1859 г. он избирается редактором отдела словесных наук в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» П. Л. Лаврова. Сохранилась его неопубликованная переписка с М. Н. Лонгиновым (ПД), которого он просил «помочь своим участием и советами» в написании статей по отделам всеобщей и русской литературы. С такими же просьбами он обращался и к Геннади, которому предлагал на выбор любые статьи.

Широкая образованность и прекрасные личные качества привлекали к М. Л. Михайлову всех, кто с ним сталкивался. «С первого появления в кругу литературной петербургской молодежи,— вспоминает В. Р. Зотов,— Михаил Ларионович приобрел ее любовь и всеобщую симпатию»[27]. Геннади также был в числе восторженных почитателей Михайлова. В письмах к друзьям он постоянно упоминает о разговорах, встречах, о творческих планах Михайлова. Сохранилось три письма Михайлова к Геннади — 1853, 1855 и 1860 гг. Из них видно, что приятели часто общались, обменивались изданиями и литературно-библиографическими сведениями. «Мне предстоит крайняя надобность видеться и переговорить с Вами»[28],— пишет Михайлов Геннади в 1860 г. Геннади и Михайлов встречались до самого ареста последнего. Любопытно отметить и такой факт: после осуждения Михайлова большинство его знакомых поспешили уничтожить письма поэта, боясь

чайший случай счастливой судьбы библиотеки деятеля отечественной библиографии. Великолепные собрания Соболевского, Геннади, Афанасьева, Якушкина и других были потеряны для русской культуры.

быть уличенными в связи с «политическим преступником». Геннади был одним из немногих, кто не только сохранил адресованные ему письма Михайлова, но и взял на сохранение письма его к ряду других лиц. Благодарную память о безвременно погибшем товарище он сохранил на всю жизнь.

Недавно были опубликованы письма к Геннади А. Н. Афанасьева, редактора «Библиографических записок», человека радикальных убеждений, последователя и корреспондента Герцена. Тон их удивительно доверительный и дружеский. Афанасьев открывает Геннади свой псевдоним (И. М-къ), под которым, как он пишет, «должно итти все задирательное», сообщает ему полный текст запрещенного послания Пушкина «К Чаадаеву», а также другие стихотворения поэта, «не проехавшие в цензурные врата»[29]. Щепетильность в выборе знакомств и высокая принципиальность Афанасьева известны, поэтому его переписка с Геннади может служить еще одним доказательством авторитета последнего в книговедческих кругах.

Среди близких знакомых и корреспондентов Геннади были многие видные деятели — литераторы и библиографы: П. А. Ефремов, М. И. Семевский, Н. П. Собко, В. П. Гаевский, Н. С. Тихонравов, Г. П. Данилевский, С. И. Пономарев, П. П. Пекарский, В. И. Межов, Я. Ф. Березин-Ширяев и другие. Близкими друзьями его были А. М. Жемчужников и Я. П. Полонский. Не лишним будет напомнить и такой эпизод: по выходе в свет «Материалов для биографии Пушкина» друзья Анненкова чествовали его торжественным обедом и поднесли ему экземпляр этой книги в шагреневом переплете с надписью «Автору образцовой биографии Пушкина и добросовестному издателю сочинений великого нашего поэта — Павлу Васильевичу Анненкову — от его литературных друзей и знакомых в память обеда 17 февраля 1855 года». Под этой надписью стоит 17 подписей и — наряду с именами Тургенева, Некрасова, А. Толстого, А. Жемчужникова, Полонского, Панаева, В. Боткина — мы видим здесь имена М. Михайлова и Геннади[30].

Крупнейший книговед П. А. Ефремов обращается к Геннади за справками по истории русской литературы[31].

«Пришлите, ради неба и Ваших несравненных книжных дарований, указание мне статей и книг: где сказано о путешествии Екатерины II в Украйну и Крым»,— просит Геннади известный писатель Г. П. Данилевский. Он же пишет: «Приберите фразу редкостную по библиографии

для альбома моего современных знаменитостей. В нем Вы, милый тезка, встретите всё своих друзей!»[32]

С подобной просьбой обращается к Геннади и М. И. Семевский. В его знаменитом альбоме есть три автобиографические записи, принадлежащие Геннади. Последняя из них, сделанная незадолго до смерти Геннади, следующая: «Геннади, Григорий Николаевич, бывший библиофил, ныне библиограф и собиратель портретов. <...> Печатал разные библиографические статьишки и указатели, известные более или менее Мих<аилу> Иван<овичу> Семевскому, и мечтает окончить допечатанный до половины словарь (справочный) о русских писателях и ученых. Спб., 7 ноября 1879 г.»[33].

Геннади был постоянным посетителем и активным участником знаменитых «четвергов» у П. А. Ефремова, а в 70-х гг. возглавлял так называемые «Дуровские среды», на которых собирались крупнейшие библиофилы и книговеды Петербурга — Д. А. Ровинский, П. А. Ефремов, Д. Ф. Кобеко и другие[34].

Таким образом, как мы видим, Геннади был авторитетным и активным деятелем русской библиографии 50—70-х гг. XIX в.

Имя Геннади было хорошо известно и за пределами России, в особенности в Германии. Он был дружен с переводчиком Тургенева Фридрихом Боденштедтом, преподававшим славянские языки в Мюнхенском университете[35]. Геннади был активным сотрудником известного немецкого библиографа Юлиуса Петцхольдта, много печатался в его журнале «Anzeiger für Litteratur der Bibliothekwissenschaft»*. Кроме того, не следует забывать, что ряд трудов Геннади был издан им в Германии: два тома «Словаря писателей» (Берлин), «Les écrivains franco-russes» (Дрезден) и др., что также способствовало его популярности за рубежом.

Глава II
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ. КРУГ ИНТЕРЕСОВ. ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ

Г. Н. Геннади несколько раз был мишенью насмешек сатириков «Современника». Это обстоятельство, естествен-

* В 1857—1860 и 1864—1865 гг. Геннади был постоянным сотрудником журнала, опубликовал в нем множество заметок о русских библиотеках, о новых библиографических изданиях, вышедших в России, ряд рецензий и т.п.

но, настораживает исследователей его творчества. Передовой журнал эпохи бичевал все косное и реакционное, понятно, что исследователи с большим вниманием относятся к отзывам этого издания на работы любого автора. Тем не менее в нашей книговедческой литературе не проанализированы высказывания «Современника» о Григории Книжнике (псевдоним Геннади) и не сделано даже попытки установить, какая сторона его деятельности была объектом критики этого журнала. Между тем Геннади как библиограф не вызывал нареканий со стороны критиков революционно-демократического лагеря; более того, единственная крупная библиографическая работа Геннади, изданная в годы существования «Современника»,— «Литература русской библиографии» (1858) — получила одобрительный отзыв на страницах журнала. Критике была подвергнута его издательская и редакторская работа, крайне неудачная. На страницах «Современника» были помещены отрицательные отзывы Н. А. Добролюбова на изданные Геннади книги «Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная» (Современник, 1859, № 3) и «Любовь. Эротические стихотворения русских поэтов» (там же, 1860, № 5). Действительно, обе книги оставляли желать много лучшего. Старинная история Ваньки Каина, привлекшая внимание Геннади как библиографическая редкость и представлявшая интерес для исследователей из-за прилагавшихся к ней в прежних изданиях народных, так называемых «разбойничьих» песен, была издана Геннади как раз с исключением последних, что, в сущности, обесценивало ее. Остроумный Соболевский тотчас же откликнулся на это явление известной эпиграммой:

За то, что жизнь ярыжника
Без песен он издал,
Я бы Григорья Книжника
Порядком наказал <и т. д.>.

Однако ирония Добролюбова в рецензии на эту книгу была направлена не столько даже на качество издания, сколько на выбор сюжета. В условиях революционной ситуации критики «Современника» строго относились ко всему, что, по их мнению, являлось неактуальным и не служащим насущным общественным потребностям. Поэтому предприятие Геннади было квалифицировано Добролюбовым как бесполезное и ненужное.

Еще суровее была встречена вторая книга, изданная Геннади,— сборник «Любовь». Действительно, Геннади проявил не слишком много вкуса и издательского уменья,

собрав в пределах небольшой книжки стихотворения Пушкина и Зотова, Баратынского и Милькеева. Крайне неудачным был и подзаголовок «Эротические стихотворения русских поэтов», тем более, что никакой эротики в нем не содержалось: здесь была только чистая лирика*. Современная Геннади пресса встретила эту книгу безоговорочным осуждением, причем издателю досталось не только от прогрессивной критики. Такой консервативный журнал, как «Библиотека для чтения», также отрицательно отнесся к сборнику. Понятно, что в данном случае к Геннади предъявлялись претензии не идеологического, а чисто эстетического порядка. Вместе с тем есть одно обстоятельство, которое не следует упускать из виду, анализируя рецензию Добролюбова на «Любовь»: это — неприятие «чистой» лирики критиками революционно-демократического лагеря. Исследователь творчества Некрасова А. Я. Максимович полагал, что «отрицательное отношение «Современника» к сборнику Геннади вполне последовательно: ведь Добролюбов даже о таких стихотворениях Пушкина, как «Я вас любил, любовь еще, быть может» и «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»,— именно в это время отзывался более чем холодно»[1].

В 1859 г. издатель Я. А. Исаков пригласил Геннади редактировать собрание сочинений А. С. Пушкина. Издание сочинений великого поэта было в то время делом чрезвычайно сложным, прежде всего потому, что рукописи Пушкина, хранившиеся в его семье, были недоступны большинству исследователей. Одному лишь П. В. Анненкову, издавшему собрание сочинений Пушкина в середине 50-х гг., удалось получить в свое распоряжение бумаги поэта. При всех своих достоинствах (особенно по сравнению с первым посмертным изданием) издание Анненкова было далеко не полным, как по причинам цензурного характера, так и потому, что целый ряд произведений Пушкина был еще не выявлен исследователями. За годы, прошедшие после его выхода в свет, на страницах русской периодической печати было опубликовано большое количество пушкинских текстов. Назрела необходимость нового издания, тем более, что анненковское быстро и полностью разошлось. В этих условиях Исаков и предпринимает новое издание сочинений поэта. Г. Н. Геннади, взявшийся за

* Геннади в письме к Полторацкому сообщает, что хотел назвать сборник «Лель», но не решился (ГБЛ, ф. 223, карт. 1, ед. хр. 33, 17 янв. 1860 г. Л. 1 об.).

редактирование и не имевший, в сущности, никакого опыта редакторской работы, попытался применить принципы только что зародившейся новой «библиографической» науки — текстологии.

«Эдиционно-текстологическая деятельность,— пишет историк текстологии А. Л. Гришунин,— становится в это время на научную основу, осознается как дело ответственное и важное. <...> Основными задачами текстологических разысканий этого времени стали достижение абсолютной полноты в собраниях сочинений и хронологический принцип в расположении произведений, так как для уяснения духа и смысла эпохи недостаточно было знакомства только с главными произведениями писателя, для этого нужен был он весь, в его последовательном развитии»[2]. В соответствии с требованиями этой школы Геннади ставит перед собой четыре задачи: 1) собрать все тексты (включая варианты и черновые наброски); 2) по возможности осуществить достоверную их датировку; 3) разместить произведения в хронологическом порядке их написания и 4) снабдить издание солидным справочно-библиографическим аппаратом. Что касается последнего, то тут Геннади вполне преуспел, проявив и умение и трудолюбие: издание было снабжено целым томом примечаний, библиографических сведений и тому подобных материалов, с большим интересом встреченных всей современной прессой. Не то получилось с самими произведениями поэта. Геннади осуществил здесь прием, воспринятый его современниками с законным недоумением: заботясь о сохранении каждого слова, вышедшего из-под пера Пушкина, он вставлял прямо в текст (выделяя, правда, скобками и курсивом) варианты и зачеркнутые самим поэтом строки. В своем стремлении дать полного Пушкина Геннади не знал никакой меры,— точнее будет сказать, не был вооружен правильной методикой и практикой издания, так как основы композиции так называемых академических изданий в то время еще не были разработаны. В результате получилось неудачное, крайне неудобное для чтения издание*.

---

* Несмотря на хор насмешек, сопровождавших это «новшество», библиографы тех лет настолько были убеждены в необходимости такой контаминации, что редактор следующего издания Пушкина, П. А. Ефремов, повторил этот прием, даже, по мнению советских исследователей, усугубив нелепости геннадиевского издания. (См. об этом: Пушкин. Итоги и проблемы изучения/ Коллективная монография под ред. Г. П. Городецкого, Н. В. Измайлова и Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966, с. 502).

Известно, что на это издание была написана эпиграмма Соболевского:

О жертва бедная двух адовых исчадий,
Тебя убил Дантес и издает Геннади.

В «Свистке», приложенном к 12-му номеру «Современника» за 1860 г., был напечатан фельетон «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина». Этот фельетон высмеивает Геннади как раз за принятый им порядок публикации текстов. Выступая от имени рядового читателя (фельетон построен как письмо из провинции), автор сетует на то, что он не узнает любимых произведений поэта и как человек неученый никак не может понять, что это за наука — библиография и для чего она вмешивается в такое дело, как издание стихотворений Пушкина. Это выступление «Свистка» не содержит никаких политических обвинений, направленных против Геннади,— здесь речь идет исключительно о композиционной стороне редактированного им издания Пушкина. Поэтому нам представляется необоснованной та трактовка, которую дают этому фельетону исследователи творчества Некрасова.* Так, А. Я. Максимович, комментируя названные материалы из «Свистка», утверждает: «Нетерпимо отрицательное отношение «Современника» к трудам незадачливого Григория Книжника было, по-видимому, связано также с отрицательной оценкой самого Геннади как человека и гражданина. Социальный облик Геннади был ясен и не вызывал симпатий: барич, с аристократическими замашками, богатый наследник (у отца — 200 тыс. десятин земли), дилетантски забавляющийся библиографией. <...> Еще более ненавистной была личная черта этого барича, которую его биограф (У. Г. Иваск) определил кратко и ясно: «любострастие его не знало никаких границ»[3]. Цитируя слова Добролюбова о библиографах, которые наводняют литературу указателями, Максимович высказывает мнение, что «это метило прямо в Геннади: именно он может быть назван наиболее законченным представителем такого библиографического крохоборчества, именно он в изобилии составлял указатели (хотя и не «собачьих кличек», как издевался Некрасов): шесть годовых указателей «географических, этнографических и статистических статей, поме-

---

* Автором этого фельетона долгое время считался Н. А. Некрасов, затем он был (по нашему мнению, без достаточных оснований) переатрибутирован М. Л. Михайлову и ныне помещается среди сочинений последнего.

щенных в «Губернских ведомостях»; три указателя «Исторических статей и материалов, помещенных в «Губернских ведомостях», и ряд других «указателей» и «списков»[4].

В рассуждениях этого исследователя особенно поражает то, что, характеризуя Геннади как «человека и гражданина», он не дал себе труда хотя бы бегло проанализировать его работы. В результате Геннади обвиняют в том, что он «в изобилии составлял указатели»! Более чем странное обвинение для библиографа. К Геннади предъявляются претензии, которые ничего общего не имеют с его научной и литературной деятельностью: большое богатство, любовь к слабому полу и т.п. Еще более удивительно, когда сам факт составления указателей служит для подтверждения тезиса о формализме и «библиографическом крохоборчестве» их автора. Ведь у Максимовича нет ни слова о качестве этих указателей. Но вот перед нами комментарий того же автора к той же статье: «Григорий Николаевич Геннади — известный библиограф и библиофил,— сообщает А. Я. Максимович.— Некоторые позднейшие работы Геннади имели для своего времени капитальное значение и до сих пор не утратили своей ценности; достаточно назвать «Справочный словарь о русских писателях и ученых» (Берлин, 1876, т. 1) и «Русские книжные редкости» (Спб., 1872)»[5].

Непонятно, почему Максимович называет только первый том «Справочного словаря» Геннади в то время, как их вышло три. И уж совсем странно, что среди «капитальных» работ Геннади названа книжка «Русские книжные редкости». Очевидно, дело объясняется тем, что она была в личной библиотеке Некрасова, который, вероятно, интересовался старинной книгой[6], и этого оказалось достаточным для «реабилитации» ее в глазах некрасововеда.

Приходится с сожалением констатировать, что А. Я. Максимович (вполне серьезный исследователь) в данном случае пошел на поводу у дурной традиции. А ведь речь идет о политической и научной репутации деятеля отечественной культуры, и здесь абсолютно недопустимы непродуманные обвинения. Репутация Геннади как человека и гражданина не может строиться на материале фельетона, пусть даже опубликованного на страницах такого авторитетного издания, как «Современник». Но в данном случае как раз апелляция к «Современнику» является несостоятельной: А. Я. Максимович приписывает этому журналу такое отношение к Геннади, которого не было в действительности. Журнал объективно оценивал

удачные работы библиографа и критиковал его промахи и ошибки. Мы уже не говорим о том, что в самом журнале была опубликована большая работа Геннади «П. И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий». Тезис о «нетерпимо отрицательном» отношении журнала к работам и личности Геннади в целом не выдерживает критики.

Стихотворение Некрасова «Литературная травля, или Раздраженный библиограф», опубликованное в «Свистке» в 1860 г., традиционно связывается с именем Геннади, а конкретно со скандальным пропуском «Мертвых душ» в «Списке сочинений Гоголя» (1853). Опираясь на мнение современников Геннади — С. И. Пономарева и П. А. Ефремова, указывавших, что первые строфы этой сатиры, очевидно, явились откликом на этот случай, комментаторы сочинений Некрасова (К. И. Чуковский, а за ним Н. Н. Скатов) уже всю сатиру сочли направленной против Геннади. Между тем такая трактовка вызывает большие сомнения. Центральным сюжетом сатиры является не пропуск ее героем «Гамлета» в списке сочинений Шекспира, а эпизод с брошюрой, написанной этим персонажем в ответ на критику его указателя, полной злобы и доносительных выпадов против деятелей прогрессивного легеря. В творческой биографии Геннади такой брошюры нет! Указание С. А. Рейсера на то, что ею является оттиск статьи Геннади «Кое-что о русских поэтах»[7], не представляется нам убедительным. Эта статья, опубликованная в сборнике, посвященном памяти Смирдина в 1859 г. (т.е. через шесть лет после эпизода с «Мертвыми душами»), рассказывает о привычках и странностях целого ряда писателей конца XVIII — начала XIX в., ни одного из которых к тому времени давно уже не было в живых*, так что ее никак нельзя было счесть «доносом» на всю литературу».

Совершенно очевидно, что Некрасов в стихах имел в виду другую брошюру, совсем иного содержания. Нельзя также забывать, что герой некрасовской сатиры был за свою брошюру подвергнут всеобщему осуждению современной ему журналистики, между тем как статья Геннади «Кое-что о русских поэтах» вообще не получила никаких откликов в печати того времени, так что сам мотив «лите-

---

* Вот эти лица: Капнист, Костров, Державин, Дмитриев, В. Петров, А. Нахимов, И. Долгоруков, А. Измайлов, Д. Давыдов, Батюшков, Языков, Пушкин, Гоголь и Кольцов.

ратурной травли», на котором и строится вся сатира (и который вынесен Некрасовым в заголовок как центральный), не может к ней относиться. Не соответствует облику Геннади как человека и гражданина и личность героя сатиры — доносчика, врага прогресса, вздыхающего о временах Булгарина. Мы уже не говорим о том, что «Свисток», издание, всегда откликавшееся на злобу дня, не стал бы посвящать свои страницы случаю, происшедшему семь лет тому назад. Вероятно, эпизод с пропуском «Мертвых душ», если и был использован Некрасовым, то лишь как зачин для сатиры, имевшей куда более существенную для «Современника» мишень. При этом нам хотелось бы подчеркнуть одно обстоятельство. Анекдотическая ошибка молодого Геннади с годами как бы отделилась от него, стала принадлежностью всей той библиографии, которую осмеивали журналисты того времени. Так, в 1858 г. Н. А. Добролюбов, вспоминая о пропуске «Мертвых душ», даже не называет имени Геннади, считая, что таковы многие библиографы[8]. Точно так же поступает А. А. Котляревский, упоминающий этот случай как обычный грех библиографии его времени[9]. Нам представляется, что в сатире Некрасова был подвергнут осмеянию не столько Геннади, сколько определенный тип библиографа и, в первую очередь, очевидно, М. Н. Лонгинов, который как раз в это время порвал с Некрасовым и стал устно и в печати поносить своих прежних друзей. Сатира Некрасова — это сложный, многоплановый политический памфлет, а не просто насмешка над промахом одного библиографа[10].

Для того чтобы составить верное представление об общественной позиции Геннади, следует внимательно изучить его эпистолярное и творческое наследие: только на этом пути можно найти правильное решение столь сложного вопроса. Переписка, записные книжки и дневниковые записи Геннади (в целом весьма хорошо сохранившиеся) характеризуют его как либерала, причем устоявшего перед шовинистическим угаром 1863 г. и весьма холодно отнесшегося к крестьянской реформе 1861 г.

В отличие от таких неустойчивых либералов, как М. Н. Лонгинов, который в молодости был близок с кругом «Современника», а в 60-е гг. открыто перешел в лагерь реакции, Геннади, человек независимый в материальном отношении и нигде не служивший, остался на всю жизнь верен тем взглядам, которые были в него заложены вос-

питанием. Об этом, в частности, свидетельствуют характеристики прогрессивных деятелей русской литературы и науки, которые даны в его «Справочном словаре о русских писателях и ученых» (подробно см. об этом в главе V). По своим политическим воззрениям Геннади был в известной мере близок к таким последним представителям дворянской фронды, как С. А. Соболевский и С. Д. Полторацкий. Вполне возможно, что он как их младший собрат по библиографии и пламенный почитатель находился под определенным влиянием этих значительных личностей. Так же, как и они, он — противник крепостного права, а после отмены его — далеко не в восторге от так называемой «великой реформы». Путешествуя в 1865 г. по Силезии, он записывает в своем дневнике: «Мне завидно и отрадно было вглядываться в быт и довольство крестьян, в их чинный, благоустроенный, сознательный образ жизни, в последствия развития мелкой собственности под защитой административного порядка и закона. Они еще недавно совсем освободились от крепостного права — а между тем уже как хорошо устроились <...> Далеко нам до них — и с грустью мысленно возвращался я к картине нашей безурядицы, административного бессилия, распущенности, бедности и пьянства, дороговизны и всяких неудобств»[11].

Точно так же далек он от официозной точки зрения и в польском вопросе. Когда в Петербург приехал его товарищ по пансиону Чермака начальник штаба Виленского округа генерал-майор А. Э. Циммерман, между приятелями произошел откровенный обмен мнениями о беспорядках в Польше[12].

Действия реакционного царского правительства вообще отнюдь не вызывают восхищения у Геннади. В особенности возмущает его цензурная политика. В январе 1858 г. он с горечью констатирует: «Здесь снова принялись за цензурные теснения. Показалось, что очень распустили возжи; литература им надоедает, жужжит в уши, мешает. Так ее хлоп, да хлоп <...> Это я узнал сегодня и потому год для меня начался невесело<...> «Современник» пообрезала цензура»[13]. Так же, как и большинство людей его круга, Геннади — усердный читатель «Колокола»[14], а также «Современника» и «Отечественных записок». Во время знаменитой полемики между «Современником» и «Русским словом» он, как и следовало ожидать,— всецело на стороне первого[15]. В отличие от многих либералов он считал Чернышевского «замечатель-

ным и остроумным критиком»[16] и благоговейно относился к памяти Белинского. Как только вышло в свет первое издание его сочинений, Геннади тотчас же приобрел его, внимательно прочитал и сделал соответствующую запись в своем реестре прочитанных книг.

Он возмущается реакционными журналистами (Гречем и Усовым) за то, что, по их мнению, «мужики наши, как и везде, скверны, грубы и мошенники»[17]. В 1856 г. Геннади пишет Полторацкому: «Читал в Атенеуме французском Ваши заметки о писателях — Ростопчиных и о Евдокии, которую Вы величаете une grand poéte. Soit, s'est votre opinion*, но как можно закончить статью выпискою из Булгарина, где он ее ставит выше всех современных европейских поэтов и после этого поставить свои буквы P.S.? Ну можно ли делать такие вещи?»[18] После этого становится понятным, почему, посылая М. И. Семевскому, по просьбе последнего, список своих сочинений, Геннади с удовлетворением отмечает, что за первую публикацию («О переводах с русского в Германии») его обругал Булгарин в «Северной пчеле»[19]. Все это весьма характерно для интеллигентного человека либеральных взглядов: брань доносчика Булгарина воспринималась как некий знак отличия. Любопытно отметить, что Геннади в этом вопросе более щепетилен, чем представитель дворянской фронды и тоже либерал Полторацкий. Тут уж сказывается принадлежность к разным поколениям.

В конце 50-х гг. XIX в. в России стали появляться воскресные школы для взрослых. Возникли они по инициативе кружков прогрессивной интеллигенции; это было одним из проявлений нараставшего общественного подъема. Первая воскресная школа была организована в Киеве в 1859 г., а два года спустя по всей России их насчитывалось уже 274, в том числе 28 — в Петербурге. В октябре 1860 г. Геннади записывает в своем дневнике: «Был в Петербурге <...> Я приехал сюда на время, провинциалом <...> Был в воскресной полковой школе. Хорошее дело. Надо бы устроить в Сычевках. Купил азбуки и таблицы Золотова»[20]. В конце того же года ему удается организовать на родине такую школу. А время было для этого нелегкое. 18 декабря 1860 г. шеф жандармов Долгоруков в специальной докладной записке царю предлагал «принять безотложные и деятельные меры» против воскресных школ, ибо, по его мнению, нельзя было

---

* ...великим поэтом. Пусть, это ваше мнение (фр.).

допустить, «чтобы половина народонаселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-либо сословия». А. В. Никитенко сообщает в своем дневнике, что министру народного просвещения А. В. Головнину с трудом удалось защитить воскресные школы от репрессивных мер[21].

Незадолго до открытия воскресной школы в Сычевках Геннади организовал библиотеку для чтения при сычевском уездном училище, о чем он сообщает П. П. Пекарскому в мае 1860 г.[22] Это тоже было не так просто. По просьбе Геннади В. П. Гаевский «продвинул» это дело в Министерстве народного просвещения, которое не слишком охотно утверждало подобные проекты[23].

Геннади принимал участие и в деятельности Общества для распространения полезных книг, хотя сам не без юмора относился к этому начинанию. Он рассказывает в своем дневнике: «В Москве учредилось в 1860 г. Общество для распространения полезных книг. Мысль, разумеется, возникла из потребности. Заводят школы — видят, книг для них нет; нет также книг душеполезных (не духовных). У Александры Николаевны Стрекаловой съезжались дамы, составили комитет, разделились на разделы, устав (очень сложный и бюрократический) составили им Арсеньев и Сухотин. Долго его рассматривали в Петербурге и утвердили в апреле. В обществе уже более 2000 р. Барыни сами хорошо еще не знают, что и как издавать; на двух собраниях я был; неурядица препорядочная. Первенец общества — Елисавета Фрей, сочинение гр. Сальяс. Теперь на очереди Хрестоматия для школ и какой-то сладенький французский роман Madelaine, который, надеюсь, забракуют <...> Теперь грозит обществу, как и всему делу просвещения, петербургская реакция. <...> Уж они оградились тем, что выбрали Сухотина в секретари, а не Капустина, чтобы не обвинили их в сношениях или зависимости от революционного Московского университета. Но, вероятно, и это не поможет. Впрочем, Сухотин с Стрекаловой будут дремать — будут изредка печатать невинные книжки. Поживем — увидим. Я предложил им напечатать простенькие образцы чертежей»[24]. В противовес «сладеньким» Магдалинам Геннади предложил ряд лучших, по его мнению, книжек для народа, уже изданных ранее, собрав их в указателе, опубликованном в «Библиографических записках» (1861, т. 3, № 8). Этот список —«Книжки для школ и народного обучения. (Указания для Общества распространения полезных

книг)»— был, к слову говоря, одним из первых в России рекомендательных указателей. Не лишним будет вспомнить, что Геннади был также одним из первых, поднявшим в печати вопрос о необходимости создания публичных библиотек в губернских городах и в Москве, понимая, как это важно для всего дела просвещения и образования народа.

Итак, перед нами отнюдь не реакционер и не консерватор, а либерал, оппозиционно относящийся к правительственной политике, радеющий о просвещении народа. Позиция Геннади была, разумеется, отголоском «господствовавшего тогда в общественном настроении негативизма в отношении феодально-крепостнической России»[25]. По мнению современных исследователей, «умеренный либерализм отличался от консервативного главным образом просветительскими тенденциями»[26]. Это как нельзя более соответствует позиции Геннади.

В прямой связи с политической репутацией Геннади стоит и другой серьезный вопрос. Геннади принято считать типичным представителем так называемого реакционного формализма и объективизма в библиографии. В «Хрестоматии по русской библиографии» мы читаем: «К библиографии Геннади подходил узко формально, не видя в ней ничего, кроме описания книг и «приведения в известность». Содержание книги, ее социальная ценность Геннади не интересует, ему важен только учет, как можно более подробный и полный. И пустая книга может быть редкой и потому ценной. В таких случаях для Геннади уже не существенны ни содержание, ни назначение книги: это просто редкая или даже изящная вещь»[27]. Откуда такие обвинения? Ведь Геннади не занимался библиографией редких и старинных книг. За исключением одной небольшой работы («Русские книжные редкости»), все его труды посвящены новой русской литературе и отнюдь не включают в себя «пустых» книг. До сих пор многие указатели Геннади используются в справочно-библиографической работе крупных библиотек. В чем же заключался его «формализм и объективизм»? Ни один исследователь не может ответить на этот вопрос сколько-нибудь вразумительно. Единственным аргументом в пользу этого положения служит анекдотический эпизод с пропуском «Мертвых душ» в «Списке сочинений Гоголя». Принято считать, что этот действительно беспрецедентный случай свидетельствует о формализме библиографа, который собрал в своем списке все малоизвестные произведения великого писателя

и «забыл» о «Мертвых душах», ибо его интересовало не содержание, а редкость книги.

Конечно, подобные ляпсусы в библиографии совершенно недопустимы. И если даже согласиться с Геннади в том, что виновата типография, то и его вина, его небрежность непростительна. Тем не менее делать из этого случая столь далеко идущие выводы чуть ли не идеологического порядка мы совершенно не вправе, тем более, что тут перед нами не сознательная акция, а обыкновенная халатность. Легко представить себе ужас Геннади, когда он увидел книжку «Отечественных записок» со своим списком. 18 октября 1853 г. он пишет С. Д. Полторацкому: «Готовлю несколько статеек, но исподволь, а то как раз пропустишь что-нибудь, как в моем «Списке сочинений Н. В. Гоголя» (видали в сентябрьской книжке «Отечественных записок»?) нет «Мертвых душ». Только!!! Хоть по-настоящему виноват Краевский, да кто же это знает? Браните меня»[28]. К сожалению, ни в архиве Геннади, ни в бумагах Краевского не удалось обнаружить других материалов, проливающих свет на этот эпизод, но вполне ясно одно: пропуск «Мертвых душ», будучи, конечно, совершенно недопустимой халатностью, никакого отношения к формализму в библиографии не имеет. Небезынтересно отметить, что Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» ссылается на геннадиевский «Список сочинений Гоголя» как на единственный источник, содержащий сведения о малоизвестных сочинениях писателя[29].

Обвиняя Геннади в формализме, С. А. Рейсер и другие исследователи утверждают, что его «не интересовало ни содержание, ни назначение книги», что он занимался только механическим учетом печатной продукции и был далек от проблем литературной критики. Это положение базируется на известном высказывании Чернышевского. «Укажу Вам,— писал он Костомарову в 1853 г.,— на современное направление литературной критики. Она обратилась в чистую библиографию. Место Белинского занимают теперь Геннади и Тихонравов, знающие наизусть Сопикова и смирдинский каталог с тремя прибавлениями. <...> Эти господа с презрением смотрят на прежние стремления людей, занимавшихся критикой, как средством распространения человеческого взгляда на вещи»[30]. О чем здесь идет речь? Во-первых, о том, что отделы «Критики» в журналах первой половины 50-х гг. вместо статей Белинского стали заполняться так называемыми библио-

графическими исследованиями, посвященными узким, конкретным историко-литературным вопросам и фактам; во-вторых, о том, что авторы таких исследований не занимались критикой-публицистикой, а обратились к собиранию фактов литературной истории.

«Библиография в 50-е годы прошлого века,— пишет А. Я. Максимович,— заменяла собою то, что мы теперь называем литературоведением: к ней относили все историко-литературные исследования и заметки по частным вопросам. <...> Библиограф был скорее коллекционером литературных раритетов, чем историком; от литературной критики он был совершенно оторван. Между тем даже история литературы с уклоном в библиографию была неприемлема для идеологов революционной демократии, видевших в таком уклоне подмену принципиальных задач литературной критики, которую они, наоборот, стремились сблизить с публицистикой, сделать основным средством идейного воспитания общества»[31].

Итак, по мнению исследователя, с которым, очевидно, следует согласиться, яблоком раздора была литературная критика, которая считалась одновременно жанром и литературоведения и публицистики. Между тем интересы развивающейся историко-литературной науки уже властно заявляли свои права. «Достигнутый при Белинском уровень историко-литературной науки требовал изучения процесса развития литературы, в котором на характер связей могли влиять разные, подчас кажущиеся малозначительными факты,— справедливо отмечает А. М. Штейнгольд в своем исследовании о М. Л. Михайлове.— Потребности науки родили живой интерес к конкретному материалу <...>. Принявший широкий размах интерес к старине, тщательные поиски неизвестных литературных фактов, стремление выявить новые стороны и связи в литературном процессе привели в эти годы к отделению науки о литературном прошлом от критики, к созданию русской литературоведческой библиографии»[32].

Если даже признать, что библиографы 50-х гг. не занимались критикой-публицистикой, то от этого до «формализма» весьма далеко. У библиографии были свои задачи, отличные от задач публицистики и тем не менее достаточно общественно значимые. Это были задачи, связанные с работами по собиранию материала для полного свода отечественной книги,— собиранию фактов, биографических и книговедческих данных, введению в научный оборот множества новых сведений, в которых так

нуждалась историко-литературная наука. Значение же создания репертуара русской книги отчетливо сознавалось не только самими библиографами, но и всей научной общественностью, в том числе, конечно, и критиками «Современника».

Принято считать, что библиографы 50-х гг. были равнодушны к содержанию книги и стремились «привести в известность» одни лишь заглавия. Подобное утверждение не имеет под собой никакой почвы. Как раз в 50-е гг. в библиографии подвизались люди, исключительно хорошо знавшие русскую литературу. Но когда лучшие представители «библиографизма» 50-х гг. пытались осуществлять разумный отбор книг и снабжать их критическими замечаниями, они получали выговоры от представителей научно-академических кругов. Так, например, известному библиографу А. М. Лазаревскому пришлось выслушать от О. М. Бодянского строгую нотацию: «В таких сочинениях, как Ваше,— писал ему этот крупный ученый-славист,— необходимо удерживаться от излияния каких бы то ни было своих расположений к тому или другому труду. Главная тут задача,— а с ней и заслуга — представить читателю «список» и, повторяю, еще раз «список в последовательном порядке». Дайте нам ключ, а мы уже сумеем по своей способности каждый открыть ларчик и вынуть из него, что кому нужно». «Для этого (для критики.— **Л. Р.**) тут нет места: мы хотим знать не взгляд составителя, но взгляды составлявших (т.е. авторов перечисленных в библиографии книг). Свой взгляд можно высказать где угодно, только не тут»[33].

Взгляды Геннади на соотношение критики и библиографии в указателях претерпели в течение его творческой жизни определенную эволюцию. Так, договариваясь в 1854 г. с В. П. Гаевским о составлении для «Отечественных записок» годового указателя литературы, он задает вопрос: «будет ли указатель состоять просто из исчисления статей или аналитический, с объяснениями, заметками, даже суждениями? Эти два дела разные. Если и допустить замечания, то, мне кажется, не иначе как самые краткие и чисто библиографические, без всяких суждений. Суждения о книгах должны быть в отделе Критики журнала, а в отделе Журналистики — о статьях, по крайней мере важнейших. А нам зады повторять не приходится»[34]. Но постепенно он приходит к мысли, что такое жесткое «разделение труда» не всегда оправдано. Приступая к созданию «Справочного словаря о русских писателях и

ученых», он уже мечтает о синтезе критики и библиографии и пытается не просто регистрировать литературу, но отбирать лучшие книги, снабжая их при этом собственными критическими суждениями. Проходит 25 лет, и вот уже сам Геннади получает выговор за «уклон в критику». Н. П. Собко, помогавший ему при составлении 2-го тома «Словаря», поучает Геннади: «Для библиографов не может быть таких вопросов, это не критики, здесь важна не суть книги, а важен факт существования или не существования последней»[35].

Геннади был крупным знатоком русской книги, в особенности XIX в., и знал ее, конечно, не только по заглавиям. Ведь помимо указателей он был автором ряда историко-литературных исследований и публикаций. «Как человек обеспеченный,— пишет У. Г. Иваск,— он занимался библиографией не по необходимости, а просто «из любви к искусству»; может быть, именно поэтому он и слыл в данной области только дилетантом. Но можно ли с такою легкостью обвинять его в дилетантизме, низводя его деятельность до пустого любительства, когда никто не станет отрицать за ним известных преимуществ даже перед многими признанными библиографами-специалистами. <...> Одно уже то, что Геннади описывал книги по подлинникам, не доверяя чужим указаниям, нельзя не поставить ему в большую заслугу»[36].

Письма Геннади к собратьям по библиографии (Полторацкому, Соболевскому, Лонгинову, Афанасьеву, Ефремову, Полуденскому), как правило неопубликованные, представляют собой богатейшую россыпь сведений по русской литературе XVIII—XIX вв. В основе главных библиографических работ Геннади лежит многолетний кропотливый труд, и приходится только удивляться, как много успел сделать этот «любитель».

Для того чтобы отчетливо представить себе облик Геннади, следует прежде всего проанализировать его труды, определить, в чем заключался его вклад в отечественную библиографию и историко-литературную науку. Нам кажется, что здесь перед историком стоят две взаимосвязанные задачи: анализ наполнения и качества трудов Геннади и определение круга тем, которые интересовали его как книговеда на протяжении всей творческой жизни, актуальности их для тогдашней библиографической науки и практики, ибо это позволит нам точнее определить место Геннади внутри «библиографизма» 50—70-х годов.

Глава III
РАБОТЫ ГЕННАДИ 50-х — НАЧАЛА 60-х ГОДОВ. УЧАСТИЕ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

В советской историко-библиографической литературе уже давно установлено, что возникновение «библиографизма» совпало с пробуждением общественного интереса к вопросам родиноведения и даже отчасти зависело от последнего — было обусловлено им.

Если мы внимательно присмотримся к основным темам, разрабатывавшимся русскими библиографами в 50—70-е гг., то нам бросится в глаза одно чрезвычайно характерное обстоятельство — наличие «сквозных», генеральных тем, просматривающихся в творчестве почти всех представителей «библиографизма». Совершенно очевидно, что это были темы, на которые существовал острый общественный спрос, ибо библиография всегда зависит от последнего. Что же это за темы?

В первой половине 50-х гг., на заре «библиографизма», основной темой в трудах библиографов является гражданская история России. На этой ниве трудятся А. Н. Афанасьев (обзоры исторической литературы в «Современнике» и «Отечественных записках»), Г. Н. Геннади (обозрение исторических статей из «Губернских ведомостей»), громадный материал по истории русского общества копится у С. Д. Полторацкого. С падением николаевского режима и некоторыми цензурными послаблениями в работах библиографов начинают звучать темы, бывшие ранее под запретом. Это прежде всего — история русской общественной мысли. Появляются библиографические исследования и публикации, посвященные жизни и деятельности Н. И. Новикова (А. Н. Афанасьев, М. П. Полуденский, Е. И. Якушкин, М. Н. Лонгинов; собранный ими обширный материал затем суммирован в «Справочном словаре» Геннади), А. Н. Радищева (М. Н. Лонгинов, П. А. Ефремов, Е. И. Якушкин), П. Я. Чаадаева (М. Н. Лонгинов, Е. И. Якушкин, А. Н. Афанасьев, Г. Н. Геннади). Начинает публиковаться биографический и библиографический материал о декабристах (Е. И. Якушкин, П. А. Ефремов, Г. Н. Геннади, С. Д. Полторацкий, Н. В. Гербель). Появляются исследования и публикации, посвященные журналистике XVIII столетия (А. Н. Афанасьев, М. Н. Лонгинов; вспомним, что к этому же времени относится превосходная работа Добролюбова о «Собеседнике

любителей российской словесности» и известное исследование М. Л. Михайлова «Старые книги»). Над репертуаром книг петровской эпохи с большим успехом трудится П. П. Пекарский (по плану, подсказанному ему Н. Г. Чернышевским). Громадное количество публикаций по литературе XVIII столетия печатают Лонгинов, Ефремов, Афанасьев. Родиноведческая тематика в эти годы обогащается такими важными темами, как энтография и обычное право русского народа (Е. И. Якушкин, А. Н. Афанасьев, Г. Н. Геннади).

Пожалуй, самым значительным вкладом в русскую науку того времени были работы русских библиографов, посвященные жизни и творчеству А. С. Пушкина. На страницах различных периодических изданий публикуется масса ранее не известных или запрещенных цензурой произведений поэта. Создается несколько рукописных сборников, в которых собирается «потаенный» Пушкин (Е. И. Якушкин, М. Н. Лонгинов, С. Д. Полторацкий). Они не могли быть опубликованы в России, но широко обращались в среде библиографов (да и не только в ней). Впервые библиографируются переводы сочинений Пушкина и литература о нем (Г. Н. Геннади). Закладываются основы научного изучения пушкинского наследия.

В этой большой работе библиографов по изучению и опубликованию важнейших материалов отечественной истории, культуры, литературы, общественной мысли есть весьма немалый вклад Г. Н. Геннади, хотя далеко не ко всем названным выше темам он проявил устойчивый интерес.

В свое время Н. В. Здобнов высказал мысль о том, что творчество Геннади можно разделить на два периода: «первый — 50-е годы, когда он метался от одной темы к другой, и второй период — 60-е и 70-е годы, когда он преимущественно работал над «Справочным словарем о русских писателях и ученых»[1]. Это в целом справедливо, хотя, как каждая схема, требует уточнений. Действительно, работы Геннади 50-х гг. по истории, археологии, этнографии не имели продолжения в дальнейшем, но зато темы по истории русской литературы, особенно «Пушкиниана», занимали его до конца жизни. Не следует также забывать, что к 50-м гг. относится одна из лучших работ Геннади — «Литература русской библиографии». (Ей посвящена отдельная глава.)

14 февраля 1847 г. молодой студент Григорий Геннади записывает в своем дневнике: «Я задумал труды, к кото-

рым приступлю по выходе из университета <...> более всего меня занимает годичное обозрение России во всех отношениях»[2].

В то время русская научная общественность начала проявлять интерес к материалам, печатавшимся в «Губернских ведомостях». К ним и обратился Геннади для «обозрения России во всех отношениях».

«Губернские ведомости» были учреждены в 1837 г. по инициативе адмирала Мордвинова. Они состояли из двух частей — официальной и неофициальной. Во второй части публиковались материалы, извлеченные из местных архивов, статьи и разыскания краеведов, произведения местных литераторов и учащихся, всевозможные статистические материалы, записи народных песен, сказок и т.п. Поначалу эта часть «Ведомостей» была малоинтересной, краеведческое движение еще только-только зарождалось. Недаром Герцен посмеивался над тем, что для заполнения неофициальной части «Губернских ведомостей» были мобилизованы все местные жители, «состоящие в подозрении образования и уместного употребления буквы ѣ». Но со временем «Ведомости» окрепли, и многие из них стали источником вызывавшим большой интерес у тех, кто интересовался родиноведением. Однако интересные материалы, время от времени появлявшиеся в «Ведомостях» отдельных губерний, были труднообозримы ввиду многочисленности этих газет. И тут на помощь пришла библиография. Еще в 40-х гг. на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» стали появляться первые «Обозрения «Губернских ведомостей», однако универсальный характер этих «обозрений» не мог удовлетворить исследователей России. Им нужна была более отчетливая отраслевая информация. Геннади пошел именно по этому пути.

С 1852 г., по поручению Географического общества, действительным членом которого он состоял, Геннади начинает публикацию серии «Указателей географических, этнографических и статистических статей, помещенных в «Губернских ведомостях». Указатели, печатавшиеся на страницах «Вестника императорского русского географического общества», включили материал из большей части «Губернских ведомостей» за 1851—1857 гг. Для их составления требовался большой кропотливый труд по просмотру годовых комплектов десятков «Губернских ведомостей» (так, например, указатель за 1856 г. включает сведения из 40 газет). Геннади не просто просматривал

и выписывал заголовки, он читал все статьи. Об этом свидетельствуют аннотации, которыми снабжена каждая библиографическая запись. К указателям прилагались и «ключи» — именной и, что особенно существенно, предметный. А к указателям за 1853 г. составлено и предисловие, дающее общий обзор содержания «Губернских ведомостей» за данный год. Параллельно с этими работами Геннади составил еще два указателя той же тематики, но более широкие по охвату материала: «Обозрение русской географической, этнографической и статистической литературы за 1853 год. Указатель статей, помещенных в журналах и газетах» и «Указатель отдельно вышедших в России в 1853 году сочинений по предмету географии, этнографии и статистики». Оба эти указателя также были напечатаны в «Вестнике» географического общества. Второй из них очень интересен — в нем введены ссылки на рецензии, что значительно повышало информационную ценность указателя. В том же «Вестнике» Геннади поместил еще ряд работ: «Список книг о русских монастырях и церквах», «Список сочинений о Крыме», «Список сочинений и изданий Н. И. Надеждина», «Свадебные обряды и песни крестьян Сычевского уезда Смоленской губернии» и др. Последняя статья представляет особый интерес, тем более что к ней приложены тексты 9 народных песен, записанных Геннади.

«Обозрение России во всех отношениях» было бы неполным без исторических материалов. В те же годы Геннади создает ряд указателей исторической тематики: «Указатель исторических статей и материалов, помещенных в «Губернских ведомостях» 1853 года», такой же за 1854 и 1855 гг. (опубликованы на страницах «Временника имп. О-ва истории и древностей российских») и «Список книг по русской истории, вышедших в 1853 году». Последняя работа продолжала уже установившуюся в русской журналистике традицию: подобные списки помещали многие периодические издания, идя навстречу интересу своих читателей к исторической литературе. Так, в «Современнике» в 1850 и 1851 гг. были опубликованы годовые обозрения русской исторической литературы, принадлежавшие перу А. Н. Афанасьева. В 1851—1852 гг. его же обозрения печатались в «Отечественных записках». «Список» Геннади может быть рассмотрен как прямое продолжение работ Афанасьева. Новостью, введенной Геннади, было подробное раскрытие содержания всех сборников, включенных в указатель. Впоследствии, характеризуя на стра-

ницах «Литературы русской библиографии» свои работы по историко-географической тематике, Геннади самокритично называет их «неполными и неточными», в особенности обозрения «Губернских ведомостей».

Несколько позже Геннади обращается к библиографированию археологической литературы (до него в России вообще не существовало подобных работ). Правда, к этой теме он очень быстро охладевает. Им были составлены всего два годовых указателя (за 1857 и 1858 гг.) русской археологической литературы, опубликованные в «Известиях имп. Археологического общества».

Интересом Геннади к истории вызвано его обращение к библиографированию мемуарной литературы: «Записки (мемуары) русских людей. Библиографические указания» были напечатаны в «Чтениях в имп. Обществе истории и древностей российских» в 1861 г. «Этот указатель — опыт, который предлагаем для справок и сведений занимающимся русскою историею, прося их дополнить и исправлять его»,— писал Геннади. В этой совершенно не разработанной в то время области Геннади сделал первые шаги. Его «Список книг по русской истории» включал в себя раздел «Биографии», что было в традициях эпохи. Биографические материалы, к которым широкий читатель проявлял особенный интерес, в большом количестве появлялись в журналах, им посвящались и отдельно вышедшие книги. «Биография» считалась весьма существенным элементом исторической литературы. Перу Геннади принадлежит большое количество биобиблиографических и просто биографических заметок, посвященных государственным деятелям России, ученым, писателям и т. п. Среди них: «С. Л. Бухвостов, первый преображенский солдат» (1851), «П. И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» (1854), «Список иностранных сочинений о Суворове» (1857), «Мысли и замечания императрицы Екатерины II» (1858), «Отзыв современника о Татищеве» (1859), «П. Чихачев в Малой Азии» (1861), «Указатель печатных сведений о Ломоносове» (1865). Такие материалы охотно принимали лучшие журналы. Так, статья о Макарове, как уже указывалось, была опубликована в «Современнике», о Екатерине II — в «Атенее», о Татищеве и Чихачеве — в «Библиографических записках» и т.п. Кроме того, Геннади составил дополнение к «Обзору иностранных путешественников по России» Ф. Аделунга, указатель «Русские фельдмаршалы-писатели», «Указание библиографических сведений о замечательных людях Ма-

лороссии», в котором, между прочим, имеются сведения о книгах и статьях, посвященных Гоголю, Капнисту, Богдановичу, Сковороде и другим выдающимся уроженцам Украины. Геннади принадлежит и одна из первых в России статей о белорусской народной поэзии и белорусских поэтах (1866).

Значительное место в творчестве Геннади занимала история русской литературы. Первая же заметка, написанная молодым Геннади,— библиографический перечень изданий произведений А. Д. Кантемира (1849). Затем следуют: «Автобиография И. Ф. Богдановича» (1853) — публикация неизвестной тогда рукописи, «Список сочинений Гоголя» (1853), «Список сочинений и изданий Н. И. Надеждина» (1856), «Библиографические указания для биографии Сумарокова» (1856), «Список произведений С. Руссова» (1857), «Данные для полного собрания сочинений Кантемира» (1858), «Еще о драматических сочинениях Екатерины II» (1858), «Об «Аввакумовском скитнике», приписанном Фонвизину» (1859). Несколько позднее был составлен «Указатель печатных сведений о Ломоносове» (1865). Эта работа была издана Академией наук на правах рукописи (всего 20 экз.) для раздачи исследователям, которые могли бы ее пополнить. Однако дальше дело не пошло и указатель остался незавершенным*.

Из трудов Геннади в области литературной библиографии следует прежде всего отметить его «Пушкиниану». После падения николаевского режима в русском обществе возрождается острый интерес к творчеству, жизни и мировоззрению Пушкина. Выход в свет сочинений поэта под редакцией П. В. Анненкова и особенно издание его книги «Материалы для биографии Пушкина» послужили внешним толчком для напряженной борьбы вокруг Пушкина. В условиях подъема общественной мысли, наступившего во второй половине 50-х гг., спор о Пушкине зачастую перерастал рамки пушкиноведения. Речь шла об общественном значении литературы, о роли художника как гражданина, о связи художественного с гражданственным. Вместе с тем и для собственно пушкиноведения 50-е гг. дали очень много, прежде всего в плане постановки важнейших проблем биографии и творчества поэта. Кроме того, в эти годы было опубликовано множество ранее не известных текстов, иные из которых позволили по-новому осветить

* Эти материалы были включены в «Справочный словарь о русских писателях и ученых» (т. 2, с. 248—257).

вопрос о мировоззрении поэта, особенно после 1825 г.

В полемике вокруг Пушкина приняли активное участие создатели Вольной русской печати — Герцен и Огарев, занявшие вполне самостоятельную и, думается, наиболее объективную позицию в оценке великого поэта. В России у Герцена и Огарева были последователи и в данном вопросе. Это как раз и были библиографы. Существовала особая ветвь пушкиноведения — библиографическая. Оставались библиографы — друзья Пушкина: Полторацкий, Соболевский. У них были ученики и соратники: Геннади, Якушкин, Афанасьев, Ефремов, Полуденский, Лонгинов. Все они внесли чрезвычайно значительный вклад в изучение пушкинского наследия. Еще при жизни поэта С. Д. Полторацкий стал пропагандистом его творчества во Франции, автором многочисленных статей и заметок в «Révue encyclopédique». В 40-е и 50-е гг. он продолжал эту деятельность. Так, например, в 1855 г. он поместил на страницах этого журнала заметку об анненковском издании Пушкина. Пропагандистом творчества Пушкина за рубежом был и С. А. Соболевский.

«Пушкиниана» занимает особое место в жизни Геннади. Когда «Москвитянин» в 1854 г. обратился к читателям с просьбой «о доставлении сведений о портретах русских писателей», Геннади откликнулся на этот призыв статьей «О портретах Пушкина». В ней были описаны 16 портретов поэта, частью принадлежавших Геннади, частью виденных им у других лиц. Впоследствии его богатейшее собрание гравюр пополнилось и другими портретами любимого поэта. Как только возник журнал «Библиографические записки» Геннади опубликовал в нем собиравшийся им в течение многих лет указатель «Что писано о Пушкине» (1858). Это была первая в России попытка отдельного свода библиографических сведений о Пушкине. В него включен ряд не только русских, но и иностранных статей, за исключением рецензий на отдельные сочинения и издания. Этим списком, как полагает У. Г. Иваск, «было положено начало серьезного исторического изучения поэта путем собирания библиографических сведений о нем»[3]. Вскоре в тех же «Библиографических записках» была помещена и другая работа Геннади —«Переводы сочинений Пушкина». Здесь указано как будто бы немного — 78 переводов на немецкий, французский, шведский, голландский, итальянский, польский, чешский и украинский языки; но лица, пожелавшие дополнить этот список, смогли внести в него очень мало

нового — всего 8 названий (дополнения эти были опубликованы в «Библиографических записках» в том же 1859 г. и принадлежат — одно, по-видимому, М. П. Полуденскому (подпись М. П.), другое С. А. Соболевскому (подпись А. С.). Список был составлен Геннади по книгам Публичной библиотеки и книжного собрания С. Д. Полторацкого. Хорошее знание основных европейских языков (в том числе и итальянского) позволило ему, по мнению известного пушкиниста В. В. Каллаша, «вполне познакомить с общим характером, содержанием и значением»[4] библиографируемого материала. Геннади не просто указывает переводы, но приводит ряд строф для сличения с подлинником, высказывает свое мнение о качестве перевода и т.п.

Венцом геннадиевой «пушкинианы» явилось составленное им приложение к сочинениям Пушкина, изданным Исаковым. Полное название издания: «Приложения к сочинениям А. С. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым. Библиографический список всех произведений А. С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст, и примечания. Составил Григорий Геннади. Спб., 1860». В предисловии к этому изданию Геннади дал следующие пояснения (опасаясь, и не без основания, что подобное издание, являясь совершенной новостью для читающей публики, не будет иметь спроса): «В этой книге, составляющей дополнительный том к новому изданию сочинений А. С. Пушкина: 1) указаны разные издания произведений Пушкина, т.е. где и когда каждое из них было напечатано, с какими переменами, заглавиями, подписями и пр.; 2) приведено в известность, на какие иностранные языки и кем были переведены сочинения Пушкина; 3) сообщены черновые отрывки и места, отброшенные поэтом в изданиях, вышедших при его жизни, или найденные в его рукописях и напечатанные П. В. Анненковым и не вошедшие в текст нашего издания; 4) присоединены необходимые объяснения и примечания к некоторым пьесам; 5) приложен указатель всех биографических сведений о Пушкине» (с. 5).

Таким образом, здесь помещен выполненный Геннади целый комплекс историко-литературных, текстологических и библиографических — в современном понимании слова — работ. Особенно существенны последние. Взяв за основу напечатанные в «Библиографических записках» свои указатели «Что писано о Пушкине» и «Переводы сочинений Пушкина», Геннади значительно переработал и дополнил их. Кроме того, им был специально для этого

издания подготовлен указатель пушкинских публикаций. Эта работа имела большое значение для развития пушкинской библиографии, в сущности, она положила начало всех пушкиниан, издающихся и по сей день.

Современная Геннади печать, весьма холодно оценившая деятельность его как редактора сочинений Пушкина, к этому «Приложению» отнеслась с большим интересом и оценила его по достоинству. «Очень интересное издание,— пишет анонимный рецензент «Книжного вестника»,— за которое скажут искреннее спасибо издателю и редактору все поклонники Пушкина. В этом издании читатель знакомится с закулисною деятельностью пушкинской музы, входит в тот заветный, безыскусственный внутренний мир поэта, который он скрывает от взоров современной ему публики, как святыню, являясь в печати в выработанной, законченной форме своих поэтических созданий, но без которого невозможно полное понимание писателя как человека, не только как поэта: в поэтических творениях нас интересует их объективное значение и достоинство, но в них откроется для нас новая прелесть, они приобретут новую, высокую цену, если нам возможно будет проследить по ним ту внутреннюю работу творческого гения, которая совершается в душе человеческой, родственной с нашею собственною душою, и выражается в приемах исполнения, свойственных и понятных каждому из нас, а для этого необходимо как можно тщательнее знакомиться с теми, частью мелочными, фактами деятельности писателя, с которыми он сам не желает знакомить своих современников. Г. Геннади предлагает потомкам нашего поэта богатую сокровищницу таких фактов»[5]. М. Н. Лонгинов, в особенности высоко оценивший библиографическую часть этих «Приложений», назвал их «трудом капитальным, достойным имени почтенного нашего библиографа»[6]. Высокую оценку «Приложений» к исаковскому изданию дают и современные исследователи, даже такие строгие, как Н. В. Здобнов[7].

Все эти материалы, дополненные данными, накопившимися в следующие десятилетия, были помещены в издании «Справочный словарь о русских писателях и ученых».

50—60-е гг. XIX в.— период бурного расцвета библиографической журналистики. В это время выходит целый ряд специальных библиографических журналов. Характер их был различен, и условно их можно подразделить на три группы: 1) журналы научной библиографии; 2) журналы

критико-библиографические и 3) смешанный тип, связанный, как правило, с книжной торговлей.

К первым относятся «Библиографические записки» — журнал по нынешним представлениям историко-литературный, однако уделявший некоторое внимание и специфически библиографическим жанрам. Так, на его страницах было опубликовано несколько тематических и биобиблиографических указателей, хроника библиотечной и библиографической жизни и т. п. материалы.

Ко второй группе относится «Библиограф» Лаврова-Струговщикова — журнал преимущественно критический (исследователь «Библиографа» Н. Ф. Бельчиков даже считает, что название журналу было дано для отвода глаз). Недолговечность издания (вышло всего три номера) свидетельствует, кроме всего прочего, также и о том, что журнал, состоящий из одних критических статей, есть явление искусственное и заранее обреченное на неудачу.

Третья группа — журналы смешанного типа. К ней относятся: «Русская библиография» (переименованная затем в «Русский библиографический листок») Смирдина и Генкеля (1856—1859), «Книжный вестник» (1860—1867), «Библиографический листок» (1864) и «Книжник» (1865—1866) Черенина, «Книжные новости» Павленкова (1867—1868) и некоторые другие. Следует отметить, что почти с первых шагов своего существования библиографические журналы гораздо более отчетливо представляли себе задачи, методику и объем библиографии, чем даже самые передовые из универсальных периодических изданий. Несмотря на свою недолговечность, эти журналы имели большое значение для развития библиографии, в частности для стабилизации ее специфически журнальных форм, таких, как информация о новинках, обзоры последних номеров журналов, тематические списки.

Библиографические журналы, как полагал К. Н. Дерунов, сыграли, кроме всего прочего, важную роль в деле «последовательной выработки **библиографического миросозерцания**, т.е. тех общих понятий и руководящих принципов, которые составляют, формируют душу библиографии»[8]. Действительно, принципиальные проблемы библиографии, споры о ее сущности, границах, предмете, методе, поднятые на страницах специальной периодики 50—60-х гг., заложили основы ее теории. Библиография в эти годы заявила о себе как особая отрасль научной и практической деятельности. Процесс дифференциации наук (в том числе гуманитарных) — чрезвычайно характерное

явление середины прошлого века — побудил и библиографию искать свою специфику, свое отличие от литературоведения и критики, с которыми она до этого находилась в нерасторжимом, казалось, альянсе. Процесс этих поисков, иногда мучительных и неудачных, порождал такое жанровое разнообразие, разностильность библиографических журналов, что, с нашей точки зрения, они едва ли даже могут быть объединены в одном библиографическом ряду. Три наиболее ярких издания —«Библиографические записки», «Русский библиографический листок» и «Книжный вестник»— дают наглядное представление как о широте, так и о некоторой еще зыбкости понимания задач и жанровых черт библиографических периодических изданий. Первый из них заполнялся, в основном, публикациями неизвестных или забытых произведений отечественной литературы, среди которых главное место принадлежит пушкинским материалам. В «Библиографических записках» были помещены публикации из архива П. Я. Чаадаева, статья о И. И. Пущине, материалы о раскольниках, большое количество заметок о литературе XVIII в. Чисто библиографический элемент в журнале невелик. Он представлен, в основном, как раз работами Г. Н. Геннади. Тем не менее в сознании большинства современников «Библиографические записки» вполне оправдывали свое наименование. Только очень немногие — тот же Геннади — начинали чувствовать разницу между историей литературы и библиографией, понимаемой даже в расширительном смысле. Приветствуя появление «Библиографических записок», Геннади писал: «В Москве издаются Н. М. Щепкиным «Библиографические записки». Поле обширное; но в котором, как видно из программы, главное место занимает история русской литературы»[9]. Это, пожалуй, единственное «но» среди всех откликов современников на этот журнал, употребленное в смысле противопоставления библиографии историко-литературной науке. Это не мешало Геннади, конечно, стать активным участником журнала, его корреспондентом от «собственно библиографии».

Совсем другой характер имел возникший также в 1858 г. «Русский библиографический листок». Этот журнал, издававшийся Смирдиным-сыном под редакцией библиографа А. Г. Тихменева, сразу заявил о своей принадлежности к библиографии в тесном смысле этого слова. В редакционной статье, открывающей первый номер «Листка», об этом сказано со всей определенностью: «Недостаток русского библиографического журнала живо чув-

ствуется современной читающей публикой и книгопродавцами. Литература, становясь все ближе и ближе к действительной жизни, обращает на себя всеобщее, животрепещущее внимание. <...> Редакция, не претендуя на ученость своего библиографического листка и не уклоняясь от своей цели — составлять **практическую библиографию**, постарается ввести читателя в книжный магазин и с полною добросовестностью показать ему все нововышедшие русские книги»[10].

«Русский библиографический листок», декларируя свое отдельное от «ученой» библиографии существование, был тем не менее отнюдь не чужд вопросам теории, понимая ее, однако, несколько иначе, чем «Библиографические записки».

«Библиография, как всякая наука, в практическом приложении своем должна соображаться с потребностями общества,— заявляет редакция «Листка»,— тогда она получит живучесть науки даже в стенах и за прилавком книжного магазина, который сам почует пользу от этого живого соприкосновения с теорией»[11]. Поэтому в журнале, кроме сведений о вновь выходящих книгах, помещались и исторические, и теоретико-методические работы, и рецензии на серьезные библиографические труды.

Возникший вслед за ним «Книжный вестник» формально ставил перед собой ту же цель. Однако фактически он вскоре перерос рамки книготоргового журнала, благодаря значительному удельному весу критико-библиографического элемента. При последней редакции (Курочкин) критический элемент почти вытеснил из журнала всю «практическую» библиографию. Н. К. Михайловский рассказывает в своих воспоминаниях, что радикально настроенная молодежь хотела превратить «Книжный вестник» в серьезный специально-критический орган, однако не успела это сделать в связи с закрытием журнала. Этот последний — кратковременный — период существования «Книжного вестника» не представляет особенного интереса для историка библиографии, в предшествующий же период, в особенности во время редакторства П. А. Ефремова, журнал был действительно «серьезным органом» как «ученой», так и «практической» библиографии. Хотелось бы отметить одно обстоятельство, ускользнувшее от внимания исследователей: вскоре после закрытия «Библиографических записок» ряд их сотрудников перешел, во главе с П. А. Ефремовым, в «Книжный вестник»: это — А. Н. Афанасьев, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербель и многие

другие. Наличие таких опытных сотрудников и помогло Ефремову поднять журнал на большую высоту. Вместе с тем Ефремов отстранил от участия в нем таких «практических» библиографов, как Межов[12], методы работы которого были чужды и неприемлемы для людей из круга «Библиографических записок». «Книжный вестник» был журналом, пытавшимся осуществить синтез практической (книготорговой) и «ученой» библиографии. Он имел чрезвычайно широкий для специального издания круг читателей — от книготорговцев до книговедов, поэтому был и долговечнее других библиографических органов того времени.

Геннади был активным сотрудником всех трех изданий с первых же дней их существования.

«Библиографические записки» начали издаваться в 1858 г. Выхода в свет первой книжки с нетерпением ожидали все русские книговеды. «Наконец вышло объявление о Библ<иографических> Записках! — пишет Геннади Лонгинову 1 января 1858 г.— Что-то с ним будет. Надо помогать! Хорошо бы их издавать при каком-либо журнале, например, Атенее или Р<усском> вестнике. Больше бы подписались»[13]. «Беседуйте с нами в Библ<иографических> З<аписках>,— просит он Лонгинова в феврале того же года.— Я об них трублю и вербую подписчиков»[14].

Беспокойство Геннади о судьбе журнала было вполне обоснованным. Даже увеличившийся по сравнению с предыдущими десятилетиями круг русской творческой интеллигенции был все же не так широк, чтобы поддержать своими средствами столь узкоспециальный орган. Во все три года своего существования журнал постоянно находился под угрозой банкротства. В ноябре 1858 г. Геннади снова пишет Лонгинову: «Я плачу о кончине или летаргии Библ<иографических> Записок. Нельзя ли было Вам их взять под покровительство Общества Люб<ителей российской словесности>? Можно бы расширить программу, печатать раз в месяц, книжками 8^0, с историческими материалами, протоколами общества и т. п. То-то бы хорошо»[15]. «Здесь толки о новом министерстве,— сообщает Геннади Полторацкому.— Дай бог, чтобы оно приняло под свое покровительство Библ<иографические> Записки и дало бы им хоть сотенку подписчиков»[16]. Во многих письмах к друзьям и знакомым Геннади пишет о журнале, беспокоится за его участь, просит помочь, «вербует подписчиков».

В самом же журнале за три года его существования Геннади поместил 25 статей, заметок и указателей. Он был петербургским корреспондентом «Библиографических записок» и вел в них отдел «Книжные вести из Петербурга», а также рецензировал издания Публичной библиотеки. В этом журнале Геннади поместил статью «Общество распространения полезных книг в Москве» (1861, № 7) и одно из первых в России рекомендательных пособий —«Книжки для школ и народного обучения (Указания для общества распространения полезных книг)» (1861, № 8), рецензию на «Азбучный указатель русской повременной словесности» Всеволодова и обзор трудов Межова. Здесь же он начал публикацию своих знаменитых «Кратких некрологов». «Библиографические записки» поместили также несколько историко-литературных заметок Геннади: «Данные для полного собрания сочинений Кантемира» (1858, № 3), «Еще о драматических сочинениях Екатерины II» (1858, № 16), «Об «Аввакумовском скитнике», приписываемом Фонвизину» (1859, № 11) и мн. др. Наконец, в этом журнале, отмеченном культом Пушкина, вполне естественным было и появление двух указателей Геннади: «Что писано о Пушкине» и «Переводы сочинений Пушкина». Вся молодая библиографическая поросль — Геннади, Михайлов, Якушкин, Афанасьев, Ефремов — страстно любила Пушкина. Основание «Библиографических записок» было праздником для библиографов-пушкиноведов. В первый же год существования журнала в нем были опубликованы следующие статьи и заметки: «Письма Пушкина к брату Льву Сергеевичу» (публикация С. А. Соболевского), «Записки А. С. Пушкина к Н. В. Гоголю» (публикация П. А. Кулиша), рецензия Л. Н. Майкова на VII том анненковского издания Пушкина, ряд статей А. Н. Афанасьева и Е. И. Якушкина под общим названием «По поводу последнего издания сочинений Пушкина». В этом же году в журнале было опубликовано несколько не изданных ранее стихотворений поэта. На этом фоне как нельзя лучше и естественнее выглядел составленный Г. Н. Геннади указатель пушкиноведческой литературы.

Следующий (1859) год издания «Библиографических записок» еще богаче пушкинскими материалами. Здесь — чрезвычайно содержательная статья Е. И. Якушкина о прозе Пушкина, его же статья о записках И. И. Пущина о Пушкине, рассказ врача И. Т. Спасского о последних днях поэта, «Пушкин в Одессе» М. Н. Лонгинова, второй указатель Геннади —«Переводы сочинений Пушкина».

В книге Н. Я. Эйдельмана «Тайные корреспонденты «Полярной звезды»[11] (М., 1966) сделана чрезвычайно любопытная и убедительная попытка показать связь «Библиографических записок» с Герценом и его изданиями. Автору удалось установить, что многие публикации, запрещенные цензурой для «Библиографических записок», шли в Лондон и увидели свет на страницах «Полярной звезды». Совершенно отчетливо проступает и одинаковый круг интересов обоих изданий: Пушкин, декабристы, XVIII век. Известно, что Герцен рассматривал исторические публикации как «материалы для уголовного следствия над петербургским периодом нашей истории». По-видимому, так же рассматривали их и руководители «Библиографических записок»— А. Н. Афанасьев, Е. И. Якушкин, В. И. Касаткин. Предположение Эйдельмана о том, что этот журнал был органом «партии Герцена» в России, имеет под собой весьма серьезные основания. Это подтверждается и анализом библиографических материалов журнала[17].

Разумеется, ни Соболевский, ни Лонгинов, ни Геннади к этой партии не принадлежали; вряд ли они с достаточной отчетливостью даже представляли себе политические убеждения таких людей, как Афанасьев и Якушкин. Для них «Библиографические записки» были «своим» журналом, прибежищем библиофильского братства. Горячие симпатии к этому изданию, неизменная поддержка со стороны Геннади объясняются прежде всего его приверженностью к библиографии вообще. Редакция же «Библиографических записок» ценила в нем дельного и знающего сотрудника. Участие Геннади в этом замечательном издании было чрезвычайно значительным, а отношение к нему редакции — вполне уважительным и серьезным*.

В 1860 г., когда «Библиографические записки» приостановились на год, Геннади задумал вместо них издать библиографический сборник. Поиски средств для его издания начались еще раньше, в 1859 г., когда стало ясно, что дела журнала плохи. «Мы сооружаем библ<иографический> сборник,— сообщает Геннади Полонскому в 1859 г.— Что-то еще нет денег». «Сегодня у меня в Москве,— пишет он позже,— сборище чернокнижников для беседы об издании библиографич<еского> сборника (учреждение кладовой для хранения старого хлама и драгоценностей, если таковые окажутся)»[18].

* Об этом свидетельствуют письма Афанасьева к Геннади, о которых говорилось в главе I.

А в марте 1860 г. он уже с полной определенностью пишет П. П. Пекарскому: «Осенью, в октябре, по приезде в Москву буду печатать библиографический сборник, в виде продолжения к Библ<иографическим> запискам. Материалы есть и обещания даны и м<ожет> б<ыть> будут статьи из Петербурга. Так как я не успею быть в Петербурге до того времени — то прошу Вас, примите участие в этом деле, пришлите, что есть у Вас годного и уговорите кого знаете доставить нам статьи, автографы, неизданные стихи, всякую всячину»[19]. Издание это, однако, не было осуществлено, а в 1861 г. «Библиографические записки» снова возродились, правда, уже ненадолго — всего на одни год.

Не менее охотно, чем «Библиографические записки», принимал работы Геннади на свои страницы и «Русский библиографический листок». Если в первом Геннади выступал преимущественно не как историк литературы, а как библиограф в тесном смысле слова, то во втором он был «ученым» среди «практиков». Оттого-то каждое его выступление в «Листке» сопровождалось благодарностями и уважительными поклонами редакции: «с особенным удовольствием», «искренно благодарим», «участие Геннади дорого науке» и т. п. «Листок» постоянно сообщал о новых работах «нашего знатока библиографии». В № 10 за 1858 г. читаем: «В № 4 «Anzeiger für Bibliographie» Петцхольдта помещен 2-й указатель библиографических сочинений о России на иностранных языках нашего почтенного Г. Н. Геннади». Это — довольно редкий случай информации о работах русского библиографа, опубликованных за рубежом*.

На страницах «Русского библиографического листка» Геннади поместил две серьезные статьи: «О библиографических журналах в России» и «О летописи русских книг».

В 1860 г. был основан «Книжный вестник», и опять неутомимый Геннади — в числе его постоянных сотрудников. В первый же год существования журнала он публикует здесь рецензии (на книгу Собольщикова «Об устройстве общественных библиотек», на «Описание Санкт-Петербурга и Кронштадта»); заметку «Об устройстве новой читальной залы в имп. Публичной библиотеке», некролог П. Н. Арапова и т. д. Сюда же перекочевывают «Русские писатели и ученые, скончавшиеся в 1859 г.». В 1861 г.

* Этот указатель не учтен ни в одном библиографическом перечне работ Геннади.

Геннади изменяет журналу и возвращается в воскресшие было «Библиографические записки», но в 1862—1863 гг. он снова в «Книжном вестнике» (некрологи, заметки, известия иностранные, новости). В середине 1864 г. редактором «Книжного вестника» становится П. А. Ефремов — весьма серьезный библиограф и историк литературы. Он сразу принимается за «чистку» сотрудников — одних изгоняет, других привлекает или закрепляет за журналом. Среди последних оказывается и Г. Н. Геннади. «Милостивый государь Григорий Николаевич,— пишет ему Ефремов 25 августа 1864 г.— Приняв под свою редакцию изд<ание> Книжного Вестника (с № 16), обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою: не найдете ли возможность изредка сообщить маленькую рецензию, или заметку, или корреспонденцию (библиотеки, подписка на журналы и т. п.). Очень бы меня обязали. Готовый к услугам П. Ефремов. P. S. Можно ли Ваше имя (как постоянного сотрудника.—**Л. Р.**) поместить в объявление о подписке?»[20] Может возникнуть вопрос: отчего же прогрессивно настроенный новый редактор «Книжного вестника» добивался сотрудничества Геннади и отказался от услуг Межова, несколько лет уже активно работавшего в журнале? Дело в том, что в глазах Ефремова (и в этом он был не одинок) истинным библиографом был только библиофил и знаток книги, а не регистратор, каковым не без некоторого основания считался тогда В. И. Межов. Несмотря на то, что Ефремов не упускал случая посмеяться над промахами Геннади, он ценил в нем истинного книжника и неоднократно обращался к нему за справками по истории литературы[21], предлагал ему обмен редкими изданиями и т. п. Геннади также высоко ставил работы Ефремова. «Я давно не был в Петербурге, Вас не видел,— пишет ему Геннади,— но приобрел все Ваши библиографические работы и издания. Между прочим, недавно воспользовался некоторыми Вашими указаниями из Библиографических записок для нового издания Пушкина, приготовляемого Исаковым»[22]. Письмо подписано шутливым «Книгорыл Геннади». При всем различии общественной позиции этих двух людей они принадлежали к братству книголюбов, поэтому сотрудничеством Геннади Ефремов не мог не дорожить.

Таким образом, как мы видим, ни один серьезный библиографический журнал того времени не обходился без сотрудничества Геннади. Это обстоятельство чрезвычайно существенно для исследователя его деятельнос-

ти, так как оно еще раз свидетельствует об отношении к нему со стороны библиографов 50—60-х гг. Еще раз напомним, что и «Библиографические записки» и «Книжный вестник» Ефремова стояли на самом левом фланге «библиографизма» той эпохи. Постоянное участие в этих изданиях может в определенной мере характеризовать и общественную позицию данного лица.

Глава IV
«ЛИТЕРАТУРА РУССКОЙ БИБЛИОГРАФИИ»

Библиография второй степени — относительно молодая отрасль библиографической литературы. Первые — еще очень слабые опыты появились в Западной Европе в XVIII в.

Подлинное развитие библиографии приходится на XIX в. К. Р. Симон справедливо полагает, что этот вид библиографии родился вместе с явлением, которое он называет «самосознанием библиографа». Быть может, следовало бы сказать и о «самосознании» библиографии в целом, ее самоутверждении как особой области знания и особом виде литературы, также нуждающейся в учете, регистрации и информации. Во всяком случае, появление трудов по библиографии второй степени в той или иной стране свидетельствует об определенной зрелости библиографической мысли и об осознании общественной значимости библиографии.

Составители первых трудов такого рода стремились к международному охвату библиографической литературы. Таковы «Всеобщий библиографический репертуар» Пеньо (Париж, 1812), «Библиографическая библиотека» Юлиуса Петцхольдта (Лейпциг, 1866). Национальные же библиографии второй степени появляются в Европе только в конце 80-х гг. XIX в. (Италия) или даже в начале XX (Англия, Польша). Представляется неким феноменом тот факт, что русская библиография вырвалась вперед именно на этом — одном из наиболее ответственных участков работы и породила первую в мире национальную ретроспективную библиографию второй степени —«Литературу русской библиографии» Г. Н. Геннади (1858).

Н. В. Здобнов писал, что «библиографическое движение 50-х годов породило, между прочим, чрезвычайно ценный и до сих пор не потерявший значения труд Г. Н. Геннади «Литература русской библиографии»[1]. К. Н. Дерунов,

вообще-то чрезвычайно скептически относившийся к достижениям отечественной библиографии, назвал работу Геннади «блестящим фейерверком», «ослепительной и красивой вспышкой», трудом «чрезвычайного значения». В отличие от Здобнова, он не считает ее плодом нового «библиографического движения», а, напротив, работой, завершающей старый «период, открывшийся «Опытом российской библиографии». Геннади, как справедливо отметил Дерунов, «положил начало новой специальной дисциплине — библиографии библиографии»[2].

Гораздо более сдержанно оценивают работу Геннади современные исследователи. С. А. Рейсер называет «Литературу русской библиографии» «одной из первых в России сводок подобного рода». П. Н. Берков также склонен поставить «Литературу русской библиографии» в один ряд с другими более ранними трудами «подобного рода» и ведет ее родословную от «Библиографических разысканий» Ундольского[3].

Действительно, если подходить к этому вопросу формально, можно еще до Геннади обнаружить в русской литературе отдельные перечни библиографических работ. Уже Сопиков в «Предуведомлении» к своему «Опыту» называет имена своих предшественников; такие же сводки имеются в ряде русских энциклопедий, в рецензиях на библиографические труды и т. п. Что же касается работы Ундольского, то она действительно с первого взгляда может показаться сродни «Литературе» Геннади. Эта работа, опубликованная в 1846 г. в «Москвитянине» Погодина, называлась «Библиографические разыскания. Очерк библиографических трудов в России». «Очерк» охватывает громадный хронологический период — от начала русской библиографии до середины 40-х гг. XIX в. Началом же русской библиографии Ундольский считает опись книг библиотеки великого князя Василия Ивановича, составленную Максимом Иноком. Правда, даже такого воинствующего славянофила крайне правого направления, как Ундольский, несколько смущает, что инок этот — лицо полулегендарное, а о библиотеке Василия Ивановича мы знаем только «из сказаний». Поэтому самым уже настоящим первым русским библиографом он считает безымянного составителя каталога церковных книг, жившего в середине XIII в. Подобной «библиографией» и заполнен по преимуществу очерк Ундольского. Труды Строева по славяно-русской письменности, описи частных библиотек, богатых древнерусскими памятниками, ката-

лог «богословским книгам» Соколова — вот то, что в особенности привлекает автора. Даже такие труды, как «Опыт» Сопикова, каталог Плавильщикова и т. п., интересуют его главным образом благодаря содержащимся в них сведениям о «славяно-русской» книге. Библиография современной (и даже шире — светской вообще) литературы его совершенно не интересует — настолько, что в очерке отсутствуют даже упоминания о библиографических отделах журналов XIX в., об «Указателе вновь выходящих книг», об ежегодных «Прибавлениях» к каталогу библиотек Смирдина, т. е. обо всех тех источниках информации, которыми преимущественно интересовались его современники. Работа Ундольского, таким образом, является не библиографией русской библиографии, а пособием для изучающих славяно-русскую литературу. Естественно, что никакого сравнения с «Литературой русской библиографии» эта работа не выдерживает — и не только даже по научному достоинству, но и по жанровым особенностям. Наличие работы Ундольского ни в коей мере не может поколебать утверждение Дерунова о том, что именно Геннади положил начало национальной библиографии библиографии в России.

Есть еще одна особенность, которая ставит труд Геннади особняком от «сводок подобного рода». Это — широта тематики «Литературы русской библиографии». В сущности, ее следовало бы назвать «Библиографией русского книговедения». В предисловии к этой работе Геннади пишет: «Целью труда моего было приведение в известность и указание в систематическом списке по возможности всего, что напечатано в России по предмету библиографии, в книгах, брошюрах и статьях в журналах и газетах. Разумея значение библиографии в обширном смысле как **книговедение** или **книгознание** и по смыслу ее названия, как **книгоописание**, я указал как статьи об этом предмете, так и все собственно библиографические труды, т. е. всякого рода каталоги, или списки книг и статей и словари писателей, в каком бы объеме и виде они не явились. Кроме произведений по преимуществу и существенно библиографических, я постарался исчислить все труды русских библиографов, содержанием своим подходящих под ведение библиографии, понимаемой в обширном смысле» (с. 3). Это заявление вполне в духе времени. Мы уже писали о том, что в 50-е гг. XIX в. под словом «библиография» объединялся целый комплекс историко-книжных дисциплин. Из нее еще формально не выделились ни

библиотековедение, ни история книги, ни текстология, ни история литературы и журналистики. Работа Геннади давала сведения об огромном количестве (787 названий) работ, равно интересных для всех, трудившихся на книговедческом и историко-литературном поприще. Структура этой работы дает столь наглядное представление о круге тем и предметов, входивших в компетенцию библиографа 50-х гг. XIX в., что не лишним будет привести здесь полностью ее оглавление:

I. Общие сведения о библиографии. (Здесь собрано то, что мы теперь относим к теории и методике библиографии.)

II. Библиографическая летопись в России. (В этом отделе указаны работы «репертуарного» плана и текущие пособия общего характера.)

III. Частные библиографии по разным отраслям знаний:

1) история, география, этнография, статистика и право;

2) история русского языка и литературы;

3) естественные науки и медицина;

4) сельское хозяйство;

5) науки военные и морские, картография, художества;

6) восточная словесность.

IV. Описания редких и старинных книг.

V. Журналистика:

1) история русских журналов;

2) статьи об отдельных журналах;

3) указатели журналов.

VI. Словари русских писателей.

VII. История и описания библиотек:

1) общие сведения о библиотеках;

2) история библиотек старинных;

3) библиотеки казенных ведомств, ученых обществ и публичные;

4) библиотеки иностранные;

5) книжные лавки.

VIII. Книгопечатание:

1) общие сведения;

2) история книгопечатания в России;

3) история книгопечатания вне России;

4) образцы литер русских типографий.

IX. Книжное дело в древности.

X. Книжная торговля.

XI. Библиофилия и библиомания.

XII. Сведения о русских библиографах, библиофилах, типографах и книгопродавцах; некрологи книгопродавцев.

XIII. Собрания библиографических статей и смесь. («Библиографическими статьями» в то время назывались всевозможные историко-литературные и библиографические разыскания и публикации.)

Таким образом, Геннади, в соответствии с традициями эпохи, понимал библиографию чрезвычайно расширительно. Вызывает удивление мнение П. Н. Беркова, упрекающего его в «узкости понимания библиографии». Так как исследователь нигде не объясняет, в чем эта узость заключается, то остается лишь предположить, что это — дань традиционным обвинениям в формализме, ставшим обязательными при анализе трудов Геннади.

Следует отметить, что Геннади следовал известным европейским образцам. Выдающаяся работа Пеньо

«Repertoire bibliographique universel» также включала помимо чисто библиографических работ труды по истории письменности, литературы, истории книги и т. п. Такова же была тематика и следующего библиографического указателя —«Всеобщей библиографии...» Ж.-П. Намюра (Льеж, 1838). Только вышедшая уже после «Литературы русской библиографии» прославленная работа Петцхольдта «Библиографическая библиотека» является библиографией библиографий «в чистом виде». Однако следует помнить, что это — работа международного охвата, а вот некоторые национальные указатели второй степени, даже вышедшие много позднее работы Геннади, стремились охватить все книговедение целиком. Так, работа Оттино и Фумагалли «Итальянская библиографическая библиотека» (1889—1899) включает разделы: 1) Книговедение, 2) Библиография, 3) Библиотековедение.

Широта тематики «Литературы русской библиографии» вполне отвечала требованиям времени. Геннади не просто «привел в известность» эти материалы, но и раскрыл их содержание, обобщил, создал относительно стройную систему книговедения как науки. Подробные аннотации, историко-обзорные введения, предваряющие каждый раздел, послесловие, дающее обобщенную картину русской библиографии,— все это делает труд Геннади не просто хорошим указателем, а и превосходным костяком истории русского книговедения. Если добавить к этому, что в послесловии к данной работе Геннади суммировал не только достижения, но и нужды русской библиографии, что он призывал своих коллег создать, наконец, полный свод русской книги (причем не по старым каталогам, а de visu), то можно смело сказать, что в этом труде Геннади поднялся до вершин современной ему библиографической мысли и практики.

«Литература русской библиографии» была встречена единодушным одобрением современников (редкий случай в творческой жизни Геннади!). Еще до ее появления в свет ходом работы чрезвычайно интересовались Лонгинов, Полторацкий, Соболевский и другие видные библиографы. Соболевский, по просьбе Геннади, просматривал корректурные листы и внес некоторые дополнения (они помещены в конце работы, на с. 178—183). Полторацкий назвал «Литературу русской библиографии» «подарком библиографическому миру». «Есть ли у Вас моя литература библиографии 1858 г.?— спрашивает Геннади известного библиографа С. И. Пономарева.— Если нет, то готов Вам

доставить экземпляр»[4]. «Спрашиваете Вы меня про свою «Литературу библиографии 1858 г.»,— отвечает ему Пономарев,— есть ли она у меня. За кого же Вы меня считаете, чтобы у меня **подобной** книги не было. Таким вопросом библиографу (тем более провинциальному) даже обидеться можно»[5]. В 4-м номере «Русского библиографического листка» за 1858 г. редакция объявила: «Новости русской литературы. Особенно приятна новость, близко касающаяся сердца русского библиографа: Г. Н. Геннади приступил к изданию полезного труда своего: Опись русской библиографии. Она заключает в себе богатое собрание материалов отечественного книговедения и будет служить настольной книгой библиографа, путеводителем для начинающего»[6]. «Литература русской библиографии» была по достоинству оценена и такими не склонными к снисходительности журналами, как «Современник» и «Атеней».

Шло время, развивалась русская библиография, многие труды устаревали и становились лишь историческими памятниками, а «Литература» продолжала оставаться настольной книгой библиографов. Ф. Т. Тарасов в историко-критическом очерке «Наша библиография», опубликованном в 1890 г., назвал ее «прекрасным и до сих пор необходимым трудом»[7]. У. Г. Иваск писал в 1913 г.: «Этот труд Геннади является пока единственным в своем роде; несмотря на свои недостатки и более чем полувековую давность, к нему и в настоящее время прибегают за справками»[8].

Высокую оценку «Литература русской библиографии» получила и за рубежом. Известный немецкий библиограф Юлиус Петцхольдт назвал эту работу «ценной во всех отношениях» и полагал, что ее следовало перевести на немецкий и французский языки[9].

Все историко-библиографические работы обобщающего плана опираются на материал, собранный Геннади. Даже теперь, когда, казалось бы, уже созданы более совершенные работы по библиографии второй степени, «Литература» Геннади не может быть сдана в архив. Целый ряд разделов этой богатой содержанием книги отнюдь не «перекрыт» позднейшими работами. Таковы, например, «История и описания библиотек», «Книжная торговля», «Библиофилия и библиомания» и др. Кстати, любопытно отметить, что Геннади первый обратил внимание на самую животрепещущую ветвь библиографии его времени — журнальную, к которой большая часть «ученых» библиографов (Кеппен, Анастасевич) обычно отно-

силась с высокомерным недоверием. В основном разделе «Литературы русской библиографии» — «Библиографическая летопись в России»— Геннади характеризует библиографические отделы ведущих русских журналов, сыгравших (он прекрасно понимал это!) очень большую роль в деле знакомства русской читающей публики с новинками книжного мира. «С развитием нашей журналистики,— пишет Геннади,— в отделе критики русских повременных изданий известия о выходящих книгах становились постепенно все подробнее и полнее <...> Наконец, в Московском телеграфе уже стали думать о возможной полноте этих отчетов и старались доставлять сведения о всех выходящих в России книгах» (с. 9). После «Московского телеграфа» лучшими в библиографическом отношении журналами Геннади считает «Современник» и «Отечественные записки». Геннади очень точно отмечает и основное качественное отличие журнальной от «собственно» библиографии. «Журналисты,— пишет он,— при всей ревности к библиографии, имеют более в виду отдавать критические отчеты о книгах и разбирать важнейшие сочинения, чем составлять годичные или помесячные списки книг, описывать их библиографически и располагать по системе, прилагать необходимые алфавитные списки авторов и проч.» (с. 9). Поэтому даже самый высокий уровень развития журнальной библиографии не снимает вопроса о централизованной текущей библиографической регистрации, подлинной летописи печати. Такой летописью Геннади считает «Указатель вновь выходящих книг», который публиковался в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1837—1855 гг. и с прекращением которого русское общество лишилось сколько-нибудь надежной и регулярной библиографической информации. Геннади, как и все люди творческого труда, был чрезвычайно озабочен этим положением и в «Литературе русской библиографии»— в который уже раз!— высказал это.

К. Н. Дерунов в известной работе «Жизненные задачи библиографии» предлагает свою периодизацию истории русской библиографии. Первым периодом он считает «до-сопиковский». К концу первого десятилетия XIX в. уже были, по его мнению, прочно установлены все основные элементы библиографической «системы», «и к тому же с такой отчетливостью, с такой роскошью форм и комбинаций, как никогда после». Второй период, начавшийся выдающимся трудом Сопикова, затем, в николаевское

время, вылился в «смутную эпоху чисто количественного механического размножения библиографической литературы». Но завершился он «блестящим фейерверком, который, примиряя несколько со скудостью жатвы, снятой за период 1820—1850-х гг., имел, однако, ту невыгодную для репутации специалистов-библиографов сторону, что за ослепительной и красивой вспышкой последующая новейшая эпоха нашей библиографии показалась (и действительно была) еще более мрачной». «Дело в том,— пишет далее Дерунов,— что перед лицом библиографов вставал совершенно новый вопрос: усложнившаяся проблема книжных описей теперь вопияла о какой-нибудь «системе», а система эта вынуждала перенести центр тяжести текущих работ с описи книг вообще на специальную опись самой библиографической литературы. И вот, в 1858 г. Геннади издает «Литературу русской библиографии»— труд, которым завершается период, открывшийся «Опытом российской библиографии», и для характеристики чрезвычайного значения которого лучше всего было бы именно к нему применить слова, сказанные некогда об «Опыте»: это труд «тем драгоценнее, чем нужнее в наши дни литератору знать все, что до него было написано... Не знавши этого, теперь гораздо лучше не приниматься за перо»[10]. После «Литературы русской библиографии» настали,— пишет Дерунов,— самые черные дни, и это был период новой и новейшей русской библиографии». По его мнению, движение русской библиографии «замерло, закостенело на той точке, до которой оно дошло в 60-е годы»[11].

Если сделать скидку на обычные для Дерунова эффектные преувеличения, то в целом можно считать его мысль очень верной и меткой: проблема создания репертуара русской книги упиралась в необходимость полной описи самой библиографической литературы. Труд Геннади, подводивший итог всему предшествующему периоду русской библиографии, мог бы стать и началом нового ее периода, более плодотворного, ибо давал в руки библиографов неоценимое пособие, ключ к дальнейшим работам. Этого не случилось, продолжателей дела Сопикова и Геннади не нашлось. Выше уже приводилось мнение Н. В. Здобнова о том, что «Литература русской библиографии» была порождена «библиографическим движением 50-х годов». Это в целом верно, но следует отметить и то, что идея создания полного свода русской библиографической литературы родилась у Геннади очень рано —

вместе с юношескими планами о книжном репертуаре. Огромная заслуга Геннади в том, что он первый понял взаимосвязь и взаимную зависимость этих двух жанров библиографии. 22 марта 1852 г. он записывает в своем дневнике: «У нас библиографов мало и писано об этом так мало, что нечего и назвать (т. е. по европейской библиографии, а об русских книгах, особенно старопечатных, наберется таки кое-что). Но об этом просвещенный мир узнает, когда я издам свой обзор русской библиографии!»[12] 17 апреля того же года он пишет, что усиленно «пополняет обзор русской библиографической литературы»[13]. В 1857 г., предлагая М. Н. Лонгинову сотрудничество с ним в деле создания репертуара, Геннади сообщает ему: «Кстати скажу, что у меня готова к изданию опись русской библиографии, где указано все, что печатано у нас по нашему предмету <...> Я надеюсь тиснуть ее зимою. Мои указания будут Вам полезны в работе»[14].

К. Р. Симон, обозревая в своей «Истории иностранной библиографии» библиографические работы второй степени, делает одно весьма интересное наблюдение. «Библиографии второй степени,— пишет он,— ориентируются, как правило, на две категории читателей и двоякое их (этих библиографий) использование. Во-первых, библиографии библиографий необходимы группе исследователей, изучающих историю библиографии (в целом или в каком-либо одном специальном разрезе). Но эта группа слишком малочисленна, чтобы серьезно влиять на способы составления библиографии библиографий. Последняя должна преимущественно считаться с запросами и нуждами справочно-библиографических работников библиотек. Характерный для этих работников практицизм <...> влияет самым непосредственным образом на составителей библиографии библиографий». Характеризуя известную работу Петцхольдта «Библиографическая библиотека», Симон отмечает ее двойственность, выразившуюся в том, что «отбор библиографий производился им с учетом интересов историка библиографии, а характеристика их — под углом зрения их значения для справочно-библиографической работы»[15]. Нечто подобное мы наблюдаем и в «Литературе русской библиографии». Правда, «справочно-библиографических работников библиотек» в России 50-х гг. как определенной категории еще, в сущности, не было, но была большая группа лиц, занимавшихся всевозможными библиографическими и историко-литературными разысканиями. Им-то преимущественно и был

адресован труд Геннади. «Из первого отдела моего указателя,— пишет он в послесловии,— видно, как мало еще писано у нас для объяснения значения библиографии. Понятие о ней и понимание ее целей еще весьма мало распространены у нас, да иначе и быть не могло, при сухости ее предмета для публики. Но нынче круг ее участников и деятелей увеличивается; явились даже периодические органы для них, и поэтому, кажется, будет время узнать, что сделано на пользу ее до нынешнего времени». Этому кругу новых деятелей и посвящает Геннади свою работу. Но сам он выступает здесь в основном как историк библиографии. «Проследив произведения русских библиографов повременно,— пишет он в том же послесловии,— видишь ту постепенность, с которою они разрастаются, увеличиваются в числе, выражают все более дельные и строгие требования и, увеличиваясь в размерах и полноте сведений, делаются полезным подспорьем для трудов ученых и литературных. Если даже проследить по моей описи некоторые только отделы, расположенные хронологически, то обозначится эта постепенность, а отчасти — успех» (с. 186). Обозревая далее развитие отдельных видов русской библиографии, Геннади выказывает себя вдумчивым и объективным историком. Но любопытно, что эти исторические наблюдения увенчиваются выводом, касающимся самого животрепещущего вопроса современной ему библиографии. Перебрасывая мостик от истории к современности, Геннади обращается к своим собратьям с призывом, еще более увеличившим ценность его работы: «Нам нужна теперь опись, сделанная по самым книгам, а не по прежним каталогам. <...> Совокупными и единообразными трудами нескольких лиц, по стройному плану, такой подвиг мог бы быть совершен» (с. 187).

Таким образом, историзм, присущий всякой серьезной ретроспективной библиографической работе, сочетается в «Литературе русской библиографии» с злободневностью. Уже после выхода ее в свет Геннади опубликовал в «Русском библиографическом листке» (1858, № 3) интересный обзор «О библиографических журналах в России». Дело в том, что в этом году начали выходить два новых библиографических журнала: названный выше «Листок» (в Петербурге) и «Библиографические записки» (в Москве). Приветствуя их появление, Геннади не упускает случая напомнить библиографам об их предшественниках. Эта статья — шире ее заглавия. В сущности, здесь дан обзор и всей русской журнальной библиографии (начиная с

«Ежемесячных сочинений» Миллера) и всех специальных библиографических журналов. В дальнейшем Геннади пытается наладить информацию о текущей библиографической литературе. На страницах «Библиографических записок» (1858, № 2) он помещает «Книжные вести из Петербурга»— обзор библиографических новинок — с таким примечанием: «Мы намерены здесь извещать о новых русских и иностранных книгах, появившихся или ожидаемых в Петербурге и касающихся библиографии, истории литературы, описания библиотек и т. п. и вообще подлежащих ведению нашего журнала». Такие же обзоры Геннади вел и дальше, вплоть до закрытия журнала. В «Библиографических записках» он поместил и «Обзор библиографических трудов г. Межова» (1861, т. 3, № 6). После закрытия «Библиографических записок» Геннади ведет подобную работу в «Книжном вестнике», постоянным сотрудником которого он был в 1860—1865 гг. Здесь помещались его «Известия иностранные», «Новости», касающиеся русской библиографии, и другие материалы, в том числе ряд рецензий на труды русских библиографов и библиотековедов. После закрытия и этого журнала русская библиография надолго лишилась собственной трибуны. Информацию о профессиональных новинках Геннади пытался публиковать где только было возможно («Русский», «Современная летопись», «Голос»), но другие журналы и газеты, естественно, неохотно печатали подобные материалы. Со смертью же Геннади эта работа окончательно оборвалась и только через 33 года была возобновлена Б. С. Боднарским на страницах «Библиографических известий» (1913 г.).

Глава V
СЛОВАРЬ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ

Сборник биографий — один из древнейших жанров популярной литературы, восходящий к «Жизнеописаниям» Плутарха. Позднее, когда появился спрос на справочную литературу, наряду со сборниками биографий стали возникать биографические словари, а вслед за ними (или даже одновременно с ними) — биобиблиографические работы. Западноевропейская библиография начинает свою историю именно с работ подобного рода. То же самое наблюдается и в России. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова выходит в свет в то время, когда русская библиография еще покоится

в колыбели. Этот первый опыт принадлежит скорее биографическому жанру: библиографический элемент в нем еще очень слаб. В первой половине XIX в. формируется уже и биобиблиография в собственном смысле слова. Однако полноценный биобиблиографический словарь все еще оставался высокой мечтой русских библиографов. Над ее осуществлением трудился С. Д. Полторацкий, но его работа осталась незавершенной и неопубликованной. Между тем необходимость подобного труда для научной работы и всевозможного рода справок уже настоятельно ощущалась образованным обществом. Неудивительно поэтому, что 19-летний студент Григорий Геннади среди планов на будущее записывает: «...составлять ежегодно некрологи замечательных людей русских и издавать ежегодно книгами»[1]. Тут же мы читаем: «Теперь задумал писать биографии русских ученых. Начал собирать материалы из Москвитянина. Не знаю, что будет»[2]. Через два года он уже более отчетливо видит свою цель. По выходе из университета он собирается приступить к составлению «словаря (биографического) русских ученых»[3]. А через пять лет после окончания университета он записывает в дневнике: «Работаю понемножку над моим справочным русским биографическим словарем»[4]. В этом же 1852 г. состоялось знакомство Геннади с Полторацким, уже давно работавшим над словарем писателей. По-видимому, под его влиянием Геннади отказался от мысли посвятить свой словарь ученым, теперь он готов вместе с Полторацким работать над словарем русских писателей. Выше говорилось о том, что надежды Геннади на сотрудничество старшего и уже известного библиографа не состоялись. Максимализм Полторацкого, его излишняя требовательность к себе делали совместную работу с ним невозможной, а планы издания словаря — бесперспективными. «С Полторацким каши не сваришь,— писал Геннади Лонгинову.— Мы было поговорили о 4 первых буквах словаря писателей, да С<ергей> Д<митриевич> хочет, чтобы это был какой-то аналитически-алфавитный указатель всего и всех; чтобы под Адамом было все, что писано об Адаме в русской литературе»[5]. А у молодого Геннади для словаря писателей не было, как он писал, «ничего или почти ничего». Но отступать уже не хотелось, и он самостоятельно начинает громадную работу по сбору материала. Названные в главе III труды Геннади по истории русской литературы (в основном, персоналии писателей, публикации неизвестных работ и т. п.) и были своеобраз-

ным приступом к «Словарю». К подобным же подсобным материалам могут быть отнесены такие его работы, как «О псевдонимах русских и французских» (1857), «Статьи о русских писателях в «Nouvelle Biographie général poublie par E. Didot...» (1858), «Les écrivains franco-russes» (1874), «Список русских анонимных книг с именами их авторов и переводчиков...» (1874), «Список русских книг, печатанных вне России» (1875) и др. Многие из этих работ содержали результаты кропотливых разысканий, которые затем были использованы при создании словаря писателей и ученых.

Параллельно с 1858 г. Геннади начинает публикацию целой серии сборников некрологов русских писателей, умерших в истекшем году. Первый такой биобиблиографический список, опубликованный в «Библиографических записках», имел подзаголовок: «Материалы для словаря русских писателей, посвященные С. Д. Полторацкому». Биограф Геннади У. Г. Иваск пишет по этому поводу: «Помещенное в заголовке статьи посвящение «Материалов» С. Д. Полторацкому следует понимать в том смысле, что последним собирались сведения для задуманного им «Словаря русских писателей», отрывки из которого тогда печатались в «Северной пчеле» и «Русском вестнике» и для которого Геннади предназначил и эти свои «краткие некрологи»[6]. Ту же версию повторяет и Н. В. Здобнов. Однако вероятнее предположить другое: это «посвящение» было шпилькой в адрес Полторацкого, не оправдавшего надежд Геннади на совместную работу. Вспомним, что такое же посвящение Геннади предпослал своей работе о переводах произведений Пушкина. «Авось Вас хоть этим подстрекнешь»,— писал он тогда Полторацкому[7]. Еще менее можно предполагать, что Геннади предназначал свои «Некрологи» для словаря Полторацкого. Напротив, он демонстративно заявлял о намерении работать самостоятельно и независимо от старшего товарища.

Публикацию списков умерших писателей (а в последствии и ученых) Геннади продолжал в течение 20 лет, вплоть до выхода первого тома «Словаря». Эти материалы появлялись на страницах «Библиографических записок», «Книжного вестника» и «Русского архива» (с 1864 по 1877 г.). Редакция последнего, высоко ценившая библиографическую деятельность Геннади, сочла нужным снабжать его биобиблиографические материалы пояснительными примечаниями. Так, например, в 1866 г. редактор «Русского архива» П. И. Бартенев писал: «Справочный

словарь русских писателей и ученых есть обширный труд, задуманный и уже значительно двинутый вперед известным нашим библиографом Г. Н. Геннади. Так как подобного рода работы сопряжены с разного рода трудностями, то пропуски и обмолвки весьма легко могут встретиться. Составитель просит сообщать ему через «Русский архив» дополнения и поправки»[8]. «Обширный и неуклонно продолжаемый труд Г. Н. Геннади, обнимающий собою всю новую русскую словесность, заслуживает полного уважения,— пишет Бартенев в 1868 г.— Ошибки и неполноты неизбежны в такого рода работах, но они могут быть исправлены и пополнены другими лицами»[9]. Эти примечания отнюдь не случайны. Дело в том, что среди русских журналистов нашлось немало охотников подтрунивать над работой Геннади. Лиц же, пожелавших бы «исправить и пополнить» его труд, не находилось. П. А. Ефремов (под псевдонимом Ивана Маслова) высмеивал в «Искре» своего собрата по библиографии, а заодно и редактора «Русского архива». В 45-м номере «Искры» за 1867 г. им помещен «Автонекролог И. И. Маслова» с таким примечанием: «До сих пор в печати являлись только автобиографии, но, вероятно, поданный г. Масловым пример побудит к составлению своих автонекрологов господ Г-ди и Б-ва, которые доныне занимались исключительно только печатанием некрологов, и мы даже слышали, будто соревнование их на этом поприще достигло до таких размеров, что уже заранее господин Ген-ди изготовил некролог господина Барт-ва, а господин Барт-нев изготовил некролог господина Ген-ди»[10].

Но вот, наконец, в 1876 г. выходит в свет первый том «Справочного словаря о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях». Геннади в это время — 50 лет; он постоянно живет за границей, преимущественно в Германии, и словарь его издается в Берлине. Это обстоятельство дало автору огромное преимущество: свободу от русской цензуры. Благодаря этому он имел возможность включить биографические и библиографические материалы о ряде лиц, имена которых в России были под запретом: М. Л. Михайлове, А. И. Герцене и многих других. В словаре помещены сведения о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, о которых Геннади имел сведения до 1874—1875 гг.; относительно же тех, о которых не имелось некрологических сведений, заключительной гранью взят 1825 г. «Этим годом,— сообщает Геннади в предисловии,— я ограничил-

ся еще и потому, что указываю не одни имена писателей, но и анонимные книги; а для книг, вышедших после 1825 г., мы имеем довольно обширную опись в Росписи Базунова, составленной В. Межовым».

«Я старался,— пишет Геннади в предисловии,— привести в известность все сочинения, вышедшие в России, хотя бы и на иностранных языках, а также печатанные русскими за границею. При этом имелись в виду преимущественно **книги.** Указывать все статьи, помещенные в журналах,— значило бы составить указатель к русским журналам и газетам. Взяться за такой труд я не решился. Но нельзя было исключать печатанные известия об авторах, которые оставили только журнальные статьи, когда такие известия мне встречались в биографиях и некрологах. При некоторых писателях, кроме исчисления книг, найдутся у меня также указания на **главнейшие** их журнальные статьи». Приступая к сбору материала для этого труда, Геннади мечтал о критико-биографическом словаре, в котором каждому лицу была бы посвящена обстоятельная статья. Десятки статей, заметок, опубликованных Геннади в течение четверти века, предшествовавшей появлению 1-го тома «Словаря», были его творческой лабораторией. Он не боялся выставить на суд критики даже те материалы, которые сам считал несовершенными, ожидая поправок и дополнений от других знатоков истории литературы. Однако задуманный им гигантский труд оказался, естественно, не под силу одному человеку, и Геннади в своем словаре вынужден был, как он пишет, ограничиться лишь «самонужнейшими краткими указаниями».

Выпуская в свет первый том «Словаря», Геннади далеко не был уверен в его совершенстве. Дважды (на странице 348 и в предисловии) он обращается ко всем с просьбой о доставлении ему «всякого рода замечаний, поправок и дополнений». Такие дополнения во множестве появились на страницах русских периодических изданий сразу же вслед за выходом в свет первого тома: в «Журнале Министерства народного просвещения», «Древней и Новой России», «Киевских университетских известиях» и др. Почти все они носили характер довольно мелочный, за исключением разве статьи В. И. Саитова в ЖМНП (1876, т. 189, № 1). По-настоящему серьезной и обстоятельной критики словарь Геннади не вызвал. Особенно поражает молчание известных библиографов — современников Геннади — Межова, Ефремова и других. В 1879 г. редактор

«Русской старины» М. И. Семевский, высоко ценивший труды Геннади, писал ему: «Я пред Вами виноват, милостивый государь Григорий Николаевич, давно бы мне следовало дать отзыв в «Русской старине» о Вашем «Словаре»,— да все некому поручить его написать из специалистов.— П. А. Ефремов все не удосужился написать, испросить разве Л. Майкова?»[11] Только через год, когда Геннади уже не было в живых, «Русская старина» помещает на обложке 8-й книги небольшую заметку, в которой сказано, что «труд Геннади является весьма полезным вкладом в нашу скудную библиографию».

Между тем Геннади с большим вниманием читал все появлявшиеся в печати отклики. После рецензии В. И. Саитова, самой строгой из всех, Геннади вошел в переписку с ее автором и получил от него ряд ценных указаний, в особенности по литературе XVIII в. Кроме того, на его многочисленные вопросы в печати и в письмах ему отвечали: Я. К. Грот, А. А. Куник, М. И. Семевский, А. А. Стойкович, Я. Ф. Березин-Ширяев, Н. П. Собко и другие. Таким образом, в работе над вторым томом «Словаря» он уже мог использовать помощь и советы многих знатоков русской книги. Особенно существенной оказалась помощь Н. П. Собко. Так как Геннади жил за границей и был оторван от русских книгохранилищ (правда, под руками у него была часть его богатейшей библиотеки), Собко сверял его рукопись с каталогами и книгами Публичной библиотеки. 5 августа 1879 г. он сообщает Геннади: «Всю часть (буквы Ж — И) я сверял с каталогом, карточка за карточкой»[12]. «Дополнения на К — М,— пишет он несколько позднее,— так как Вы торопили с ними, я не успел тогда проверить все с каталогом и потому сперва послал Вам кое-какие справки. Потом, по отсылке рукописи, принялся за сверку чистых листов II тома с каталожными карточками и особенно с книгами и нашел столько новых додатков и особенно поправок, что решился телеграммой остановить набор прежде посланной рукописи»[13].

В отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится том «Справочного словаря» (в гранках) с пометками и вставками Н. П. Собко. Из них явствует, что помощь его в смысле выяснения всякого рода деталей была весьма существенной. Второй том «Справочного словаря о русских писателях и ученых» вышел в свет в 1880 г., уже после смерти автора.

В конце 1879 г. Г. Н. Геннади приехал в Петербург, заболел воспалением легких и 26 февраля 1880 г. умер в возрасте 54 лет. Смерть, настигшая его в расцвете творческих сил, оборвала все планы и замыслы. За границей оставались рукописи 3-го и 4-го томов словаря, огромная картотека русских книг, начатые новые труды, большое книжное собрание. Все это осталось там, где никто не знал цены этим сокровищам. Вдова Геннади поступила с его наследием самым варварским образом: огромная библиотека Геннади и собрание гравюр и эстампов, которое он собирался подарить Чертковской библиотеке в Москве (Геннади умер, не оставив завещания), были распроданы в розницу и таким образом погибли для русской культуры. Бумаги же и рукописи Геннади попали в архив русской миссии в Дрездене — вдова на них не позарилась: их нельзя было обратить в звонкую монету. Уже четверть века спустя библиографу А. А. Титову удалось благодаря знакомству с князем А. А. Куракиным (братом жены Геннади) получить в свое распоряжение часть этих бумаг, в том числе вполне законченный и приготовленный к печати 3-й том «Справочного словаря» (буквы Н—Р). Не мудрствуя лукаво, Титов опубликовал этот труд «в том виде, как он был приготовлен к изданию самим составителем». Этот том нашел себе приют на страницах «Чтений в имп. Обществе истории и древностей российских» (1906—1907 гг.), и публикация его осталась почти незамеченной. Один лишь «Исторический вестник» отозвался небольшой заметкой на это событие. Оно и понятно: русская общественность в это время с интересом (хотя и не без иронии) следила за перипетиями издания венгеровского «Критико-биографического словаря», сулившего нечто грандиозное, но в конце концов обернувшегося еще одним «несчастным опытом» и пополнившего фалангу неоконченных трудов.

Между тем «Словарь» Геннади был им полностью завершен. А. А. Куракин, как сообщает Титов, обещал ему предоставить для опубликования и последний том словаря, но в 1911 г. умер и Титов, и 4-й том «Словаря» Геннади считался утраченным. Уже в советское время он был обнаружен в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где находится и теперь*.

---

* Находку этого тома словаря Б. С. Боднарский назвал «выдающимся событием в нашей библиографии» (см. его примечания к 3-му изданию книги Н. В. Здобнова «История русской библиографии». М., 1955, с. 588)

«Словарь» Геннади — единственный законченный справочник подобного рода. Ни дореволюционная, ни советская библиография не могут похвастать другим таким трудом. При всех неизбежных пропусках и неточностях «Словарь» Геннади дает сведения об огромном количестве деятелей русской литературы, науки, просвещения и об их трудах.

В 1913 г. У. Г. Иваск писал: «Несмотря на свою более чем 30-летнюю давность и на ошибки и пропуски, словарь Геннади будет полезен до тех пор, покуда не будут закончены издающиеся под редакцией С. А. Венгерова труды: «Источники словаря русских писателей» и «Русские книги». Оба эти труда, вместе взятые, и являются тем, о чем мечтал Геннади»[14]. Эти труды, как известно, остались незаконченными, несмотря на то, что под руководством Венгерова работало немало людей, и несмотря на обширную историко-литературную эрудицию самого редактора.

«Справочный словарь о русских писателях и ученых» содержит, кроме богатейшего печатного, также немало рукописного материала. Во всех случаях, где он мог, Геннади дает указания на неопубликованные рукописи, и это еще раз свидетельствует о его значительной эрудиции и осведомленности. Так, в биографической справке о В. Г. Анастасевиче сообщается: «Его автобиография, сообщенная митрополиту Евгению, находится в рукописях его, в Публичной библиотеке». О декабристе М. А. Бестужеве Геннади пишет, что «он оставил Записки, писанные в Селенгинске» (т. 1, с. 85). Напомним, что к тому времени значительная часть этих записок не была известна читающей публике; даже Вольная русская печать не располагала полной рукописью. Несмотря на то, что в принципе Геннади ограничивался только книгами, в целом ряде случаев он широко привлекает материалы из периодических изданий. В особенности это касается тех лиц, сведения о которых не могли появиться в русской прессе,— прежде всего, это декабристы и Герцен.

Словарный жанр требует от составителя не только библиографического, но и текстового (историко-литературного, биографического, критического) материала. В силу этого он с неизбежностью выявляет симпатии и пристрастия автора, его общественную позицию. «Словарь» Геннади не является исключением.

Обращает на себя внимание прежде всего сам отбор имен деятелей отечественной культуры, включенных в словарь. Следуя новиковской традиции, Геннади поместил

в своем «Словаре» имена не только писателей в собственном смысле слова, но и ученых, деятелей народного просвещения и видных библиофилов. Перечислены и лица, внесшие крупные пожертвования на нужды просвещения. С большой симпатией рассказывает Геннади о жизни и трудах людей, вышедших из крестьянского сословия. Так, им написана заметка о крепостном поэте Иване Майкове, подвергшемся преследованиям за вольнолюбивые стихи (т. 2, с. 276), о талантливом рано умершем писателе Иване Кокореве, сыне вольноотпущенного крестьянина (т. 2, с. 125), о композиторе Данииле Кашине, ученике Сарти, крепостном Г. И. Бибикова. Характеризуя направление труда знаменитого Посошкова (которого он называет крестьянином-экономистом), Геннади пишет: «В нем для нас любопытна обличительная сторона и изображение современного быта. В 1725 г. он был арестован, вероятно, за свое сочинение, и умер в Петропавловской крепости 1 фев. 1726 г.» (т. 3, с. 182). Подобных заметок в «Словаре» великое множество. Следует особо отметить, что Геннади поместил в своем «Словаре» всех тех, кого правительство именовало «государственными преступниками». Прежде всего это касается декабристов-литераторов. Всем им посвящены тщательно составленные библиографические справки. Заметим, что это было не так-то просто сделать. Готовых материалов не было. Геннади каждый раз выступает здесь как первый библиограф данного деятеля. Проще всего было указать публикации, вышедшие в свет до 14 декабря 1825; несравненно сложнее было собрать материал о декабристах, появившийся позднее в разнообразных зарубежных изданиях. Так, например, при биографии А. А. Бестужева указаны переводы его произведений на другие языки, материалы о нем из «Полярной звезды» Герцена; среди литературы о В. К. Кюхельбекере также указана «Полярная звезда» и изданное в Берлине «Собрание стихотворений декабристов»; то же относится и к материалам об А. И. Одоевском. С особой тщательностью выполнен список сочинений Рылеева и литература о нем, над которым Геннади работал в течение многих лет*.

Геннади не обходит вниманием деятельность Радищева и Новикова. Последнему посвящена одна из самых прост-

---

* В «Словаре» помещены сведения о следующих декабристах: Н. В. Басаргине, А. А., М. А. и Н. А. Бестужевых, Ф. Н. Глинке (т. 1), А. О. Корниловиче, В. К. Кюхельбекере (т. 2), Е. И. Оболенском, А. И. Одоевском, К. И. Пущине, К. Ф. Рылееве (т. 3), И. Д. Якушкине (т. 4, неопубл.).

ранных во всем «Словаре» библиографических заметок и большой список литературы. Говоря о деятельности Новикова, Геннади отмечает, что он «является защитником образования и науки, бичует невежество, нападает на крепостное право и высказывает талант сатирического писателя. Замечательно умные и выразительные черты лица его сохранены кистию Боровиковского» (т. 3, с. 44—45). Чрезвычайно показательным является отношение Геннади к преследованию и заточению Новикова. Не зная подлинных причин ареста этого замечательного просветителя (напомним, что материалы судебного процесса Новикова долгое время не допускались в печать), он тем не менее выражает убеждение в незаконности действий правительства Екатерины II. Репрессии властей против прогрессивных деятелей постоянно вызывали возмущение автора «Словаря». Так, например, рассказывая об увольнении из университета А. И. Галича, он пишет, что тот подвергся «обвинениям в произвольном судилище за вредные будто бы лекции».

Полны симпатии заметки Геннади о современных ему представителях радикального крыла русской интеллигенции. Т. Н. Грановский, по его словам, «оставил драгоценную память своим красноречивым чтением, симпатическою, живою передачею современных воззрений европейских ученых и выводов исторической науки и особенно значительным и благотворным нравственным влиянием на своих слушателей» (т. 1, с. 251). Белинский «вел критический отдел «Отечественных записок» с тактом, философским взглядом, тонким вкусом и сочувствием ко всему живому и дельному в нашей литературе. Часто статьи его, всегда отличавшиеся живостью изложения и меткостью характеристик, проводили философские идеи и таким образом имели важное дидактическое значение для нашей публики, особенно для молодежи» (т. 1, с. 124). Большое место в «Словаре» отведено биографии Герцена и библиографическим материалам о нем. Геннади со скрупулезной тщательностью перечисляет все зарубежные издания, запрещенные в России, такие, как «Русский народ и социализм», сборники Вольной русской типографии и т. п. Перечислены также многочисленные некрологи Герцена, появившиеся в зарубежных журналах и газетах. Геннади очень высоко оценивает Герцена как художника, по его мнению, «Записки доктора Крупова», «Сорока-воровка» и в особенности роман «Кто виноват?» поставили их автора в ряды лучших беллетристов.

Все это, естественно, не свидетельствует о радикальности убеждений самого Геннади. Здесь перед нами типичный либеральный исследователь, добросовестный, благожелательно относящийся ко всем проявлениям свободомыслия. Однако одно обстоятельство несколько выходит за рамки обычного российского либерализма тех лет: это — положительная оценка деятельности Добролюбова и Писарева. Вот что он пишет о первом из них: «Его критические статьи помещались в «Современнике» 1856—1861 гг. В недолгом сотрудничестве своем он успел дать направление журналу, боролся с ретроградными мнениями, умел выставить общественное и дидактическое значение явлений нашей литературы. В этом отношении особенно замечательны его статьи о новейших писателях: Островском, Тургеневе, Гончарове, Достоевском» (т. 1, с. 312). Писарев «с 1860 г. начал печатать в «Русском слове» критические статьи, обратившие на него внимание, особенно молодых читателей, оригинальностью взгляда, резкостью и крайностью суждений и увлекательным изложением» (т. 3, с. 134). Действительно, для умеренного либерала, да к тому же еще и библиографа, т. е. представителя корпорации, которой особенно сильно доставалось от Добролюбова и Писарева, Геннади проявил здесь максимум благожелательности и хорошей объективности. Другое дело — материалы о поэте-революционере М. Л. Михайлове (здесь подробно приводятся все издания, в том числе запрещенное берлинское и сожженное царской цензурой подготовленное к печати Гербелем в 1862 г.). Тот был личным знакомым, и Геннади любовно собирал не только литературно-библиографические материалы, но и записки и письма поэта (они теперь хранятся в рукописном отделе Пушкинского Дома, фонд Геннади).

Таким образом, мы видим, что к представителям прогрессивного лагеря Геннади относился вполне положительно. Так, может быть, это лишь выражение библиографического «объективизма»? Послушаем теперь, что он говорит о тех, кто клеветал на русских вольнодумцев. Вот пресловутый Ф. Ф. Вигель. Геннади пишет о его «Записках»: «При щепетильном самолюбии его и желчности, у него много пристрастного в суждениях о лицах, много резких и поверхностных отзывов» (т. 1, с. 151). А вот не менее знаменитая поэтесса Е. П. Ростопчина: «Ее озлобление на прогресс выразилось в нескольких сатирических пьесах». (Не забудем, что Ростопчина пользовалась приятельским расположением друзей Геннади, в том числе

С. Д. Полторацкого.) Характерный пример — отношение Геннади к позднему Гоголю. Мы уже говорили о том, что он был первым библиографом великого писателя, пылким почитателем его с самых молодых лет. В «Словаре» Гоголю посвящены обширнейшие библиографические материалы, в которых перечислены не только все издания произведений писателя, но и переводы на иностранные языки, критические статьи, библиографические работы, некрологи, иконография. Тем не менее при всем пиетете, испытываемом им по отношению к любимому писателю, Геннади пишет о «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «В это время, уже поработав над 2-м томом «Мертвых душ», он писал письма религиозно-нравственного содержания, исполненные мистицизма и обскурантизма и оставившие, по напечатании их, грустное впечатление во всех истинных любителях литературы».

В третьем томе «Словаря» помещены библиографические сведения о Пушкине. Здесь Геннади удалось показать богатство пушкиноведческой литературы, накопившееся к концу 70-х гг. Эти материалы насчитывают более 300 названий книг и статей, не считая мелких рецензий. Здесь учтены издания произведений великого поэта (в том числе, разумеется, и запрещенные зарубежные), переводы его сочинений на иностранные языки, биографические статьи и материалы, критические работы, иконография. Геннади указывает все материалы о Пушкине, появившиеся в «Полярной звезде» и других изданиях Вольной печати Герцена. Ко всем работам тщательно подобраны рецензии. Так, он указывает 11 рецензий на знаменитые анненковские «Материалы к биографии Пушкина». Все сколько-нибудь значительные работы аннотирует и комментирует; материалы о Пушкине в зарубежной печати, кроме того, тщательно отбирает, отбрасывая заведомо малоценные. Таким образом, здесь перед нами самостоятельная творческая работа, плод многолетних трудов*.

Хочется еще раз подчеркнуть, что в свой «Справочный словарь» Геннади включил громадное количество литературы, запрещенной к обращению в России. Кроме уже

* Еще до выхода в свет «Словаря» Геннади поместил сведения о запрещенных цензурой произведениях Пушкина в своей работе «Список русских книг, печатанных вне России» (Берлин, 1875). К этому изданию, наряду с портретами Герцена и Рылеева, приложен и портрет любимого поэта из собрания Геннади. Наконец, упоминавшаяся уже работа «О псевдонимах русских и французских» содержала, наряду с другими сведениями, и раскрытие ряда псевдонимов Пушкина.

названных изданий произведений декабристов и деятелей 60-х гг., в «Словарь» включены и запрещенные издания Пушкина (лейпцигское и берлинское), сочинения Огарева и др. «Справочный словарь о русских писателях и ученых», как уже говорилось, печатался в Берлине, но был широко известен в России (рецензии в русской печати появлялись сразу же по выходе каждого из томов) и давал русскому читателю богатую информацию о той книге, которая была под строжайшим запретом в отечестве. Надо полагать, что только снисходительно-пренебрежительное отношение доморощенных аргусов к библиографии явилось причиной свободного обращения «Словаря» в пределах России.

«Словарь» Геннади до сих пор не утратил справочного значения. Включая его в свою работу «Русские биографические и биобиблиографические словари», крупнейший знаток справочной литературы И. М. Кауфман писал: «Словарь Геннади все еще сохраняет свое место в ряду основных наших библиографий дореволюционного времени» (с. 296).

«Словарь» включен и в известный указатель М. В. Сокуровой «Общие библиографии русских книг гражданской печати» как одно из пособий, необходимых при наведении справок о русской книге. Однако характеристика, данная автором указателя этому труду, отличается чрезмерной суровостью. М. В. Сокурова пишет, что Геннади составил свой словарь «по многочисленным, не всегда достоверным известиям, некритично, в погоне за сведениями о всякого рода редкостях и мелочах <...> В «Справочном словаре» много дефектов, ошибок, пропусков»[15]. Одним из важных пропусков Сокурова считает отсутствие сведений о Н. А. Некрасове, забывая, что «Словарь» включает литературу о лицах, умерших до 1875 г., Некрасов же скончался в 1877-м.

Без сомнения, словарь Геннади не свободен от серьезных недочетов. Однако подходить к нему с мерками и требованиями сегодняшнего времени мы все же не вправе. Общее состояние русской библиографии и историко-литературной науки в 70-х гг. прошлого столетия не давало Геннади возможности воспользоваться только достоверными сведениями о русской книге. Разумеется, кое-что взято им из вторых рук, далеко не все книги (в особенности XVIII в.) просмотрены de visu, да это просто физически невозможно при столь обширной единоличной работе. Однако совершенно зачеркивать вклад самого автора «Справочного словаря» в исследование русской книги нет

никаких оснований. Многие материалы, опубликованные в «Словаре», найдены и введены в книговедческий оборот им самим. Это в первую очередь материалы о современниках, биографические и библиографические сведения о которых он собирал и публиковал на протяжении двух десятилетий, а также о Пушкине, Гоголе, Ломоносове, декабристах (здесь Геннади выступал как первооткрыватель). Известно, что Н. П. Собко по поручению Геннади сверял рукописи второго, третьего и четвертого томов «Словаря» с книгами из фондов Публичной библиотеки. Таким образом, значительная часть работы была сделана de visu.

При всех неизбежных при подобной работе недочетах словарь Геннади является уникальным памятником русской библиографии, свидетельствующим о незаурядной книговедческой эрудиции его автора. Недостатки издания проистекают прежде всего от общей неразвитости отечественной библиографии того времени. Но послушаем, что говорит об этом сам автор «Словаря». «Что касается до биографий писателей и ученых, то, начав свою работу в более обширных размерах, при которых я полагал сообщить возможно полные сведения о их жизни и писаниях, я скоро увидел, что труд этот мне одному не по силам, и материал, мне предлежащий, с одной стороны, слишком обширен для подробной обработки за два столетия русской литературы, с другой стороны — слишком неразработан и недостаточен относительно множества имен, которые должны войти в мой словарь. История нашей литературы и науки возникла недавно; беспрестанно открываются и обнародываются материалы, для печатания которых возникли даже специальные издания. <...> А сколько биографического материала еще под спудом и появляется беспрестанно! Все это убедило меня, что нужно прежде удовлетворить насущной потребности и ограничиться самонужнейшими краткими указаниями и сузить размеры моего труда до возможной сжатости, чтобы скорее его окончить и издать. <...> Занимающиеся историческими трудами знают, как трудно иногда добывается одна какая-нибудь цифра, имя, факт. Относительно добывания библиографических фактов дело это усложняется, с одной стороны, недостаточностью библиографических пособий и источников, с другой стороны, разбросанностью и неполнотой наших библиотек. <...> В моем словаре, я знаю, много недостатков и многое должно быть исправлено. Разумеется, я сам буду пополнять

и исправлять его; но одному, без посторонней помощи, в этом успеть трудно. <...> Прошу г.г. библиотекарей и библиографов, обладателей библиотек и вообще всех, имеющих случай и возможность сделать какую-нибудь поправку или пополнение к моим указаниям,— содействовать мне».

Таким образом, мы видим, Геннади отчетливо понимал, что труд его далек от совершенства, и не просто понимал, но указал и причины этого явления. Тем не менее он решился выпустить свой труд в свет в таком виде, в каком ему удалось его завершить, полагая (вполне справедливо), что при бедности отечественной библиографии даже такой словарь явится большим подспорьем для всех, занимающихся изучением истории отечественной науки и литературы.

К «Справочному словарю о русских писателях и ученых» близко примыкает небольшая, но чрезвычайно содержательная работа Геннади —«Les écrivains franco-russes. Bibliographie des ouvrages français publies par des russes». Dresden, 1874 — биобиблиографический словарь русских авторов, писавших на французском языке. Эта работа, изданная в количестве всего 200 экземпляров, да и то за границей, имеется в весьма ограниченном числе отечественных библиотек и мало известна исследователям. Между тем она заслуживает самого пристального внимания. В силу специфики самого материала указатель Геннади содержит большой массив литературы, запрещенной к обращению в России. Здесь мы находим произведения Герцена («О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм», «Россия и старый мир», «Новая фаза русской литературы» и др.), Чаадаева (парижское издание избранных произведений философа, запрещенное русской цензурой), мемуары Екатерины II, изданные в основанной А. И. Герценом Вольной русской типографии, произведения декабриста Н. И. Тургенева, знаменитого эмигранта П. В. Долгорукова и множество других.

Библиографические списки предваряются, как правило, краткими биографическими справками. Причем для лиц, хорошо известных в Европе, таких, например, как Чаадаев, Вяземский, Герцен, Геннади ограничивается всего несколькими словами, для тех же, чьи имена ничего не говорят европейскому читателю, он дает более пространные биографические справки. Такие очерки мы находим при именах Василия Каразина, Александра Строганова и т. п.

В предисловии к этому указателю Геннади пишет, что предназначает свою работу равно русским и французским библиографам, поэтому он все время имеет в виду аналогичные французские работы (прежде всего труды Керара, в которых, благодаря участию С. Д. Полторацкого, были отчасти учтены произведения русских авторов, писавших по-французски) и не повторяет их, ограничиваясь ссылками на источник. Точно так же он ссылается на опубликованные в зарубежной печати и хорошо известные французским специалистам биобиблиографические работы С. Д. Полторацкого (это касается прежде всего статей в «Бюллетене бельгийских библиофилов»); даются отсылки и к печатным каталогам личных библиотек русских и французских собирателей. Весьма ценной чертой работы является стремление автора везде, где это необходимо, указывать и переводы на другие языки. Это позволяет нам считать, что содержание указателя шире, чем его заглавие.

Всего в указателе 234 персоналии и несколько десятков анонимных или безавторских книг, что составляет весьма значительный массив произведений русских писателей, написанных на французском языке.

Подводя итог биобиблиографической работе Геннади, необходимо отметить ее самостоятельный характер. В подавляющем числе сведения, приводимые им, брались не из вторых рук (как это пытаются представить его критики), а были разысканы им самим. Разумеется, дело не обошлось без помощи коллег. Мы уже отмечали участие Н. П. Собко в работе над «Справочным словарем о русских писателях и ученых». Немало помог Геннади и С. Д. Полторацкий, одновременно работавший над словарем писателей.

В предисловии к «Les écrivains franco-russes» Геннади благодарит за участие своих коллег — М. Н. Лонгинова, А. Н. Голицына и предоставившего ему ряд сведений П. А. Вяземского, однако, естественно, основная работа была проделана им самим.

Биобиблиографические труды Геннади до сих пор не могут быть сданы в архив; более того, представляется в высшей степени целесообразным издать четвертый том его «Справочного словаря», а еще лучше — заново переиздать весь труд, ибо русская библиография не располагает ни одним законченным справочником подобного рода.

Глава VI
ГЕННАДИ И ПРОБЛЕМА РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ КНИГИ

Создание полного свода русской книги было (и остается) «проблемой № 1» отечественной библиографии. Еще в 70-х гг. XVIII в. передовая журналистика ставила этот вопрос; к тому же времени относятся отдельные попытки создания репертуара (Бантыш-Каменский, епископ Дамаскин). «Опыт российской библиографии» Сопикова, завершенный изданием в 1821 г.,— результат героической единоличной работы, особенно трудной в условиях отсутствия сколько-нибудь удовлетворительного национального книгохранилища. Относительно небольшое число издававшихся в России книг (от возникновения книгопечатания и до начала XIX в. Сопиковым было выявлено всего 13 тысяч названий) еще делало возможным подобный единоличный труд; однако с ростом книгопечатания в XIX в. такая работа требовала уже коллективных усилий. Между тем в России, вплоть до конца XIX в., не существовало не только никаких объединений библиографов, но и ни одной крупной библиотеки, коллектив которой был бы способен выполнить гигантскую работу по созданию полного свода отечественной печатной продукции. А необходимость в таком своде все более возрастала с увеличением круга творческой интеллигенции. К 40—50-м гг. труд Сопикова уже не мог удовлетворить историков русской литературы и книговедов, хотя, конечно, он мог служить отправной точкой для создания нового, более полноценного репертуара русской книги. Дополнением к этому труду являлись каталоги Плавильщикова и Смирнова, более совершенные по методике выполнения, но более ограниченные в смысле объема материала. «В период развития в библиографии особенно сильного увлечения книжной стариной,— пишет Н. В. Здобнов,— естественно возрождение идеи репертуара русской книги <...> идея такого свода возникла у Геннади»[1]. Это не вполне точно. «Идея репертуара» никогда и не сходила с повестки дня. Известно, например, что А. Ф. Смирдин пытался создать «нового Сопикова», собирая всю жизнь материалы для этого труда. Работа Полторацкого также шла в этом направлении. Любому библиографу была понятна важность и необходимость полного свода печатной продукции для исследовательской работы. У Геннади же эта идея возникла еще в ранней юности, задолго до того, как он сам начал увлекаться «книжной

стариной». Выше уже говорилось, что в 19 лет он читал и перечитывал Сопикова. Лавры «отца русской библиографии» возбуждали у юноши стремление повторить этот подвиг. Среди трудов, к которым он собирался приступить по окончании учебы, назван рядом с биографическим словарем также «всеобщий русский библиографический словарь». Это вполне естественно. Оба эти труда тесно связаны друг с другом. Создание одного из них влекло за собой и работу над другим. Поэтому несколько неожиданным представляется и такое заключение Н. В. Здобнова: «Небезынтересно отметить, что Геннади пришел к составлению словаря писателей от идеи репертуара русской книги»[2]. Дневники и письма Геннади свидетельствуют о том, что оба эти труда были задуманы им одновременно, однако после нескольких лет работы он убедился, что единоличное создание репертуара в его время уже невозможно. В 1852 г. Геннади записывает в своем дневнике: «Я тоже мечтал о всеобщем русском библиографическом словаре, где будут исчислены (подробно и где нужно с замечаниями) все русские книги <...> Но я покинул эту мысль. Для этого надо иметь под глазами все или почти все эти книги, чтобы только хорошенько записать заглавия, потому что на каталоги положиться нельзя. Но как же думать исполнить это? Еще если бы я служил, например, в Публичной библиотеке, или мог иметь несколько помощников, или получал бы помощь от других, или материал, тогда бы еще можно было хоть начать. Но теперь и без того не знаешь, куда повернуться»[3]. Но проходит год, и Геннади снова берется за эту работу. «Нынче летом,— записывает он в октябре 1853 г.,— я начал осуществление давней мысли о составлении полного библиографического русского словаря»[4]. Точно так же, как впоследствии, приступая к работе над биографическим словарем, Геннади начал с публикации ежегодных списков некрологов,— теперь он решил идти к репертуару с помощью годовых библиографических указателей. 4 декабря 1853 г. он записывает в дневнике: «Готовится у меня годичный обзор литературы за 1853 г., т. е. список книг с ссылками на рецензии — не знаю, где печатать. Вещь для нас нужная и новая, но многие ли это сознают и, если тиснуть отдельно, многие ли купят? Но буду работать, как умею и могу»[5]. Дело это, впрочем, не было столь уж новым. Еще в 1830 г. В. Д. Комовский опубликовал подобный список в «Московском вестнике», а в 1847 г.— Белинский в приложении к «Современнику». Новым в затее Геннади было то, что он пред-

полагал снабдить свой список ссылками на рецензии. Этого, действительно, еще никто не делал в указателях подобного рода. «Не знаю, где печатать»,— пишет он, и его беспокойство было вполне обоснованным. После смерти Белинского библиографические отделы русских журналов пришли в упадок. И объем, и качество библиографической информации на страницах периодических изданий в 1853 г. были значительно ниже, чем в 40-х гг. Одни только «Отечественные записки» проявляли неизменный интерес к библиографии. Редактор журнала А. А. Краевский (роль которого в развитии журнальной библиографии еще не оценена по достоинству) почти одновременно с Геннади пришел к мысли о возрождении годовых библиографических списков на страницах периодической печати. Начались поиски сотрудника, В. П. Гаевский указал на Геннади и по просьбе Краевского написал ему об этом. В ответном письме Геннади мы читаем: «Теперь о деле, которое затеял Краевский. Я очень рад его мысли и рад сделать все, что могу, для ее выполнения. Но есть два препятствия, которые трудно отстранить. Я их знаю по опыту, потому что мой перечень 1853 года засел в моем картоне и здесь (в деревне.— **Л.Р.**) мне уж трудно кончить. Во-1) указатель не может быть кончен не только к январю, но даже к маю, потому что в майских книжках журналов 1855 г. будут еще попадаться рецензии книг 1854 г. Но положим, что мы оставим несколько указаний и поспешим, то все-таки не успеем к началу года, потому что указатели книг в Журнале Мин <истерства> Нар<одного> просв<ещения> выходят поздно, а без них обойтись нельзя. Я это испытал при составлении моего обзора <...> Вы бы, разумеется, на будущее время могли похлопотать, чтобы они выходили скорее, или доставать корректурные листы и т.п. Кроме этого замедления, возьмите в расчет время, нужное на составление ключа азбучного, списка имен, корректуры и цензуру, итого выйдет добрый месяц. Впрочем, Вы пишете неопределенно, что имеется в виду «библиографический указатель по всем отраслям знаний», а так как книги и так уже указываются в библ<иографической> хронике О<течественных> записок, то К<раевский> может быть хочет иметь только Указатель журнальных статей. В таком случае дело сладится скорее, указаний на рецензии будет немного, и нужно только условиться о системе и производстве работы.<...> Перечень книг хорошо бы составлять кому-нибудь в Цензурном Комитете. Уж там

бы не ушла ни одна книга и записалась бы вовремя <...> Мы можем выкинуть также следующую штуку: сперва сделать и напечатать Систематический указатель статей русских журналов и газет за 1854 г., а потом, впоследствии, когда успеем сделать,— указатель книг, вышедших в России в 1854 г. <...> Во всяком случае я Ваш ревностный сотрудник и очень рад работать с Вами и для Отеч<ественных> записок»[6].

Неизвестно, по какой причине это сотрудничество не состоялось. Вероятно, редакции «Отечественных записок» показались чрезмерными требования, предъявляемые Геннади к спискам подобного рода. Вместо него годовые списки книг для журнала начал составлять В. И. Межов, служивший в это время регистратором Публичной библиотеки. Через его руки проходили все новые книги, поступавшие в библиотеку, и таким образом он мог не зависеть от библиографической информации, публиковавшейся в «Журнале Министерства народного просвещения». Указаний же на рецензии Межов вовсе не давал, и поэтому мог удовлетворить самому главному требованию, предъявлявшемуся в то время к журнальной библиографии,— оперативности. «Ключей» указатели Межова также не имели. Вряд ли в таком виде они могли удовлетворить читателя. Продержавшись два-три года, эти чисто формальные списки исчезли со страниц русских периодических изданий.

Потерпев неудачу с ежегодными библиографическими указателями, «засевшими в его картоне», Геннади снова вернулся к мысли о создании полного свода русской книги, но теперь уже на коллективных началах. Прежде всего он обратился к М. Н. Лонгинову, признанному знатоку литературы XVIII в. Вот его письмо: «Хочу Вам сделать предложение, тем более, что все мы жалуемся на Сопикова и все нуждаемся в его словаре. Положимте-ка камень на нем как создателе рус<ской> библиографии: дополним Сопикова. Вы скажете, что нам, даже двоим, это не по силам. И я то же думаю. Но ведь надо же это сделать, а главное, надо кому-нибудь начать, сделать план, хоть только собрать воедино материалы. Ведь не нужно непременно, чтобы мы одни работали или сделали это; можно и других присоединить к работе. Но не дадимте никому быть зачальниками и воздвигнемте себе памятник бумажный. <...> Вам я предлагаю вещь основательную и возможную: новое издание Росписи Смирдина, в более отчетливом виде, но в той же совершенно форме. Надеюсь, что расположение росписи Вас удовлетворяет. Впрочем, об этом переговорим.

Смирдин говорил мне, что хочет печатать новое издание этой росписи. Но: улита едет, когда-то будет. Ему надо много денег на это, которые не так скоро окупятся, и он не вдруг решится на это. Да у него можно купить его листочки (которые я видал) и право на издание. Денег мы с Вами, я думаю, найдем. Что скажете? Если скажете да, предложу Вам взять 18-й век, а я возьму 19-й. Я потому хочу 19-й, что у меня много уже сделано на листочках. <...> Надо решиться, условиться, а там и за дело и клич кликнуть во весь газетный голос, чтобы все ведали, и вызвать сотрудников. Они явятся непременно и может быть совершенно бескорыстные»[7]. В своем ответном письме Лонгинов выразил сожаление, что его служебные дела «будут всегда помехою в деле, которое Вы мне предлагаете». «Оно требует,— считает Лонгинов,— чтобы ему предаться всему, без развлечений, и вот причина, по которой я могу только урывками заниматься библиографией, но нахожусь в невозможности предпринять работу длинную и непрерывную. Одобряя вполне Ваш план, я был бы в отчаянии, если бы он не совершился; но Вам нужен другой товарищ, а не я; мне остается быть в числе сотрудников, о которых Вы говорите»[8]. Получив отказ от Лонгинова, Геннади решил обратиться ко всему кругу коллег и сделал это через год в своей «Литературе русской библиографии». В этой книге, сразу ставшей настольной для любого библиографа, Геннади высказал мысль о необходимости создания репертуара на коллективных началах, причем сделал заявление, которое Дерунов назвал революционным: «Нам нужна теперь опись, сделанная по самим книгам, а не по прежним каталогам». Как раз в это же время редакция только что основанного «Русского библиографического листка» обратилась к библиографам с вопросом: каким образом довести до безукоризненной полноты перечни всех книг, поступающих в продажу? Геннади воспользовался случаем, чтобы высказать свои требования ко всякому своду вообще. Редакция «Листка» оценила этот демарш. «С особенным удовольствием помещаем мы здесь письмо в редакцию одного из наших знатоков библиографии — Г. Н. Геннади,— писал редактор журнала Тихменев.— Искренно благодарим автора за это письмо: постоянное горячее сочувствие его к делу — дорого науке и оценено всей семьей наших библиографов»[9].

«Всякая перечень книг,— сказано было в статье Геннади,— всякая библиография, выходящая с целью знако-

мить нас с запасом текущей или прошлой литературы и не ограниченная только значением простых объявлений о новых книгах, возбуждает известного рода требования. Прежде всего от нее должно ожидать: 1) полноты, 2) отчетливости и 3) удобного, наглядного расположения»[10]. Далее Геннади говорит о том, как трудно библиографу в России получать сведения обо всех выходящих книгах, и приводит как образец желаемой системы пример из немецкой практики, где каждый издатель дает сведения о своей продукции в «Börsenblatt». Геннади хочет видеть нечто подобное и на родине, он прекрасно понимает, каким злом для науки является отсутствие централизованной библиографической информации. Статья Геннади содержит и ряд методических указаний: в частности, он говорит о необходимости точного и единообразного описания книг, требует обязательного раскрытия содержания сборников, провозглашает систематическое расположение материала наиболее удобным и современным и т.п. Эта статья является едва ли не первым в России опытом методико-библиографического жанра, причем небезынтересно отметить, что требования, выдвинутые Г. Н. Геннади в 1858 г., сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

В деле создания репертуара Геннади не ограничился только мечтами и призывами. Материал для него он собирал всю жизнь. «Углубляясь в прошлое,— писал в 1904 г. Н. Г. Мартынов,— мы можем с достоверностью сообщить, что у Григория Николаевича Геннади было громадное собрание карточек с описанием книг и биографий писателей. Несколько ящиков занимали большое помещение, но куда они девались — неизвестно»[11]. Материалы, собранные Геннади, были использованы им в целом ряде работ «репертуарного» плана: «О псевдонимах русских и французских», «Записки (мемуары) русских людей», «Русские книжные редкости» и «Список русских анонимных книг с именами их авторов и переводчиков. Дополнение к каталогам русских книг Сопикова, Шторха, Плавильщикова, Смирдина, Ольхина, Глазунова и Базунова». Последняя из названных работ заслуживает пристального внимания. В силу многих особенностей русской общественной жизни значительное число книг выходило анонимно или под псевдонимами. Раскрытие подлинного имени автора (в частности, для книг XVIII в.), как правило, требовало скрупулезных разысканий и могло опираться только на книговедческую эрудицию данного лица, так

как специальных словарей псевдонимов до конца XIX в. в России не существовало. Авторы всех крупных ретроспективных указателей старались, по мере своих сил и разумения, обозначать при книгах подлинные имена их авторов, тем не менее многие псевдонимы и анонимы остались нераскрытыми. В эпоху становления историко-литературной науки (40—50-е гг.) естественно было ожидать проявления особого интереса к выявлению полного круга отечественных писателей. Пример Керара, издавшего капитальную работу, содержавшую раскрытие большого количества французских псевдонимов, не мог не подстрекнуть его русских коллег. Мы уже писали о том, что 20-летний Геннади мечтал подражать Кераpу и «заняться разоблачением наших псевдонимов и анонимов и впоследствии издать что-нибудь целое об этом»*. Работа над другими крупными трудами отвлекла его от этой мысли, с другой стороны, трудясь над созданием словаря писателей и ученых, он постоянно сталкивался с анонимными изданиями, не раскрытыми его предшественниками. «Разоблачение наших псевдонимов и анонимов» ему пришлось отчасти проделывать самостоятельно. В «Списке русских анонимных книг» Геннади раскрывает авторов 411 книг,— это значительный вклад в историю русской литературы. Работа Геннади была черновым наброском к его словарю, он издал ее, ожидая, как всегда, поправок и дополнений. Ему отвечали в печати П. А. Ефремов, Н. Н. Бакуловский и другие специалисты.

В этой связи небезынтересно будет отметить, что в то время над словарями псевдонимов работали почти все крупные книговеды эпохи. Их труды, однако, остались незавершенными и неопубликованными. Так, в рукописном отделе Пушкинского Дома хранится начало словаря псевдонимов, составлявшегося М. Л. Михайловым (работа над ним была прервана арестом поэта-революционера).

В Отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — аналогичный труд П. П. Пекарского. В Библиотеке СССР им. В. И. Ленина хранится громадный подготовительный материал для словаря псевдонимов С. Д. Полторацкого. Таких примеров можно было бы привести множество. Весьма вероятно, что Геннади имел возможность использовать эти материалы, тем более что он состоял в дружеской или деловой переписке со

* См. ссылку № 9 к главе I.

всеми названными лицами, книговедов же того времени объединяла благородная традиция солидарности и взаимопомощи (многочисленные свидетельства тому мы находим в их переписке).

Наконец, если говорить обо всех работах «репертуарного» плана, созданных Геннади, нельзя не вспомнить его «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 год». Само заглавие труда говорит о том, что здесь имеются не только персональные гнезда, но и безавторские книги за целое столетие. В сущности, эта работа — вторая (после Сопикова) и последняя в русской библиографии, раскрывающая в таком объеме отечественную книгу. Ее одной было бы достаточно, чтобы причислить Геннади к ряду крупнейших библиографов, внесших свой вклад в создание репертуара русской книги.

Для того чтобы четко представить ее значение для истории отечественной библиографии, следует остановиться на вопросе о месте общих биобиблиографических указателей среди работ «репертуарного» характера в целом. Каковы, собственно, требования, которым должен отвечать репертуар национальной печатной продукции? Теория библиографии не дает на этот счет однозначного решения. «Общая библиография русской книги,— читаем мы в «Словаре книговедческих терминов» Е. И. Шамурина,— библиография всех книг на русском языке, изданных на территории СССР (включая Россию до 1917 г.) с момента возникновения книгопечатания. Синоним термина: репертуар русской книги». Этот термин включается автором в более широкое понятие «общая библиография»—«библиография всех книг и других произведений печати, изданных на территории страны с момента введения в ней книгопечатания»[12]. Очевидно, что первое толкование слишком узко,— в нем речь идет только о книгах на русском языке, причем с исключением зарубежных изданий русских книг. Второе же толкование чересчур общо и неопределенно, так как не дает представления о языковых границах репертуара. Не дают отчетливого ответа на этот вопрос ни учебники, ни отдельные работы, посвященные национальной библиографии. По-видимому, для отечественной книги, многонациональной, во-первых, и в силу политических причин зачастую издававшейся за границей, во-вторых,— нужны какие-то особые подходы и решения. Невыясненными остаются до сих пор вопросы: 1) можно ли причислить к работам «репертуарного» характера ука-

затели, охватывающие русскую печатную продукцию не за все время ее существования, а только за какой-то определенный период (как, например, известный труд А. К. Шторха и Ф. П. Аделунга «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год»)?; 2) должен ли репертуар отечественной книги включать только издания на русском языке?; 3) должны ли в него войти русские книги, изданные за границей? Если современная теория не дает на эти вопросы отчетливых ответов, то тем менее можно было этого ожидать от старой русской библиографии. Действительно, понятие репертуара в дореволюционной библиографии было весьма зыбким — и не только в XVIII, но и в XIX в. Так, «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова включает издания только на русском и славянском языках, но зато в чрезвычайно широко понимаемых географических границах. Шторх и Аделунг не только учитывают, но и выделяют в особый раздел книги на иностранных языках, изданные в России, но книги на русском языке, вышедшие за границей, регистрируют очень неполно. Работа П. А. Ефремова, изданная как каталог книжной торговли Глазуновых, но задуманная как репертуар за десятилетие, включает отечественные издания только на русском языке. Таким образом, как мы видим, не существовало никаких принципиальных установок и каждый библиограф работал в меру своего разумения, так, как он считал нужным. Заметим, кстати, что это обстоятельство чрезвычайно затрудняет использование названных указателей для справок по русской книге.

Приступая к созданию «Справочного словаря» и других работ репертуарного характера, Геннади не мог опереться на какие бы то ни было методические положения, поэтому объем и границы его трудов достаточно расплывчаты. Кроме книг, изданных в России на русском языке, он старался достаточно полно представить зарубежные русские издания (в том числе, конечно, и запрещенные цензурой). Вместе с тем книги, изданные в России на иностранных языках и на языках народов России, отражены в его словаре весьма неполно. Так, он заранее отказался от библиографирования литературы на языках, которыми не владел (польском, грузинском и т.п.); что же касается писателей прибалтийских губерний, то Геннади поместил в свой словарь только некоторых из них, оговаривая, что для других уже имеется известный словарь Рекке и Напиерского. «Я помещал,— пишет он в предисловии к пер-

вому тому словаря,— всех печатавшихся на русском, или в России, даже иностранцев, если они служили в России или были русскими подданными <...> а также книги, печатанные русскими за границею» (с. 11). Однако этот принцип в словаре до конца не выдержан. Следует отметить, что и позднейшая русская библиография не сформулировала отчетливых требований к репертуару. Ни труды С. А. Венгерова, ни картотека, составлявшаяся Русским библиографическим обществом, не опирались на определенные теоретико-методические установки. Объем и границы репертуара русской книги оставались весьма неопределенными. Отголоски этого явления мы ощущаем еще и сегодня.

Нечеткость понятия «репертуар русской книги» влечет за собой, кроме всего прочего, и промахи в освещении истории вопроса. В исследовании, посвященном проблеме репертуара русской книги, М. В. Машкова, полемизируя с Н. В. Здобновым и другими авторами, справедливо отмечает: «Привлекает внимание нечеткость библиографического понятия, позволяющая исследователям относить к родоначальникам национального репертуара самых различных деятелей»[13]. М. В. Машкова убедительно доказывает, что ни «Оглавление книг, кто их сложил», ни работа А. И. Богданова ни в коей мере не являются репертуаром русской книги. Однако дело не только в «родоначальниках». Идя далее за Н. В. Здобновым, мы видим, что он причисляет к «продолжателям Сопикова» Н. И. Греча и В. Г. Анастасевича; следовательно, к работам, непосредственно примыкающим (не только хронологически, но и по существу) к репертуару русской книги, он относит «Современную русскую библиографию» в «Сыне отечества» Греча и составленнный Анастасевичем каталог платной публичной библиотеки. Если первое еще имеет под собой некоторое основание (журнал Греча пытался давать полные сводки вновь выходящих книг, которые действительно могли бы продолжить работу по учету отечественной книжной производительности), то каталоги частных библиотек (пусть даже изданные с просветительскими целями) отнюдь не преследовали задачи полного охвата русской книги. Достаточно указать на то, что, например, каталог Смирдина почти полностью поглотил роспись Плавильщикова, а оба они в значительной мере повторяли Сопикова. Еще меньше оснований причислять к трудам «репертуарного» характера книготорговые росписи, как это часто делается. Издание Глазуновым

репертуара, составленного Ефремовым, в виде каталога книжного магазина — исключение, которое никак нельзя возводить в правило. Тем не менее, обозревая труды по общей русской библиографии, историки (за исключением М. В. Машковой) называют в одном ряду Сопикова, Смирдина, Глазунова, Базунова и т. п., считая все это этапами в создании репертуара русской книги. Тут мы явно сталкиваемся со смешением работ «репертуарных» по замыслу, по сути своей и просто крупных указателей, оперирующих большими массами книг.

Неправомерно причисляя библиотечные и книготорговые каталоги к репертуарным трудам, историки библиографии исключают из этого ряда общие ретроспективные биобиблиографические работы, между тем как именно они могут с полным правом занять почетное место в истории создания полного свода русской книги.

В упоминавшемся выше исследовании М. В. Машковой сделано по этому поводу чрезвычайно верное наблюдение. Характеризуя «Критико-биографический словарь» С. А. Венгерова, автор пишет: «Труд Венгерова для нас важен не столько как смелая попытка создать исчерпывающую историю литературы и науки в России, используя форму биобиблиографического словаря, сколько тем, что он попутно являлся сводом всего написанного русскими авторами, т. е. своеобразным репертуаром»[14]. С этим замечанием нельзя не согласиться. Однако вызывает удивление тот факт, что при таком взгляде на биобиблиографию М. В. Машкова оставляет вне поля зрения «Справочный словарь» Геннади. Эта работа может быть причислена к трудам репертуарного характера с еще большим основанием, чем «Критико-биографический словарь» Венгерова, хотя бы потому, что в ней учтены и безавторские книги за целое столетие, переводы с иностранных языков и ряд других изданий, не нашедших места в труде Венгерова.

Между тем словарь Геннади даже не упоминается ни в одной работе, посвященной репертуару русской книги. Говоря о вкладе Геннади в создание репертуара, обычно отмечают лишь, что он «понимал его необходимость» и призывал библиографов к составлению его на коллективных началах. Думается, что на историков библиографии оказала гипнотическое влияние словарная форма труда Геннади, хотя одно лишь внимательное прочтение заглавия этой работы должно было бы подсказать исследователю, что тут имеется свод книг за целое столетие. Правда, он далеко не полон, изобилует промахами, но это уже

вина не столько Геннади, сколько русской библиографии его времени. Вероятно, если бы Геннади вынес безавторские книги в отдельное приложение (в его «Словаре» они даны в едином алфавите с именами авторов и переводчиков), тогда «репертуарное» значение работы выявилось бы с большей отчетливостью. Кстати, так впоследствии поступил Венгеров — огромное количество безавторских, анонимных и переводных книг натолкнуло его на мысль издать отдельно от «Критико-биографического словаря» указатель «Русские книги». По всей видимости, путь, избранный Венгеровым, был более правильным. Присутствие в работе Геннади безавторских и анонимных книг наряду с персональными «гнездами» (да еще с различным хронологическим охватом) создавало известную путаницу и пестроту. Но как бы там ни было, «Справочный словарь о русских писателях и ученых» должен занять почетное место в трудах «репертуарного» плана.

Мы хотим обратить внимание еще на один труд Геннади — неопубликованный и, вероятно, не до конца завершенный им, но который еще раз свидетельствует о неустанной работе трудолюбивого библиографа над репертуаром русской книги.

В предисловии к 1-му тому «Справочного словаря» автор сообщает, что у него почти готов список книг за 1825—1855 гг., «но для напечатания его потребовалось бы немало труда и времени для его пополнения и проверки. Обещать его издание до окончания предпринятого уже словаря,— считает Геннади,— было бы преждевременным». По-видимому, над этим большим трудом Геннади работал не одно десятилетие. Во всяком случае, еще в 1857 г. он сообщал Лонгинову, что собирает картотеку всех русских книг этого времени, для которой предварительно разрезал «на листочки» «Роспись» Смирдина со всеми прибавлениями, «Библиографические листы» Кеппена, «Список» Комовского, «Указатель вновь выходящих книг» ЖМНП (с проверкой по «Отечественным запискам» времен Белинского), работы Ламбина, Межова и т. п.[15] Вполне обоснованным представляется хронологический период, избранный Геннади для этого списка. Его «Справочный словарь» включал все известные ему безавторские книги до 1825 г., а книги, вышедшие после 1855 г., были учтены в труде П. А. Ефремова.

В тесной связи с проблемой репертуара русской книги стоял и вопрос о создании полного свода отечественных периодических изданий. «Опыт» Сопикова включал наряду

с книгами и журналы. Авторы позднейших работ уже стремились к раздельному библиографированию этих видов печатной продукции. Над собиранием сведений о русской журналистике трудился всю жизнь С. Д. Полторацкий. Многочисленные заметки о русских журналах были опубликованы на страницах современных периодических изданий, однако эти разрозненные статьи не могли, естественно, возместить отсутствие полного свода. Собранные Полторацким материалы копились и копились в его «картонах» и так и не были им доведены до «кондиции». Его коллеги, неоднократно обращавшиеся к Полторацкому за всевозможного рода сведениями, так и не смогли заставить маститого библиографа напечатать эти материалы. Выше мы уже приводили письмо к нему С. А. Соболевского, который выдвинул интересный и вполне осуществимый проект публикации материалов Полторацкого по истории журналистики. Не получив согласия последнего, Соболевский обращается к более молодому коллеге — Лонгинову. Узнав о предполагающемся выходе новой московской газеты «Молва» (1857 г.), Соболевский пишет Лонгинову: «Увидим, что такое Молва. Тебе бы следовало помещать в нее постоянный отдел библиографии журналов, начиная с Московских ведомостей 1703 года и до самой этой Молвы. Эти статьи составили бы историю нашей словесности за последние полтора века. Сухое исчисление листов, нумеров, содержания и прочего ты мог бы приправить занимательными библиографическими и литературными россказнями, на это ты великий мастер; самое же это сухое исчисление **необходимо** для основания, а для тебя возможно при средствах, какие предоставляет тебе твоя и Полторацкого библиотеки. Со своей стороны обещаю тебе всякую твою такую статью **сверить** по экземплярам здешней публичной библиотеки в самом скором времени по сообщении мне рукописи. Этаких отдельных монографий в последнее время появилось много; но полезно было бы их соединить в одно целое, подвести под одну форму и прибрать к одному и тому же месту. Где их искать в журналах? <...> Такового же рода работу я давно уже загадывал Сережке (Полторацкому.— **Л.Р.**) и, для примера, напечатал 10 сентября 1853 года статью в Ведомостях о Ведомостях 1703, 1704, 1705 и 1706 г., где нет ни единого **моего** слова, но где сведены его же Полторацкого изыскания, разбросанные по многим местам <...> Возьмись за это ты и употреби в пользу его же бумажки, которые без этого когда-нибудь сгинут и пропадут.

Это тем легче, что он на этот счет очень славный малый и готов делиться <...> Какое дело читателю в том, что прежде тебя кто-то говорил то же? Ему нужно, чтобы не было пробелов, чтобы лежащий перед ним **свод** был полный свод всего доисканного и чтобы ему самому не вздумалось почесть находкою то, что уже когда-нибудь и где-нибудь было оглашено найденным»[16].

Любопытно отметить, что основная мысль Соболевского совпадает с высказанной в том же 1857 г. Добролюбовым, который в рецензии на «Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета», писал: «Пора бы нашим библиографам понять, что их труды получают некоторое значение только при массе сведений и что отрывочные, мелкие указания вовсе и не стоит выпускать на божий свет затем только, чтобы они, затерянные в старых изданиях, еще раз затерялись в новых. Совсем другое — указатели или сборники довольно значительных размеров: те могут заменять сотни томов, в тех можно всегда навести нужную справку»[17]. И действительно, разрозненных сведений о русских журналах к концу 50-х гг. накопилось уже достаточно. Вопрос о создании свода, о сведении их воедино стоял на очереди дня.

Г. Н. Геннади, всегда бывший в курсе насущных проблем русской библиографии, естественно, работал и над этой темой. Вначале он рассчитывал на сотрудничество С. Д. Полторацкого, у которого было уже накоплено большое количество такого рода материалов. «Не привезете ли ваши списки журналов?— спрашивает его Геннади в письме от 2 марта 1853 г.— Надо же соорудить полный список»[18]. Убедившись в том, что совместная работа с Полторацким невозможна, Геннади берется за это дело сам. В 1854 г. «Современник» публикует его работу «П. И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» (№ 10, с. 65—94), явившуюся первым «библиографическим исследованием» Геннади по истории периодической печати в России. В 1858 г. в «Русском библиографическом листке» появляется статья Геннади «О библиографических журналах в России». В его черновых бумагах хранится множество выписок на эту тему. Окончание работы усложнялось тем, что ни в одном русском книгохранилище не было полного собрания периодических изданий. В 1873 г. со страниц «Русской старины» Геннади обращается ко всем библиографам с вопросом: «У кого в России значительнейшие собрания русских журналов?» На него откликнулись многие коллеги Геннади, можно предполагать,

что ему удалось использовать библиотеки некоторых русских собирателей. Правда, Геннади не успел составить цельного свода, однако во многих его работах содержится масса сведений по русской журналистике.

Наконец, к работам «репертуарного» характера относятся сохранившиеся в архиве Геннади два неопубликованных указателя —«Сборники ученых статей. Библиография» и «Библиография русских альманахов и литературных сборников. Составил Григорий Геннади (по экземплярам своей библиотеки)». Обе работы хранятся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Первый из них представляет собой аннотированный указатель 24 сборников различного содержания, вышедших в 1845—1860 гг. Здесь мы находим «Труды» и «Записки» различных научных обществ, сборники краеведческого характера и т. п. Большой интерес представляет подробная постатейная роспись «Исторических сборников», изданных Вольной русской типографией Герцена.

Вторая работа представляется нам более законченной и ценной. Это — перечень русских альманахов, вышедших в 1796—1867 гг. В ней — 122 названия, подробно и превосходно аннотированных. Работа безусловно сделана по подлинникам, причем аннотации касаются не только содержания, но и истории издания альманахов. Так, например, об «Иллюстрированном альманахе», изданном Некрасовым и Панаевым в 1849 г., сказано: «Он должен был выйти при Современнике 1848 года, но задержан цензурою и выпущен в 1849 году в другом виде, с опущением следующих статей (дается их перечисление.— **Л. Р.**). Кроме того, исключены политипажи, находившиеся при некоторых статьях, и карикатуры Степанова на Кукольника, Краевского и др.»[19]

В указателе дается полная роспись содержания альманахов, что, безусловно, повышает его ценность. Кроме столичных, здесь перечислены (и подробно раскрыты) провинциальные издания. Тщательно расписаны декабристские альманахи: «Полярная звезда», «Мнемозина» (с указанием всех работ В. К. Кюхельбекера); естественно, что присутствует и «Полярная звезда» Герцена.

Эта работа Геннади, в частности, интересна и тем, что опровергает сложившееся о нем мнение как о библиографе, пользовавшемся материалом «из вторых рук» и не интересовавшемся будто бы содержанием произведений печати. «Библиография русских альманахов», как и многие

4 Зак. 250

другие работы Геннади, сделана de visu и отличается высоким уровнем библиографической культуры.

Таким образом, мы можем заключить, что вклад Геннади в общую библиографию русской печати был весьма значителен.

Глава VII
ВОПРОСЫ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА И БИБЛИОФИЛЬСТВА В ТРУДАХ ГЕННАДИ

Нерасторжимость единого книговедческого комплекса, отсутствие четкого «разделения труда» в этой области заставляли библиографов 50—60-х гг. уделять значительное внимание и вопросам библиотечного дела. В архиве Полторацкого, например, хранятся вырезки из газет и журналов со статьями о состоянии библиотечного дела в России. Лучшие библиографические журналы — «Книжный вестник» и «Библиографические записки»— уделяли много внимания хронике библиотечной жизни. Отчеты Публичной библиотеки постоянно рецензировались ведущими журналами эпохи, причем авторами этих рецензий зачастую являлись библиографы. С другой стороны, известные библиотекари уделяли внимание вопросам библиографии. Так, Р. И. Минцлов выступил на страницах «Библиографических записок» с содержательной статьей «Что такое библиография и что от нее требуется». Подобных примеров можно было бы привести множество. Геннади не составлял в данном случае исключения. Более того, никто из русских библиографов того времени не писал о проблемах библиотечного дела так много, как Геннади.

Выше уже говорилось (см.гл.1) о том, что молодой Геннади завязывает связи с дирекцией Публичной библиотеки,— связи, обоюдно выгодные. Если Геннади имел возможность широко пользоваться сокровищами библиотеки, то и библиотека получала от него немало,— тут и поднесение в дар ряда ценных и редких изданий, и активное участие в аукционах, устраиваемых библиотекой*, и, наконец, освещение ее деятельности в периодической печати. По инициативе Геннади было положено и начало изучения истории этого крупнейшего книгохранилища. Он был автором первого указателя литературы об императорской Публичной библиотеке.

* «Я не играю в карты,— писал Геннади Полторацкому в 1853 г.,— а при продаже книг испытываю сильные ощущения, как картежник» (ГПБ, ф. 603, № 117, л. 1).

В первой же опубликованной статье, посвященной Публичной библиотеке (Рус. худож. листок, 1852, № 4), Г. Н. Геннади сообщает «некоторые известия о постепенном образовании библиотеки», о ее руководителях и сотрудниках. В этой же статье дан краткий обзор выставки редких книг, устроенной в библиотеке в 1852 г. Последний вопрос более детально освещен в следующей его статье («Кое-что о редких книгах (по поводу продажи дублетов в имп. Публичной библиотеке)». Спб. ведомости, 1852, № 129, 130). Продажа дублетных экземпляров была весьма существенным мероприятием для пополнения финансовых возможностей библиотеки. Средства, получаемые от этих аукционов, давали возможность улучшить ее комплектование. Как правило, в таких случаях библиотека издавала аукционные каталоги. Статья Геннади содержала и анализ каталога редких книг, выпущенного библиотекой в 1852 г. Активная помощь Геннади, участие в распродажах дублетов высоко ценились руководством библиотеки. Не ускользнул от внимания Геннади и следующий аукцион, на который он откликнулся статьей «Новая продажа книг в имп. Публичной библиотеке» (Спб.ведомости, 1853, № 32). Здесь также дан анализ очередного каталога редких книг. Сохранилась рукопись этой статьи с пометками, поправками и дополнениями, сделанными рукой директора библиотеки — М. А. Корфа. По-видимому, публикации Геннади появлялись с ведома и согласия руководства Публичной библиотеки. В следующем, 1854 г. Геннади публикует разбор «Отчета имп. Публичной библиотеки за 1853 год» (Москвитянин, 1854, т.4, № 22, кн.2). Особое внимание обращает он на вопросы комплектования и приводит сведения о важнейших приобретениях библиотеки за год.

Геннади постоянно откликался на все преобразования и улучшения, производившиеся в библиотеке. Когда в 1852 г. она была вновь открыта после ремонта, Геннади первый отмечает в печати это событие (Рус. худож. листок, 1852, № 4). Когда строилось новое здание читального зала, он опубликовал в «Книжном вестнике» заметку, в которой знакомил читателей с ходом работ (Устройство новой читальной залы в имп. Публичной библиотеке.— Книжный вестник, 1860, № 19/20). Этой же теме посвящена и статья в газете «Наше время» (1860, № 42).

Геннади рецензировал многие издания Публичной библиотеки и труды ее сотрудников. Так, ему принадлежат рецензии на изданное библиотекой «Описание Санкт-Пе-

тербурга и Кронштадта» (Книжный вестник, 1860, № 9); он дал обстоятельный анализ корректурных листов «Каталога иноязычных сочинений о России», подготовленного сотрудниками библиотеки (Библиогр. зап., 1861, т.3, № 20), и т.п. Особый интерес представляет рецензия Геннади на известный труд В. И. Собольщикова «Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов» (Спб., 1859). «Это замечательный и самостоятельный труд,— пишет Г. Н. Геннади,— полезный особенно теперь, когда образуются библиотеки во многих русских городах». Действительно, Геннади очень точно определил важнейшее достоинство труда Собольщикова — его актуальность.

В условиях общественного подъема конца 50-х — начала 60-х гг. в России зарождается движение за открытие публичных библиотек как в губернских, так и в уездных городах. Возобновляют свою деятельность Екатеринославская, Псковская, Смоленская, Орловская и многие другие библиотеки. Вновь открываются библиотеки в Туле, Рязани, Новгороде, Твери и других губернских городах, а также в ряде уездных городов. Вся эта масса библиотек нуждалась в практических руководствах; эту потребность как нельзя лучше удовлетворяла книга В. И. Собольщикова.

Автор этого руководства уделял особое внимание вопросам организации книжных фондов библиотек и их каталогов — в целях наилучшего обслуживания читателей. Его советы и рекомендации просты, практически выполнимы и жизненны. «Схоластическия ученость,— пишет Собольщиков,— запутывала библиотеки в такие непроницаемые покровы систем, что без хорошего запаса библиографических сведений нельзя было пользоваться библиотекой <...> В новейшее время иначе смотрят на существование и употребление общественных библиотек: их стараются делать приютом для всех ищущих сведений, а не таинственным святилищем науки, как бывало прежде»[1]. Эти идеи были очень близки Геннади. Он полностью присоединяется к автору рецензируемой книги, одобряет предложенную Собольщиковым новую систему расстановки книг в библиотеках и, в особенности, его советы по созданию системы каталогов. «Толковое ведение каталогов очень важно в библиотечном деле,— пишет Геннади.— В значительнейших библиотеках Европы потрачено много денег и времени на составление их, и все-таки весьма немногие из этих библиотек имеют удовлетворительные

каталоги. Следовательно, основательные правила при составлении их и при самом учреждении библиотеки существенно нужны, и в этом случае советы г-на Собольщикова чрезвычайно полезны»[2].

Открывая в следующем, 1860 г. библиотеку при Сычевском уездном училище (которой он подарил 600 книг), Геннади собственноручно составил для нее каталоги, следуя системе Собольщикова.

Особого внимания заслуживает выступление Геннади за открытие публичной библиотеки в Москве. Дело в том, что в Москве, городе, богатом учеными, библиофилами, библиографами, до 60-х гг. XIX в. не было публичной, общедоступной библиотеки, которая способна была бы обслужить потребности творческой интеллигенции и широких кругов общества. В городе была только одна научная библиотека при Университете, которая, уже в силу своего специфического положения, не могла удовлетворить потребности московских читателей. Кроме того, бюрократические правила пользования книгами, введенные в этой библиотеке (об этом даже писал «Колокол»), приводили к тому, что она и учащихся не обслуживала по-настоящему. Вопрос о создании в Москве публичной библиотеки стоял, таким образом, весьма остро. В эпоху общественного подъема, тем более, потребности московских читателей (и самый круг их) возросли настолько, что отсутствие библиотеки, сочетающей научность с общедоступностью, становилось уже вопиющим. Геннади был одним из первых (если не первым), поднявшим в печати этот серьезный вопрос.

В «Московских ведомостях» (1858, № 66) была опубликована его статья «Библиотека имп. Московского университета». В ней излагалась история образования университетской библиотеки, но концовка этой — внешне академической — статьи была такова, что побудила ряд журналов перепечатать ее.

«Библиотека Московского университета,— пишет Геннади,— при всей обширности и энциклопедичности своей, не может, однако, удовлетворить потребностям людей, занимающихся и трудящихся на поприще науки и литературы в Москве. Она остается богатою и благоустроенною библиотекою ученого заведения, которой назначение — служить ученым пособием профессорам и студентам. В приобретениях своих она преследует те цели, которые ей предназначены, и самые средства ее ограничены и соразмерны с ее назначением, как учреждением вспомогатель-

ным в устройстве Университета. Поэтому необходимость более общей и обширной, одним словом **публичной** библиотеки в Москве живо чувствуется. Самые библиотекари Московского университета имели иногда в виду эту потребность. Так, покойный М. П. Полуденский, заведывавший библиотекой еще в прошлом году, поговаривал, что в покупках для библиотеки нередко имеет в виду то обстоятельство, что библиотека эта служит не только Университету, но и большинству публики, нуждающейся в ее пособиях и приходящих в нее — потому что некуда более обратиться <...> При развитии в Москве журналистики и изучения русской истории и быта является потребность розысков в книгах, которых нельзя да и не должно искать в Университете. Где, например, в Москве можно отыскать старые русские журналы? Библиотека Университета выписывает только самые необходимые и преимущественно специально-учебные, а публичная библиотека, без сомнения, поставила бы себе целью по возможности собрать русские периодические издания. Также нужны книги о России, источники ее истории. Средоточие занятий исторических и археологических, без сомнения — в Москве, и из нее вышли главные и большая часть деятелей этих наук в России. Им нужны материалы, которые иногда очень трудно находить в Москве, потому что нет для них общего складочного места. Это заставляет ученых заводить библиотеки, которые им дорого обходятся, и покупать иногда книги, которые бы они не купили, если бы могли достать их на время занятий своих. В этом случае, говоря о нужде публичной библиотеки для Москвы, мы выражаем не отдельное только мнение, не случайную мысль, а передаем отголосок требований едва ли не всех литераторов и ученых московских. Поэтому с удовольствием был встречен слух, что мысль об открытии здесь публичной библиотеки скоро осуществится, и, без сомнения, это дело, нужное и важное для Москвы, возбудит в ее обществе участие и содействие»[3].

Статья Геннади побудила и С. А. Соболевского выступить по вопросам библиотечного обслуживания московских читателей и высказаться в пользу открытия публичной библиотеки. На страницах «Библиографических записок» (1858, № 24) он писал: «Когда-то догадаемся и мы, что древней столице нашей **странно** не иметь ни публичной библиотеки, ни картинной галереи; что многие собрания, уже значительные, погибли или за недостатком места, или за недостатком состояния у наследников; что много есть

собирателей, которые желали бы упрочить целость того, над чем трудились с любовью лучшие годы своей жизни; что много есть наследников, которые предпочли бы или даром, или за самое незначительное возмездие удержать вкупе теперь обыкновенно делимые собрания своих родителей».

Прошло, однако, еще четыре года, пока (6 мая 1862 г.) была открыта в Москве Публичная библиотека. И хотя оптимизм Соболевского был в данном случае не совсем оправданным, тем не менее нашлись библиофилы, принесшие библиотеке в дар множество ценных изданий. Среди них был и Г. Н. Геннади.

Следует отметить, что заботы Геннади и Соболевского шли в разных направлениях. Соболевский был прежде всего озабочен сохранением частных собраний путем приобретения их публичной библиотекой. Геннади же интересовала преимущественно та сторона вопроса, которая была обращена непосредственно к читателю и его нуждам. В 1858 г. он опубликовал на страницах «Московских ведомостей» очень обстоятельную статью «О публичных библиотеках в русских городах», в которой указано, в каких городах существуют (или должны существовать) публичные библиотеки. Геннади прекрасно знал, что многие библиотеки, с большой помпой открытые в конце 50-х гг., практически не обслуживали читателей. Информация о работе библиотек на страницах русской периодической печати была весьма скудной, как правило, сообщалось лишь об их открытии. С начала 50-х гг. Геннади кропотливо собирает эти отрывочные сведения. В 1852 г. на страницах «Москвитянина» (№ 11, кн.1) он публикует «Список печатных известий о библиотеках русских городов и монастырей»— еще очень неполный и сырой. В течение последующего десятилетия Геннади продолжает совершенствовать и пополнять список. В его архиве хранятся рукописи двух неопубликованных работ: «Сведения о губернских публичных библиотеках» и «О харьковской публичной библиотеке».

Наконец, в 1864 г. в приложении к майской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» был помещен его «Указатель библиотек в России»— первая сводная работа подобного рода, не потерявшая значения и сегодня. В нем перечислено 275 библиотек, как общественных, так и частных, названы и важнейшие личные книжные собрания (Полторацкого, Поленова, Куника, Семевского и многих других) с краткой характеристикой их книжного состава. Указатель составлен по алфавиту местностей, в

которых находятся библиотеки, и это дает возможность наглядно представить себе топографию библиотечной «сети». Записи, как правило, сопровождаются пояснениями, любопытными для современников и историков и, кроме того, проливающими свет и на общественную позицию Геннади. Вот так, например, он описывает библиотеку села Иванищевского Шадринского уезда Пермской губернии (вероятно, одну из первых сельских библиотек в России): «Библиотека этого села основана крестьянами его. А. Н. Зыряков, член географического общества, взялся управлять библиотекой. Книги собраны пожертвованиями разных лиц; некоторые редакции журналов прислали свои издания — и дело пошло!»

Большой интерес представляет предисловие к указателю. Жалуясь на трудность добывания сведений о библиотеках, тем более провинциальных, Геннади пишет: «Особенно недостаточны данные современные и новые, цифры о настоящем положении библиотек, о их деятельности и употреблении и о числе читателей. Эти данные были бы важны для истории нашего общества и просвещения и могли бы повести к выводам. <...> О публичных библиотеках, открываемых в разных городах, особенно в последние годы, довольно часто публикуется в газетах, но обыкновенно статьи о них состоят из объявления об открытии и пожертвованиях, из нескольких рассуждений и т.п. О ходе же дела, об успехе или неуспехе учреждения, о пользовании и употреблении редко что-либо сообщается, и существенная сторона дела и отчетность ускользают от нашего внимания <...> Но если мы видим равнодушие к учреждениям на пользу образования и просвещения, которые считаются часто за лишнюю роскошь, то мы, конечно, никак не должны, в угождение к этому безучастию, предаваться бездействию и молчанию. Рассуждениями о пользе библиотек, выхвалениями их учредителей и излияниями радостных чувств при их открытии, иногда в стихах, мы еще не много сделаем. Для истории, для статистики, наконец, для пользы самого дела нужны факты. <...> Число читателей в русских библиотеках, описи их и истории, число подписчиков на журналы и газеты, обороты книжной торговли, таблицы о количестве печатаемых в России книг, списки типографий с цифрами о их производительности и средствах — одним словом, все обстоятельства и подробности книжного дела у нас — вот данные, которые нужны для статистики просвещения, для заключений о степени нашего образования и умственных потребностей, и вот чего

нам еще недостает и чего, вероятно, не скоро еще дождемся от бедной нашей гласности»[4]. Любопытно отметить, что в этом указателе Геннади дважды упоминает Герцена — его речи на открытии Владимирской и Вятской библиотек.

Позицию автора в этом указателе можно с полной уверенностью назвать прогрессивной. Он ратует за действительное использование библиотек читателями, за контроль общественности за их деятельностью, за отчетность и гласность. Недаром «Указатель библиотек в России» был сочувственно встречен современной печатью. Извлечения из него под заглавием «Число и распределение библиотек в России» были опубликованы в «Санктпетербургских ведомостях», «Народном богатстве», «Северной почте», «Еженедельных прибавлениях к «Русскому инвалиду», а также — это особенно показательно — в «Neuer Anzeiger für Bibliographie von Petzholdt» (Дрезден, 1864, № 8).

Наконец, Геннади выступил как зачинатель библиографии библиотековедения. Этому вопросу посвящен самый обширный (около 80 страниц) раздел его «Литературы русской библиографии». Этот раздел — «История и описания библиотек»— строится следующим образом:

1) общие сведения о библиотеках;

2) история библиотек старинных;

3) библиотеки казенных ведомств, ученых обществ и публичные:

а) императорская Публичная библиотека;

б) библиотека Академии наук и другие библиотеки в Санкт-Петербурге;

в) московские библиотеки;

г) провинциальные библиотеки <по городам>;

4) библиотеки частных лиц;

5) библиотеки иностранные;

6) книжные лавки <с их библиотеками>.

Наиболее обширным, естественно является список литературы о Публичной библиотеке (80 номеров), а самым бедным — первый раздел. Действительно, русская литература по общим вопросам библиотечного дела была еще очень скудна. Зато Геннади приводит здесь «Старые книги» М. Л. Михайлова, содержащие сведения о самых ранних в России рассуждениях о роли книги и книгопечатания.

Очень интересен раздел «Библиотеки частных лиц». Геннади, сам библиофил, прекрасно понимал громадное культурное значение частных книжных собраний, особен-

но в России, где государственные библиотеки стояли далеко не на должной высоте. Этому вопросу были посвящены и отдельные его работы — «Русские библиофилы. Библиотеки гр. Д. П. Бутурлина и их каталоги» (ЖМНП, 1856, № 4), «Книжные вести из Петербурга» (о продаже библиотеки Д. Джустиниани) (Библиогр. зап., 1858, № 3) и др.

В 1873 г. Геннади со страниц «Русской старины» задает «Вопросы библиографам». Среди них: «У кого в России значительнейшие собрания русских журналов?» Это был отнюдь не праздный вопрос. Дело в том, что ни одна из государственных библиотек не обладала полным собранием русских периодических изданий; необходимость же его для научной работы была очевидна. На этот вопрос Геннади получил ряд ответов. Среди них были ответы П. А. Ефремова, К. Н. Бестужева-Рюмина и других известных книжников.

В России в это время существовало два типа частных библиотек. Первые — частные публичные библиотеки, или «библиотеки для чтения», как их тогда называли,— служили коммерческим целям; вторые — личные библиотеки — были достоянием библиофилов. Среди этих собраний были чрезвычайно значительные. Библиотеки Соболевского, Полторацкого, Чаадаева, Якушкина, Ефремова, Лонгинова, того же Геннади представляли собой крупнейшие явления русской культуры. Они были открыты для любого ученого, исследователя русской книги. «Единственный способ библиофильствовать с успехом,— писал Соболевский Березину-Ширяеву,— помогать друг другу, пользоваться обстоятельствами и помнить о пользе других»[5].

Русское библиофильство середины XIX в. играло особую роль, даже в малой степени еще не оцененную историками культуры. Старшее поколение библиофилов подготовило почву для того расцвета библиографии, текстологии и истории литературы, который наступил вслед за падением николаевского режима. Русские библиофилы этой эпохи составляли некое братство. Все они были знакомы между собой, постоянно обменивались находками и открытиями. Подготавливаемые к печати труды давались для прочтения и редактуры более старшим и опытным.

Переписка и дневники библиографов-библиофилов тех лет (как правило, неопубликованные) содержат массу сведений о содружестве такого рода.

Старшее поколение, поколение Пушкина и декабристов, носители блистательной культуры александровской поры — Чаадаев, Соболевский, Полторацкий — здесь непосредственно общалось со вторым поколением, родившимся уже после 1825 г.,— Лонгиновым, Геннади, Якушкиным, Афанасьевым, Полуденским, Ефремовым. Молодые чтили старших как «мэтров», знакомство и общение с ними считали честью и счастьем.

Бросается в глаза то обстоятельство, что среди самых заядлых библиофилов, сформировавшихся уже в 50-е гг., было много людей прогрессивных, даже радикальных убеждений: Е. И. Якушкин, А. Н. Афанасьев, М. Л. Михайлов, П. А. Ефремов, В. И. Касаткин. Библиофилы являлись хранителями культурных ценностей. Как только пал николаевский режим и наступили некоторые цензурные послабления, они опубликовали массу собранного ими материала, копившегося в предшествовавшую четверть века, вернули русскому обществу имена и труды Новикова, Радищева, Чаадаева, декабристов. Они обогатили отечественные книгохранилища целым рядом принесенных в дар ценнейших изданий, стремясь сделать их достоянием всех. «При всей своей любви к книге,— пишет Ю. И. Масанов,— С. Д. Полторацкий не был библиофилом «для себя». Он сумел сделать свою библиотеку источником для разнообразных справок и разысканий. В ней работали многие ученые и библиографы. С. Д. Полторацкий нередко поступался своими сокровищами для пополнения пробелов, существовавших в Публичной библиотеке»[6]. Это вполне справедливо, но Полторацкий не был каким-то исключением. Так поступали все видные библиофилы его времени. Их вклад в русскую культуру еще недостаточно изучен[7], и мешало этому неверное представление об их общественной позиции, которое до недавнего времени бытовало в нашей книговедческой литературе. Лишь в самое последнее время разысканиями историков русской общественной мысли (преимущественно Н. Я. Эйдельмана) установлен ряд фактов, существенно меняющих наше представление о библиофилах того времени. Дело в том, что именно из их среды вербовались корреспонденты как тех изданий Герцена, в которых печатались исторические и литературные материалы, запрещенные к обнародованию в России, так и других зарубежных издателей русской нелегальной литературы. Это относится не только к таким идейным последователям Герцена, как Касаткин, Якушкин, Афанасьев, Ефремов (их роль достаточно отчетливо

выявлена нашей исторической наукой), но и к тем библиофилам, которые, не разделяя политической платформы Вольной русской печати, пользовались ее страницами для опубликования важных документов общественной мысли России. (Характерный пример — С. Д. Полторацкий.) Геннади также не остался в стороне от этого движения. Из его писем к Полторацкому мы узнаем, что он собирал стихотворения Рылеева для посылки берлинскому издателю Ф. Шнейдеру, выпустившему немало русской «бесцензурной» литературы[8]. Руководители Вольной печати высоко ценили сотрудничество этих людей, прекрасно понимая, что доставляемые ими материалы объективно служат делу освободительной борьбы.

В предисловии к сборнику «Русская потаенная литература» (Лондон, 1861) Н. П. Огарев, принося читателям извинения в «неполноте и ошибочности» части материала, замечает, что это обстоятельство «заставляет нас просить наших почтенных библиофилов присылать нам поправки и пополнять пропуски». «Если наши библиофилы,— пишет он далее,— помогут нам когда-нибудь напечатать, за наше столетие, сборник записок и писем наших известных и неизвестных деятелей, живых и мёртвых,— эти пропадающие отрывки из жизни многих людей, которым ничто человеческое не было чуждо, ярко восстановили бы историю нашего развития»[9]. Известно, что русские библиофилы не замедлили откликнуться на этот призыв.

Есть еще одно обстоятельство, о котором не мешало бы помнить: в функции библиофила 50-х гг. входило не только собирание книг и изучение их как памятников материальной культуры. Библиофил тех лет был обязательно и историком русской литературы. Так, в библиофильском, по понятиям того времени, журнале «Библиографические записки» подавляющая часть материала — историко-литературная, собранная трудами библиофилов. Приветствуя появление этого издания, «Русский библиографический листок» писал: «Библиографический журнал, издаваемый с нынешнего года в Москве г. Щепкиным, судя по его программе, имеет характер исключительно библиофильский. Без сомнения, он оправдает всеобщие ожидания, мы приветствуем от души это замечательное явление в нашей литературе». Что же понимала редакция «Листка» под словом «библиофильство»? «Цель их,— сказано о «Библиографических записках»,— собирать материалы для истории русской словесности и народного просвещения, восполнить пробелы на ее страницах и познакомить

с малоизвестными чертами из жизни наших великих писателей, а также с целью распространить в нашей книжной торговле антикварные сведения и чрез то помочь библиофилам в приискании редких книг»[10]. Таким образом, библиофил, в представлении людей 50—60-х гг., был не просто собирателем книг, но и исследователем и публикатором текстов, т.е. историком литературы и текстологом. Однако подобное мнение разделялось далеко не всеми. Широкая публика и представлявшие ее популярные издания зачастую насмехались над библиофилами, считая их книжными червями, не разбирающимися в содержании коллекционируемой ими литературы. Поэтому очень важным было выступление Геннади в защиту подлинного «высокого» библиофильства, которое он предпринял в ставшей сразу очень популярной книжке «Русские книжные редкости» (Спб., 1872).

В предисловии к ней автор проводит совершенно отчетливую грань между библиофилией и библиоманией. Он ясно понимает разницу между «духовными стремлениями, оживляющими разборчивого и сведущего библиофила, и причудливыми, иногда странными желаниями и прихотями, увлекающими библиомана». Он говорит о том, что «жажда приобретения книг», присущая настоящим библиофилам, «имеет побуждением <...> интересы науки». «Наконец,— пишет он,— искатели и собиратели редких книг руководятся часто прекрасною целью и передают другим пользу и удовольствие, которые извлекают сами из своих библиотек. Им также часто мы обязаны сохранением исчезающих из обращения произведений печати, которые, с течением времени и с развитием литературы, получают цену. Только таким любителям, как, напр. Хлебников, обязаны мы сохранением русских ведомостей Петра I и разных листков, истребляемых как ненужные и только теперь, при возбуждении исторической любознательности, получивших значение материала истории» (с. 35—36). «Приятно библиофилу иметь хорошее тиснение станков Эльзевировских,— пишет он далее,— но странна и мелочна ревность людей, питающих особенное уважение к каждой пустой и даже дурно напечатанной книжонке, лишь бы на заглавном листе ее был выставлен знак, иногда поддельный, одного из Эльзевиров» (с. 21).

Сам Геннади собрал в этой книге редкие издания, независимо от их внутренней ценности, но в аннотациях четко обозначил свое отношение к каждой. Так, если «Трутень» Новикова он называет «одним из лучших

сатирических листков того времени» (с. 43), а запрещенный цензурой «Европеец» Киреевского характеризуется им как «замечательный журнал» (с. 102), то совсем не так относится он к пустым книжонкам, ставшим редкими в силу всевозможных, иногда труднообъяснимых причин. Так, знаменитую «Мешенину», за которой гонялись все русские коллекционеры, он называет «безграмотной галиматьей» (с. 50); так же характеризуются «Похождения Ивана Гостиного сына» (с. 56—57) и тому подобные издания. Таким образом, Геннади весьма трезво относится к раритетам «как таковым» и хорошо понимает цену книги как произведения духовной культуры.

Стало уже традицией обвинять библиофилов в пристрастии к редким изданиям (то, что Н. В. Здобнов называл «безыдейной любовью к книжным редкостям»). Считается даже, что существовало два типа собирателей: ефремовского и геннадиевского толка. Первые будто бы не интересовались раритетами, а собирали книги преимущественно нужные им для научной работы. «Геннадиевцы» же были бездумными коллекционерами редкой книги, ничем, кроме своей редкости, не замечательной. Нам не удалось установить, откуда, собственно, пошло такое разделение. Для этого нет ни малейших фактических оснований, да они и не приводятся сторонниками подобной точки зрения.

Нам представляется, что обвинение в пристрастии к редким изданиям само по себе не может иметь серьезного значения. Прежде всего следует выяснить, были ли раритеты объектом изучения или только объектом коллекционирования и понимало ли данное лицо толк в старинных книгах как памятниках литературно-издательского дела. Если мы примем во внимание, какое количество интереснейших публикаций было сделано владельцами редких изданий в середине прошлого столетия, то нам придется признать, что любовь к раритетам была у них весьма творческой, принесшей немалую пользу историко-литературной науке. Думается, что любовь к раритетам — неотъемлемая черта библиофильства, даже самого высокого, в том числе и современного. В тех случаях, когда эта черта является сопутствующей, а не определяющей, она отнюдь не умаляет достоинств данного собирателя. И Геннади и Ефремов отдали дань увлечению старинной и редкой русской книгой. Среди страстных собирателей раритетов назовем также радикально настроенных В. И. Касаткина и М. Л. Михайлова. Более того, они вообще собирали преимущественно редкие книги и рукописи. И эта черта

никак не должна повлиять на нашу оценку их как библиофилов.

Г. Н. Геннади по своему происхождению и образу жизни может быть причислен к представителям дворянского библиофильства так же, как С. А. Соболевский, С. Д. Полторацкий, М. Н. Лонгинов и многие другие. Однако и веяния времени, которым отнюдь не чужд был Геннади, и его дружеские связи и научные интересы сильно способствовали демократизации его убеждений. Библиотека Геннади до нас не дошла. Однако и воспоминания современников и труды самого библиографа (вспомним, что многие из них были составлены преимущественно по экземплярам его книжного собрания) рисуют нам эту библиотеку как весьма богатую и содержательную, включающую в себя превосходную коллекцию отечественных изданий, в основном XIX в. Великолепно была представлена в собрании Геннади и запрещенная русская книга. Очень богатым был отдел книговедения, включавший библиографические издания на всех основных европейских языках.

Геннади был усердным собирателем не только книг, но и русских гравированных портретов. Его коллекция высоко оценивалась таким крупнейшим знатоком, как Д. А. Ровинский. Естественно, что множество заметок и статей было написано Геннади на эту тему. Выше уже говорилось о его статье, посвященной портретам А. С. Пушкина. Описание нескольких литографированных портретов Гоголя содержится в его заметке «Новые петербургские эстампы» (Москвитянин, 1854). В журнале «Светопись» (1858, № 7) была помещена интересная статья «Старинные русские портреты (Указания для истории портретной живописи в России)». Геннади был автором заметок и о других русских портретах — Екатерины II, Лжедимитрия I и т.п. Авторитет Геннади в этой области был так высок, что он был приглашен вместе с В. В. Стасовым и А. А. Васильчиковым для просмотра и редактуры известного собрания портретов Петра I (Спб., 1872). Наконец, Геннади решил выпустить в свет альбом своего собрания портретов. Это издание — «Русские портреты из собрания Г. Н. Геннади, хранящегося в Москве, в Чертковской библиотеке» (М., 1866) — с нетерпением ожидалось знатоками и любителями. Еще за год до его появления «Книжный вестник» сообщал своим читателям: «В Москве, чрез посредство магазина Ушакова и К°, предпринято издание «Редких русских портретов» из собрания Г. Н. Геннади. Все издание будет разделено на выпуски,

из коих в первом будут помещены литографии с редких портретов»[11]. Но затем оказалось, что альбом будет состоять не из литографий, а из фотографических репродукций, которые, как тогда считали, «не имеют никакого значения, при известном свойстве выцветания фотографии»[12]. В таком виде альбом Геннади не мог иметь успеха и должен был прекратиться на первом выпуске. Однако чрезвычайно любопытен отбор портретов для этого выпуска, все же вышедшего в свет,— в основном «опальные» лица: «Император» Иоанн Антонович, архиепископ Антоний Мацеевич, княгиня Е. Р. Дашкова (в ссылке) и другие. Репродукции сопровождались текстом, составленным самим Геннади. Приходится сожалеть, что это издание не было завершено, тем более что драгоценное собрание Геннади было продано в розницу и тем самым потеряно для русской культуры.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Первому биографу Григория Николаевича Геннади У. Г. Иваску пришлось доказывать, что репутация барина-дилетанта, от нечего делать забавлявшегося библиографией, нисколько не соответствует действительному облику Геннади и убедительно опровергается его трудами. Однако ему не удалось полностью поколебать несправедливое отношение к этому библиографу. Между тем круг интересов Геннади, тематика и наполнение его трудов свидетельствуют о том, что он был далек от барственного пренебрежения «злобой дня». Он пытался откликаться на все животрепещущие вопросы современности, вплоть до участия в создании воскресных школ и рекомендательных указателей для народа. Правда, при отсутствии четкой политической платформы (черта, свойственная либерализму вообще) Геннади не смог воспринять передовые идеи эпохи; тем не менее он отнюдь не был реакционером, представителем «формалистической», уводящей от жизни библиографии.

Труды Геннади, его достижения и промахи могут быть оценены только на фоне общей картины развития библиографии того времени. Его достоинства — знание книги по существу, большая историко-книжная эрудиция, стремление откликаться на генеральные темы, выдвигавшиеся современной ему библиографией,— все это ставит Геннади в один ряд с лучшими представителями библиографической школы той эпохи. Недостатки и промахи в работе Геннади не должны заслонять от нас то ценное, что было сделано этим неутомимым тружеником.

Лучшие работы Геннади, основные его труды —«Справочный словарь о русских писателях и ученых», «Литература русской библиографии», «Указатель библиотек в России» и другие — до сих пор являются ценными справочными пособиями, не перекрытыми позднейшими работами отечественных библиографов, они с успехом используются в справочно-библиографической работе крупных библиотек и включаются в крупнейшие советские указатели по гуманитарным наукам*. Не обходятся без

---

* Так, например, в недавно вышедшем указателе Б. Л. Канделя, М. Л. Федюшиной и М. А. Бениной «Русская художественная литература и литературоведение...» (Л., 1976) указано 6 работ Геннади. Выше уже говорилось о том, что его труды учтены в классических указателях М. В. Сокуровой и И. М. Кауфмана.

трудов Геннади и все международные библиографические «гиды».

В самое последнее время наметился ощутимый поворот в отношении к Геннади со стороны советских исследователей[1]. Возрос интерес к нему и за рубежом, что вызвало появление специально посвященной ему литературы[2].

Г. Н. Геннади является представителем той эпохи русского книговедения, когда в нем подвизались истинные знатоки книги. Все они были «дилетантами», т. е. непрофессионалами. Тем не менее именно в это время сложился и действовал тот тип библиографа, который представляется нам чрезвычайно интересным: знаток истории отечественной литературы, публикатор, текстолог, книговед в самом широком смысле слова. Недаром именно библиографы того времени обогатили историко-литературную науку не только громадным количеством сведений, но и поисками научной методики. Не случайно из библиографической школы 50—70-х гг. вышли наиболее видные представители историко-литературной науки второй половины XIX в. Что же касается собственно библиографической практики, то в эти годы она обогатилась трудами, существенно восполняющими пробелы репертуара отечественной печатной продукции.

Г. Н. Геннади отразил в своем творчестве искания библиографической науки и практики, переживавшиеся ими в один из наиболее интересных и плодотворных периодов развития. Работы этого библиографа, его недолгая жизнь, полная труда, представляют несомненный интерес для всех, кому небезразлична судьба отечественной культуры.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ Г. Н. ГЕННАДИ*

1. Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в Губернских ведомостях 1851 года.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1852, ч. 5, кн. 1, отд. 4, с. 1—47.

2. То же за 1852 г.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1853, ч. 8, кн. 3, отд. 4, с. 1—46.

3. То же за 1853 г.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1854, ч. 6, кн. 3, отд. 4, с: 1—41.

4. То же за 1854 г.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1855, ч. 14, кн. 5, отд. 4, с. 1—40.

5. То же за 1855 г.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1856, ч. 13, кн. 3, отд. 4, с. 1—28.

6. То же за 1856 г.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1858, ч. 23, кн. 5, отд. 4, с. 1—22.

7. То же за 1857 г.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1859, ч. 25, кн. 3, отд. 4, с. 17—51.

8. Список сочинений Гоголя.— Отеч. зап., 1853, № 9, отд. 7, с. 29—35.

9. Указатель отдельно вышедших в России в 1853 году сочинений по предмету географии, этнографии и статистики (с обозначением журналов, где были помещены рецензии на эти сочинения).— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1854, ч. 12, кн. 5, отд. 4, с. 1—12.

10. Обозрение русской географической, этнографической и статистической литературы за 1853 год: Указатель статей, помещенных в журналах и газетах.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1854, ч. 12, кн. 6, отд. 4, с. 63—108.

11. Список книг о русских монастырях и церквах.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1854, ч. 10, кн. 1, отд. 4, с. 1—48.

Рец.: Москвитянин, 1854, № 11, кн. 1, отд. 4, с. 106—107.

12. Указатель исторических статей и материалов, помещенных в Губернских ведомостях 1853 года.— Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей российских, 1854, кн. 20, отд. 3, с. 1—14.

13. То же за 1854 г.— Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей российских, 1855, кн. 23, отд. 4, с. 1—20.

14. То же за 1855 г.— Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей российских, 1857, кн. 25, отд. 4, с. 1—21.

15. Список книг по русской истории, вышедших в 1853 году.— Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей российских, 1855, кн. 22, отд. 4, с. 1—22.

16. П. И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий».— Современник, 1854, № 10, отд. 3, с. 65—94.

17. Список сочинений о Крыме. I. Сочинения иноязычные (список первый).— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1855, ч. 15, кн. 6, отд. 4, с. 55—62.

18. То же: Дополнения к I списку и II. Книги о древностях Крыма (список второй). Статьи в заграничных периодических изданиях 1855 года.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1856, ч. 16, кн. 1, отд. 4, с. 30—33**.

---

* В настоящий список включены лишь важнейшие труды Г. Н. Геннади. Полный перечень его работ имеется в книге У. Г. Иваска «Григорий Николаевич Геннади. Обзор жизни и трудов» (М., 1913). Труды Геннади в настоящем списке расположены в хронологическом порядке. В тех случаях, когда работа выходила выпусками в течение нескольких лет, она дается по первому году издания.

** Оба эти списка в дополненном и переработанном виде были перепечатаны в парижском библиографическом журнале «Courrier de la librairie Jeannot» (1857, № 23, 28).

19. Список сочинений и изданий Н. И. Надеждина.— Вестн. имп. рус. геогр. о-ва, 1856, ч. 16, кн. 1, отд. 5, с. 16—19.

20. Русские фельдмаршалы-писатели: Библиогр. разыскания.— Рус. инвалид, 1856, № 128, 275, 276.

21. Русские библиофилы: Библиотеки графа Д. П. Бутурлина и их каталоги.— Журн. М-ва нар. просвещения, 1856, № 4, отд. 3, с. 1—10.

22. Список иностранных сочинений о Суворове.— Военный журн., 1857, № 1, с. 208—219. Отд. отт. Спб., 1857.

23. О псевдонимах русских и французских.— Б-ка для чтения, 1857, кн. 9, отд. 7, с. 58—71.

24. Литература русской библиографии: Опись библиографических книг и статей, изд. в России. Спб., 1858.

Рец.: Атеней, 1858, ч. 5, № 43, с. 504—511; Библиогр. зап., 1858, т. 1, № 12, стб. 384; Современник, 1858, т. 70, с. 240—241; Изв. имп. Акад. наук по отд. рус. яз. и словесности, 1858, т. 7, стб. 125; Моск. обозрение, 1859, № 2, с. 23; Кн. вестн., 1864, № 24, с. 503—504; Н. П. Смирнов: Библиогр. материалы. Спб., 1898, с. 178; Дерунов К. Н. Избранное. М., 1972, с. 19—20; Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955, с. 332—334; Гудовщикова И. В. Выявить и учесть золотой фонд русской библиографической литературы.— Сов. библиогр., 1972, № 2, с. 3—9.

25. Библиотека императорского Московского университета.— Моск. ведомости, 1858, № 66*.

26. О публичных библиотеках в Русских городах.— Моск. ведомости, 1858, № 68.

27. О библиографических журналах в России.— Рус. библиогр. листок, 1858, 6 февр., с. 171—172.

28. О Летописи русских книг.— Рус. библиогр. листок, 1858, 20 февр., с. 235—236.

29. Что писано о Пушкине.— Библиогр. зап., 1858, т. 1, № 16, стб. 508—515.

Рец.: Каллаш В. В. «Pushkiniana». Киев, 1902, ч. 1, с. 4; Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 633—634.

30. Переводы сочинений Пушкина.— Библиогр. зап., 1859, т. 2, № 2, стб. 49—55; № 3, стб. 87—95; № 4, стб. 115—118.

Рец.: Каллаш В. В. «Pushkiniana». Киев, 1902, ч. 1, с. 5; Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 634.

31. Библиографический указатель русской археологической литературы за 1857 год.— Изв. имп. археол. о-ва, 1859, т. 1, вып. 4, с. 257—266.

32. То же [продолжение].— Изв. имп. археол. о-ва, 1859, т. 1, вып. 6, с. 394—401.

33. То же, за 1858 г.— Изв. имп. археол. о-ва, 1861, т. 3, вып. 1, с. 79—87.

34. Приложения к сочинениям А. С. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым: Библиогр. список всех произведений А. С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст и примечания/Сост. Григорий Геннади. Спб., 1860.

Рец.: Кн. вестн., 1860, № 1/2, с. 26; Моск. ведомости, 1860, № 42, с. 324; Библиогр. зап., 1861, т. 3, № 9, стб. 272—277.

35. Книжки для школ и народного обучения: (Указания для Общества распространения полезных книг).— Библиогр. зап., 1861, т. 3, № 8, стб. 241—245.

36. Записки (мемуары) русских людей: Библиогр. указания.— Чтения в имп. о-ве истории и древностей российских, 1861, кн. 4, отд. 5, с. 51—76.

---

* Статья перепечатана в «Журнале Министерства народного просвещения» (1858, № 8, отд. VII) и «Библиогр. зап.» (1858, т. 1, № 11).

37. Указатель библиотек в России.— Журн. М-ва нар. просвещения, 1864, № 5, с 1—36. Отд. отт. Спб., 1864.*

38. Указатель печатных сведений о Ломоносове. Спб., 1865.

39. Русские книжные редкости: Библиогр. список рус. редких книг. Спб., 1872.

Рец. и отзывы: Спб. ведомости, 1872, № 156; Моск. ведомости, 1875, № 327; Рос. библиогр. (Э. Гартье), 1879, № 49/50, с. 243; 1880, № 61, с. 250; № 76, с. 597; Битовт Ю. Редкие русские книги и летучие издания 18 века. М., 1905, с. III; Ульянинский Д. В. Среди книг и их друзей. М., 1903, ч. 1, с. 20—21; Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1960, с. 62.

40. Список архитектурных сочинений, вышедших на русском языке.— Зодчий, 1872, № 12, с. 210—211.

41. То же [продолжение].— Зодчий, 1873, № 1, с. 13—14; № 3/4, с. 45—47.— Отд. отт. Спб., 1873.

42. Список русских анонимных книг с именами их авторов и переводчиков: Доп. к каталогам рус. книг Сопикова, Шторха, Плавильщикова, Смирдина, Ольхина, Глазунова, Базунова. Спб. 1874.

Рец.: Рус. старина, 1874, т. 11, кн. 2 (обл.); Спб. ведомости, 1874, № 353; Моск. ведомости, 1875, № 327.

43. Les écrivains franco-russes: Bibliographie des ouvrages français publies par des russes. Dresden, 1874.

44. Список русских книг, печатанных вне России. Берлин, 1875.

45. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1. А — Е. Берлин, 1876.

46. То же. Т. 2. Ж — М/С доп. Николая Собко. Берлин, 1880.

47. То же. Т. 3. Н — Р/ С предисл. А. Титова.— Чтения в имп. о-ве истории и древностей российских, 1906, кн. 4 (219); 1907, кн 1 (220); кн. 4 (223). Отд. отт. М., 1906.

Рец. и отзывы: 1) На первый том: Журн. М-ва нар. просвещения, 1876, № 1, с. 127—140; Древняя и новая Россия, 1877, № 4, с. 397—399; № 10, с. 174—178; 1878, № 4, с. 346—352; Киевские унив. изв., 1877, № 7, с. 248; Рос. библиогр. (Э. Гартье), 1880, № 72, с. 437—439; Библиограф, 1888, № 5/6, с. 241—243. 2) На второй том: Рос. библиогр. (Э. Гартье), 1880, № 72, с. 439—441; 1880, № 74, с. 509—519; Журн. М-ва нар. просвещения, 1880, № 10, с. 445—462; Рос. библиогр., 1881, № 77, с. 3—7; 1881, № 78, с. 34—36; Спб. ведомости, 1880, № 5; Рус. старина, 1880, кн. 8 (обл.). 3) На третий том: Ист. вестн., 1907, кн. 5, с. 30. 4) На «Словарь» в целом: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955, с. 418—420; Кауфман И. М. Русские биографические и биобиблиографические словари. М., 1955, с. 296; Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати, 1708—1955: Аннот. указ. 2-е изд. Л., 1956, с. 129—133.

---

* В сокращенном виде перепечатан в «Neuer Anzeiger für Bibliographie» (Dresden), 1864, № 8.

ПРИМЕЧАНИЯ*

К ГЛАВЕ I

[1] Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 55—56.
[2] Эйхенбаум Б. М. Я. П. Полонский.— В кн.: Полонский Я. П. Стихотворения. Л., 1954, с. 7.
[3] ГПБ, ф. 178, № 7. Геннади Г. Н. Tutti frutti: Записная книжка, 1845—1849. Май 1845 г., л. 35.
[4] Там же, 18 янв. 1845 г., л. 27—28.
[5] Там же, 15 янв. 1847 г., л. 132.
[6] Там же, ноябрь 1845 г., л. 74—77.
[7] Там же, 29 марта 1845 г., л. 17.
[8] Там же, 14 февр. 1847 г., л. 140.
[9] Там же, 15 янв. 1847 г., л. 133—134.
[10] ГПБ, ф. 178, № 8. Заметки на память Григория Геннади, 1852—1855, Юшино. Петербург. Москва. 4 дек. 1853 г., № 28.
[11] Peignot G. Dictionnaire raisonné de bibliologie. Paris, 1802, v. 1, p. 50.
[12] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954, т. 4, с. 90.
[13] ГПБ, ф. 178, № 8. Заметки на память Григория Геннади. 22 марта 1852 г., л. 4.
[14] Там же, 1854, л. 42.
[15] Там же, 22 ноября 1852 г., л. 10.
[16] Там же, 30 ноября 1852 г., л. 11—12.
[17] ГПБ, ф. 178, № 16. Геннади Г. Н. Стихотворные послания, 1840—1850-е годы. Спб., 30. IX. 1852 г.
[18] ГПБ, ф. 603, № 117. Геннади Г. Н. Письма его [20] к С. Д. Полторацкому. 2 марта 1853 г., л. 1.
[19] Там же, 15 апреля 1858 г., л. 1.
[20] Цит. по статье: Масанов Ю. И. Сергей Дмитриевич Полторацкий: Из истории русской библиографии XIX в.— Сов. библиогр., 1947, вып. 2, с. 66.
[21] ГПБ, ф. 603, № 189. Соболевский С. А. Письма и записки к С. Д. Полторацкому (1825—1867). 22 марта 1851 г., л. 1—8.
[22] ПД, арх. Лонгинова. Письма С. А. Соболевского к М. Н. Лонгинову (209 предм.). 23513/CLXX, б. 10, № 55, л. 1—1 об. (б.д.).
[23] ГПБ, ф. 178, № 8. Заметки на память Григория Геннади, л. 47.
[24] См. об этом: Равич Л. М. М. Л. Михайлов и его место в истории русской библиографии 50—60-х гг. XIX в.— Сов. библиогр., 1969, № 2 (114), с. 50—67.
[25] Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярского (и др.) к С. И. Пономареву. С прил. издателя: Материалы для биографии С. И. Пономарева с хронологич. списком его трудов. М., 1915, с. 10.
[26] Там же, с. 73.
[27] Зотов В. Р. Петербург в 40-х годах.— Ист. вестн., 1890, № 5, с. 294.
[28] ПД, ф. 357, оп. 3, № 21. Михайлов Михаил Илларионович. Письма его к Геннади Григорию Николаевичу. 3 февр. 1860 г., л. 5.
[29] Порудоминский В. И. «Я полюбил Пушкина еще больше»: (Пушкин в «Библиографических записках». Из писем Афанасьева к Геннади).—

---

* Принятые сокращения: ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина; ПД — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома).

Прометей: Ист.-биогр. альманах, 1974, т. 10, с. 206—217. («Жизнь замеч. людей»).
[30] Модзалевский Б. Пушкин. Л., 1929, с. 304—323.
[31] См. письма Ефремова к Геннади.— ПД, ф. 357, оп. 3, № 17.
[32] ПД, арх. Семевского, оп. 3, № 15. Данилевский Г. П. Письма [5] к Геннади Г. Н., л. 1 и 5 (1855 г.).
[33] Знакомые: Альбом М. И. Семевского... Спб., 1888, с. 83.
[34] См.: Шибанов П. П. Друзья книги.— Книга. Исследования и материалы, 1973, вып. 27, с. 157.
[35] См.: Письма Фридриха Боденштедта/ Публ. Анри Гранжара.— Лит. наследство, 1964, т. 73, кн. 2. Из парижского архива Тургенева, с. 318—319.

К ГЛАВЕ II

[1] Максимович А. Я. Некрасов — участник «Свистка».— Лит. наследство, 1949, т. 49/50, с. 344.
[2] Гришунин А. Л. Очерк истории текстологии новой русской литературы.— В кн.: Основы текстологии/ Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962, с. 179.
[3] Максимович А. Я. Цит. соч., с. 311.
[4] Там же, с. 310.
[5] Там же, с. 315—316.
[6] См.: Ашукин Н. Библиотека Некрасова.— Лит. наследство, 1949, т. 53/54, с. 376.
[7] Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 год. М., 1956, с. 238.
[8] Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1962, т. 3, с. 461.
[9] Котляревский А. А. Соч. Спб., 1863, т. 2, с. 110.
[10] Подробнее об этом см.: Равич Л. М., Эльзон М. Д. О стихотворении Некрасова «Литературная травля».— В кн.: Некрасовский сборник /АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) VI. Л., 1978, с. 40—51.
[11] ГПБ, ф. 178, № 10. Геннади Г. Н. Прерванные заметки для памяти, 1860—1866. Записи дневникового характера, л. 18 об.—19.
[12] Там же, л. 4 об.
[13] ПД, арх. Лонгинова. Геннади Г. Н. Письма к Лонгинову М. Н. 23145/CLXVI, б. 12, 1 января 1858 г., л. 2 об. и 13 янв. 1858 г., л. 3.
[14] См. там же, 1 дек. 1857 г., л. 1 об.
[15] См. об этом: ГПБ, ф. 178, № 10. Геннади Г. Н. Прерванные заметки для памяти, 1860—1866. Записи дневникового характера, л. 11—11 об.
[16] ГПБ, ф. 178, № 9. Геннади Г. Н. Дневник, 1855—1869. Пб.— Москва, 19 марта 1856 г., л. 7.
[17] Там же, апр. 1856, л. 9 об.
[18] ГБЛ, ф. 233, карт. 4, ед. хр. 31. Письма Г. Н. Геннади к С. Д. Полторацкому. 1853—1856 гг. 25 февр. 1856 г., л. 1 об.
[19] ПД, арх. Семевского, оп. 1, № 116. Письма Г. Н. Геннади. 15 мая 1861 г., л. 1.
[20] ГПБ, ф. 178, № 10. Геннади Г. Н. Прерванные записки для памяти..., л. 2.
[21] Никитенко А. В. Дневник. М., 1955, т. 2, с. 170.
[22] См.: ГПБ, арх. П. П. Пекарского, № 194. Геннади Г. Н. Письма [6] к П. П. Пекарскому, л. 1.
[23] См. об этом: ГПБ, арх. Гаевского. Геннади Г. Н. Письма к В. П. Гаевскому [б. д.], л. 1.
[24] ГПБ, ф. 178, № 10. Геннади Г. Н. Прерванные записки для памяти... апр. 1860 г., л. 2—2 об.

[25] Китаев В. А. От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50—60-х годов XIX века. М., 1972, с. 85.
[26] Пустовойт П. Г. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М., 1960, с. 39.
[27] Рейсер С. А. Цит. соч., с. 225.
[28] Цит. по кн.: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955. Примеч. Б. С. Боднарского, с. 588. Подлинник — в ГБЛ.
[29] См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 40, 537 и др.
[30] Там же. М., 1950, т. 15, с. 905. Подробнее об отношении Чернышевского к библиографическому направлению см.: Мотольская Д. К. Вопросы истории литературы в рецензиях Н. Г. Чернышевского 1853—1854 гг.— Учен. зап./Ленингр. пед. ин-т, 1957, т. 134, с. 67—90.
[31] Максимович А. Я. Цит. соч., с. 309—310.
[32] Штейнгольд А. М. М. Л. Михайлов — литературный критик: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1971, с. 10.
[33] Цит. по статье: Гуменюк М. П. Библиографическая деятельность А. М. Лазаревского.— Сов. библиогр., 1960, № 4, с. 75.
[34] ГПБ, арх. Гаевского, № 84. Геннади Г. Н. Письма к В. П. Гаевскому. 24 июня 1854 г., л. 2.
[35] ГПБ, ф. 178, № 113. Собко Н. П. Письма [9] Григорию Николаевичу Геннади. 27 июля 1879 г., л. 3.
[36] Иваск У. Г. Григорий Николаевич Геннади: Обзор жизни и трудов. М., 1913, с. 11.

К ГЛАВЕ III

[1] Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955, с. 554.
[2] ГПБ, ф. 178, № 7, л. 140.
[3] Иваск У. Г. Цит. соч., с. 31.
[4] Каллаш В. В «Puschkiniana». Киев, 1902, ч. 1, с. 5.
[5] Кн. вестн., 1860, № 1/2, с. 26.
[6] Моск. ведомости, 1860, № 42, с. 324.
[7] Здобнов Н. В Цит. соч., с. 555.
[8] Дерунов К. Н. Жизненные задачи библиографии: (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет).— В кн.: Дерунов К. Н. Избранное. М., 1972, с. 19.
[9] Рус. библиогр. листок, 1858, № 3, с. 171.
[10] Там же, с. 1.
[11] Там же, с. 171.
[12] См.: Винер Е. Н. Библиографический журнал «Книжный вестник», 1860—1867. Л., 1950, с. 111.
[13] ПД, арх. Лонгинова. 23145/CLXVI, б. 12. Геннади Г. Н. Письма [14] к Лонгинову М. Н. 1 янв. 1858 г., л. 2 об.
[14] Там же, 4 февр. 1858 г., л. 1 об.
[15] Там же, 6 ноября 1858 г., л. 2 об.
[16] ГПБ, ф. 603, № 117. Геннади Г. Н. Письма [20] к С. Д. Полторацкому. 6 апр. 1858 г., л. 1.
[17] См.: Равич Л. М. А. Н. Афанасьев и журнал «Библиографические записки».— Сов. библиогр., 1971, № 6, с. 45—60.
[18] ПД, арх. Полонского. 12012. LXIX, б. 7. Письма Г. Н. Геннади (б. д. и 25 февр. 1859 г.).
[19] ГПБ, арх. Пекарского, № 194. Геннади Г. Н. Письма [6] к П. П. Пекарскому. 23 марта 1860 г., л. 1.

[20] ПД, ф. 375, оп. 3, № 17. Ефремов П. А. Письма [3] к Г. Н. Геннади. 25 авг. 1864 г., л. 1.
[21] См. там же, письмо от 26 мая 1863 г. и 4 окт. того же года.
[22] ПД. Из бумаг П. А. Ефремова. 2427. VIII, м. 19. Геннади Г. Н. Письма Ефремову П. А. Б. д. (конец 50-х гг.).

К ГЛАВЕ IV

[1] Здобнов Н. В. Цит. соч., с. 284.
[2] Дерунов К. Н. Цит. соч., с. 19.
[3] Берков П. Н. «Общие библиографии русских книг гражданской печати, 1708—1955» М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии.— В кн.: Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати, 1708—1955: Аннот. указ. 2-е изд. Л., 1956, с. 19.
[4] Письма... к библиографу С. И. Пономареву. М., 1915, с. 121.
[5] ПД, ф. 357, оп. 3, № 24. Пономарев С. И. Письма к Геннади Г. Н. 19 апр. 1861 г., л. 2 об.
[6] Рус. библиогр. листок, 1858, № 4, с. 236.
[7] Сев. вестн., 1890, № 5, с. 207.
[8] Иваск У. Г. Цит. соч., с. 28.
[9] Об этом см.: Гудовщикова И. В. Выявить и учесть золотой фонд русской библиографической литературы.— Сов. библиогр., 1972, № 2, с. 6. Весьма высокую оценку работы Геннади дает и сама И. В. Гудовщикова.
[10] Дерунов К. Н. Цит. соч., с. 19.
[11] Там же, с. 20.
[12] ГПБ, ф. 178, № 8. Заметки на память Григория Геннади, л. 4.
[13] Там же, л. 7.
[14] ПД, арх. Лонгинова, 23145/CLXVI, б. 12. Письмо от 20 июля 1857 г., л. 1.
[15] Симон К. Р. История иностранной библиографии. М., 1963, с. 671—672.

К ГЛАВЕ V

[1] ГПБ, ф. 178, № 7. Геннади Г. Н. Tutti frutti..., с. 77.
[2] Там же, с. 24.
[3] Там же, с. 140.
[4] ГПБ, ф. 178, № 8. Заметки на память Григория Геннади, с. 7.
[5] ПД, арх. Лонгинова. 23145/CLXVI, б. 12. Геннади Г. Н. Письма [14] к М. Н. Лонгинову. Авг. 1857 г., л. 1—1 об.
[6] Иваск У. Г. Цит. соч., с. 28—29.
[7] См. примеч. № 19 к главе 1.
[8] Рус. архив, 1866, № 4, стб. 561.
[9] Там же, 1868, № 12, стб. 2001.
[10] Искра, 1867, № 45, с. 556.
[11] ПД, собр. Стравинского. 25415/CLXXXII, б. 24. Семевский М. И. Письмо к Геннади Г. Н. 26 авг. 1879 г., л. 1.
[12] ГПБ, ф. 178, № 113. Собко Н. П. Письма [9] Григорию Николаевичу Геннади. 5 авг. 1879 г., с. 10.
[13] Там же, с. 11.
[14] Иваск У. Г. Цит. соч., с. 57.
[15] Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати, 1708—1955: Аннот. указ. 2-е изд. Л., 1956, с. 132.

К ГЛАВЕ VI

[1] Здобнов Н. В. Цит. соч., с. 284.
[2] Там же, с. 362.
[3] ГПБ, ф. 178, № 8. Заметки на память Григория Геннади, л. 5—6 (8 апр. 1852 г.).
[4] Там же, л. 25 (30 окт. 1853 г.).
[5] Там же, л. 28 (4 дек. 1853 г.).
[6] ГПБ, арх. Гаевского, № 84. Геннади Г. Н. Письма к В. П. Гаевскому. 24 июля 1854 г., л. 1—3.
[7] ПД, арх. Лонгинова, 23145/CLXVI, б. 12. Геннади Г. Н. Письма [14] к Лонгинову М. Н. 20 июля 1857 г., л. 1 об.— 3.
[8] ПД, собр. Яковлева, ф. 357, оп. 3, № 20. Лонгинов М. Н. Письма его [4] к Геннади Г. Н. 14 авг. 1857 г., л. 1.
[9] Рус. библиогр. листок, 1858, № 4, 20 февр., с. 235.
[10] Там же, с. 235—236.
[11] Мартынов Н. Г. Открытое письмо г. г. библиографам и издателям.— Кн. вестн., 1904, № 14, стб. 407.
[12] Шамурин Е. И. Словарь книговедческих терминов. М., 1958, с. 185.
[13] Машкова М. В. Проблема репертуара книги в русской библиографии: Дис. на соискание учен. степени канд. пед. наук. Л., 1946, с. 10. Машинопись.
[14] Там же, с. 80.
[15] ПД, арх. Лонгинова. Геннади Г. Н. Письма [14] к Лонгинову М. Н. 20 июня 1857 г., л. 2.
[16] Там же. Письма С. А. Соболевского к М. Н. Лонгинову, л. 23—25 об.
[17] Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1936, т. 3, с. 115.
[18] ГПБ, ф. 603, № 117. Геннади Г. Н. Письма к Полторацкому С. Д. 2 марта 1853 г., л. 1.
[19] Там же, ф. 178, № 46. Геннади Г. Н. Библиография русских альманахов и литературных сборников. [212 л.], л. 38.

К ГЛАВЕ VII

[1] Собольщиков В. И. Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов. Спб., 1859, с. 1.
[2] Кн. вестн., 1860, № 19/20, с. 229—230.
[3] Журн. М-ва нар. просвещения, 1858, авг., с. 104—105.
[4] Там же, 1864, май, прил., с. 1—3.
[5] Рус. архив, 1878, т. 3, с. 385.
[6] Масанов Ю. И. В мире анонимов, псевдонимов и литературных подделок. М., 1963, с. 215—216.
[7] Этот пробел в некоторой степени восполняет вышедшая недавно книга В. В. Кунина «Библиофилы пушкинской поры» (М., 1979).
[8] ГБЛ, ф. 233, карт. 1, ед. хр. 32. Письма от 24 и 29 июня 1857 г.
[9] Огарев Н. П. Избр. произведения. В 2-х т. М., 1956, т. 2, с. 451.
[10] Рус. библиогр. листок, 1858, № 3, с. 169.
[11] Кн. вестн., 1865, № 5, с. 101.
[12] Там же, 1865, № 7, с. 137.

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

[1] См., напр., указанные выше работы И. В. Гудовщиковой, В. И. Порудоминского, П. П. Шибанова. Геннади сочувственно упоминается в вышедшем недавно капитальном труде «Академические школы в русском литературоведении» (М., 1976).

[2] Самой содержательной является статья американской исследовательницы Марианны Такс-Холдин: Grigorii Gennadi and Russian bibliographi: a reexamination.— Libri, 1975, vol. 25, N 1, p. 13—33.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Любовь Моисеевна Равич

Г. Н. ГЕННАДИ

Редактор Н. С. Агеева
Художественный редактор Н. Д. Карандашов
Технический редактор А. З. Коган
Корректор **Л. В. Назарова**

Сдано в набор 2.12.80. Подписано в печать 17.03.81.
А02251. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 1.
Гарнитура литературная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,14. Уч.-изд. л. 7,41. Тираж 12 000 экз.
Заказ № 250. Изд. № 3212. Цена 50 к. ИБ № 901

Издательство «Книга». Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10
Московская типография № 4 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
129041, Москва, Б. Переяславская ул., д. 46

50 к.